

II

РА80937

Кр.

ЭРИЛИК ЭРИСТИН

МАРЫКЦАНСКИЕ
ПАРНИ

ОГИЗ - ИРКУТСК-1948г.

ЭРИЛК ЭРИСТИН

МАРЫКЧАНСКНЕ ПАРНИ

Перевод с якутского
А. ОЛЬХОН

ОГИЗ
ЯКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1948

80937

I

Мейер Едлин прочитал шифрованную телеграмму и прикусил узенькие чёрные усы. Телеграмма была неприятная. Телеграмма напоминала Мейеру Едлину, начальнику колчаковской милиции в Батурусской волости, что времена стоят тревожные. Можно было потерять не только свою высокую должность, не только щёгольские усы, но и всю голову.

Торопливо нарезав аккуратными квадратиками бумагу, Едлин написал несколько повесток и окликнул дежурившего за дверью милиционера:

— Эй, Сатакин!

Скрипучая дверь в кабинете начальника взвизгнула, на пороге встал якут. Одёргивая неуклюже сидевшую милицейскую форму, якут боязливо переступал с ноги на ногу.

— Вот тебе повестки. Отдашь в собственные руки Елпидифору Егасову, Савве Собачкину, доктору Трифонову и отцу Герасиму.

Мейер Едлин протянул милиционеру бумажки. Якут молча стоял перед Едлиным, всё также переступая с ноги на ногу.

— Вручи каждому лично. Понятно? Да поскорее, ждуть некогда.

— Ладно,—ответил немногословный якут, закрывая за собою скрипучую дверь.

Оставшись один в своём дощатом кабинете, Мейер Едлин нахмурил брови и, покручивая усы, задумался.

Да, времена были тревожные. Но именно сейчас представлялся случай ему, анархисту Едлину, показать местным ёсерам и националистам насколько он смелее их в трудную минуту.

«Горлопаны,—думал об эсерах Едлин,—утешают друг друга речами, бахвалятся, да ещё надо мной посмеиваются. Посадить их на моё место, иное запели бы. Ну, да он ещё покажет себя, и не только в Батурусской волости. Недаром же при царизме его выслали в Якутию. Он, Мейер, не какой-нибудь эсеришка, он—анархист...».

Мысли летели сбивчиво, смутно. Самолюбие Мейера Едлина всегда беспокоили какие-нибудь смутные мысли. Он был мнителен и скрывал жалкую трусливость напускной лихостью. Не всегда это удавалось. Чаще всего Едлин не мог удержаться, и характер его легко раскрывался перед окружающими. Вот и в последний раз... эсеришки подняли его на смех. Как это случилось?..

Всего лишь месяц с небольшим экспедиционный отряд Центросибири под командованием Рыдзинского после ночного боя занял Якутск. Услышав об этом, все марыкчанские белогвардейцы скрылись в тайгу. До Якутска, правда, далеко, а всё-таки, если появились большевики, то...

Когда по узенькой лесной тропинке беглецы пересекали горный перевал, начальник милиции господин Мейер Едлин услышал подозрительный треск в придорожных кустах. Засада! Панический страх был непреодолим. Забыв обо всём на свете, Мейер Едлин отбросил от себя винтовку и, нагнувшись к конской шее, закричал: «Сдаюсь, не стреляйте!..» Его примеру последовал ещё кое-кто... Но не в этом дело. Оказалось, что причиной испуга начальника милиции был всего-навсего... чёрный дятел, обеспокоенный ночными путешественниками. Смеху было много. Особенно посмеялись над ним, Мейером Едлиным. Хуже всего было, что вся эта история произошла на глазах у Марии Герасимовны...

Смутные мысли Мейера Едлина оборвал приход одного из приглашённых. Это был сам отец Герасим.

Священник Герасим Яснецкий, «якутский поп», как его обычно именовали все верующие, и русские и якуты, неохотно поздоровался с Мейером за руку. Якут по национальности, отец Герасим не мог помириться, что какой-то Мейер Едлин занимает начальственную должность и здоровается с православными христианами, как равный, рука за руку.

— Садитесь, отец Герасим! Сейчас подойдут остальные,— вежливо приветствовал Едлин «якутского попа».

Мейер Едлин заискивал перед «якутским попом» и готов был простить ему даже припадки слабоумия. В последние годы Герасим Яснецкий всё чаще и чаще страдал этими припадками, угнетавшими не только близких родственников, но и всех его прихожан. Мейер Едлин всегда старался ладить со слабоумным священником, у него были для этого веские причины. Маруся или Мария Герасимовна, дочь «якутского попа», завладела анархическим сердцем Едлина.

— Отдохните, отец Герасим! Надо посоветоваться с вами и с членами управы по одному важному вопросу. Пришлось беспокоить...

Священник, не отвечая на ласковое приглашение Едлина, поглядел в окно, за которым виднелись две церкви Марыкчанского погоста, бросил шляпу на железный сундук, сел и тяжело вздохнул.

В минуты душевного равновесия отец Герасим думал о мести большевикам. Единственный сын его Миша Яснецкий, учившийся в духовной семинарии, в этом году бросил ученье, поступил в дружину по обороне Якутска и при наступлении красного отряда Рыдзинского был убит. Таковы последние слухи: убит в перестрелке на заставе.

Как отомстить за сына—«якутский поп» не знал. Ему казалось, что первого встречного большевика он самолично разрежет на куски. Подумать только: убили его сына! А тут ещё дочь!

Отец Герасим знал, что Мария завела любовные шашни с этим анархистом, с этим Мейером. Дочь православного священника, окончившая гимназию,—и спуталась с трусливым анархистом! Уж не хочет ли Мария стать его женой? Не хочет ли она занять место кривоногой старой супруги Едлина?

Не трудно было помутиться разуму «якутского попа». Что делается в Якутии? Вчера, на торжественное молебствие по случаю очищения Якутска от красной заразы, в церковь пришли одни богачи-князьцы с жёнами. Двадцать человек со всего Марыкчана! Стыд и позор! И ещё скандал в церкви при богослужении!

Во время проповеди второго священника, отца Иосифа Баранышева, говорившего о скором разгроме большевиков во всей Сибири, в храм вбежал сельский дурачок Роман Татыйак, оборванный, с бесстыдными идиотскими ужимками. Оглядевшись вокруг, заорал на всю церковь:

— Поп Герасим! Хлев я тебе вычистил, отдавай деньги!

Когда буяна стали выводить из храма, он зашумел ещё сильнее:

— Ты, поп, сам якут, а якутов не жалеешь. Отдай деньги за работу! Зачем жилишь? Разве бог так учит?..

Когда священник Герасим вспоминал все события последних месяцев, горло у него сжимала невидимая рука, в глазах всё качалось и прыгало, как будто уже начинался конец света, обещанный библией.

Герасиму хотелось кричать и плакать, он с трудом сдерживал надвигающийся припадок.

В кабинет Едлина один за другим шумно вошли трое веселых, улыбающихся людей. Двое были местные якуты: эсер Егасов и федералист Савва Собачкин, третий—русский, меньшевик, врач Трифонов.

С тех пор, как банда атамана Гордеева свергла советскую власть в Якутске, забыв о своих партийных разногласиях, эта тройка стала неразлучна. Ненависть к большевикам объединила их помыслы. Они простили все слабости и анархисту Мейеру Едлина.

Едлин церемонно усадил гостей, поставил терпеливого милиционера Сатакина на караул в соседней комнате и сам закрыл дверь кабинета.

— Вот что, господа члены управы. Я получил секретную телеграмму господина Степанюка. Начальник областной национальной милиции сообщает, что после разгрома отряда Рыдзинского девять красных бунтовщиков бежали в нашу волость. Предполагают, они пошли по речке Намалае. Мимо Марыкчана им не пройти. Есть сведения, что красные направляются зимним трактом к Охотскому морю; оттуда уже они могут пробиться до Владивостока. Владивосток пока ещё в руках Советов...

Сообщение Едлина грянуло, как удар грома. Все зашумели, заговорили сразу. Поп Герасим от неожиданной новости перекрестился.

— Господи боже! Вразуми, наставь нас, грешных, на путь праведный! Опять большевики идут!..

У священника затряслись голова и плечи, но никто не обращал на него внимания. Марыкчанским властям представлялась возможность показать перед новыми хозяевами Якутска своё умение бороться с красными. Случай был явно соблазнителен для Мейера Едлина. Ему давно хотелось отличиться.

— Для поимки бежавших из Якутска красных разбойников,—громко заговорил Едлин, радуясь, что сумел всех удивить секретной новостью,—для задержания большевистских войск надо принять срочные меры. Прошу господ членов управы вынести решение о немедленной мобилизации населения. Через два часа мне потребуется тридцать вооружённых всадников...

Председатель управы Собачкин выжидающе молчал. Егасов, утирая платком вспотевший лоб, по обыкновению покрывивая, как бы в раздумьи, не спеша спросил:

— Что же понадобилась такая большая сила: тридцать всадников? Неужели столько требуется для захвата девяти человек, тем более, что они наверняка измотались в дороге? Обойдётся, может, силой поменьше этого?..

— Как силой поменьше этого? Чего—этого?—перебил Собачкина поп Герасим. У священника начинался припадок, и он уже плохо соображал.

— Девять красноармейцев нам не страшны,—снова ввязался в разговор Егасов.—Дорога назад для них закрыта, они и сами это понимают. Впереди у них безлюдный Охотский тракт. Единственное, что остаётся делать девяти большевикам,—сдаться здесь, в Марыкчане. Пошлём парламентёров, пообещаем всем пощаду, обойдётся без кровопролития...

Поп Герасим, возбуждённый разговором, больше не противился припалку надвигавшегося безумия. Захлёбываясь, он стал кричать на Егасова:

— Как можно заставить разбойников сдаться без кровопролития? У кого вместо души красная тряпка, тот не приемлет мира! Весь ваш эсеровский социализм пожрёт христианская собака!..

Трифонов подмигнул Егасову и выразительно обвёл глазами присутствующих. Все поняли доктора: «якутский поп» опять запсиховал. Мейер Едлин махнул рукой, как бы приглашая не обращать больше внимания на отца Герасима, и сказал вполголоса:

— Господа, нам нечего более обсуждать. Предоставьте мне просимое число людей, а я найду способ заставить большевиков сдаться. Принимаю ответственность на себя.

Услышав эти слова, отец Герасим вскочил со стула и замазал руками рясы:

— Ты что? Ты кто? Стал здесь самодержавным царём? Здесь не Вавилон, здесь наша якутская земля. Мы не позволим тут властвовать какому-то сыну Каина. Убирайся отсюда в свою Вавилонию и будь там хотя бы оттоманским императором...

— Отец Герасим, пойдите домой, отдохните. Вам нельзя вслываться,—нахмутив брови и теребя усы, произнёс Мейер Едлин.—Мы посоветуемся, и вас известим, если что решим. Все ваши замечания очень справедливы, и мы их примем...

— Ага, значит вы, анархисты, изгоняете меня? Ладно, ладно, я не меньшевик, соглашаться не стану. Но помните, мой Миша пролил православную кровь не за вашу вшивую демократию, а за веру, царя и отечество. А вы? Вы боитесь потребовать от большевиков даже возвращения на трон почившего императора Николая! Фарисеи! Да, пусть выметут вас с лица земли!..

Пошатаваясь и размахивая руками так, что казалось: сейчас вот-вот кого-нибудь ударит, поп Герасим, косолапо шагая, вышел из комнаты.

Члены управы молча глядели ему вслед. Едлин быстро написал записку Марии Герасимовне, извещая о новом приступе душевного заболевания отца. Торопливый Сатакин побежал с запиской к поповне, а господа члены управы с неприятным чувством продолжали заседание. Оно тянулось недолго. Ни у кого не осталось желанья противоречить начальнику милиции. Председатель управы Собачкин решил принять предложение Мейера Едлина:

— В первую голову должны вооружиться мы—местные интеллигенты. Это будет примером для всего населения. Оружие надо дать прежде всего преданным нам людям, а там посмотрим. Выедем сегодня, как хочет Едлин, и поставим засаду у Чардарской церкви. Этим мы перережем красным все пути...

Члены управы, к удовлетворению Едлина, без прений согласились с Собачкиным и разошлись, спеша снарядиться для поездки в Чардар.

Проводник почтовой станции Коля Манасов возвращался домой. Въезжая в деревню, мальчик ударил кнутом по коням и те сменили усталый, неторопливый шаг на широкую рысцу. Ко-

локольчики, чуть слышно шептавшие всю обратную дорогу, оживились, запели звонко и бодро. Гулко продребезжал деревянный мостик через речку. Как заправский ямщик, Коля Манасов лихо прокатил по всему посёлку к почтовой станции. Станционная изба стояла возле кирпичного сарая содержателя станции. Коля быстро распряг лошадей, занёс сбрую в сарай и пошёл в дом.

— Вернулся, сыночек? Что, кони не очень устали?—встретила Колю привычными словами мать, преждевременно составившаяся якутка Екатерина.

— Нет, не устали,—также привычно отвечал Коля. Он повесил пальтишко с растрёпанными полами у дверей и сразу же полез в передний угол, за стол. Мать уже успела поставить туда горячий фыркающий паром самовар. Конечно, устали и кони, устал и сам молодой ямщик, но при возвращении домой было не принято признаваться в усталости. Так было заведено испокон веков во всех ямщицких семьях.

Шестнадцатилетний Коля Манасов выглядел старше своего возраста. Он был высок ростом, худощав, но крепок. Смышлёные задорные глаза украшали его подвижное лицо, закалённое многими ветрами таёжных дорог. Коля Манасов учился в Марыкчанской школе и последние два года помогал своему отцу Семёну, по прозвищу Догордук. Семён всю жизнь батрачил на марыкчанских богатеев и сейчас по уши увяз в долгах у кулака Мурунаева, содержавшего попутно и почтовую станцию.

Жизнь учила Колю Манасова лучше всякой школы. Он искренне радовался свержению старой царской власти, ходил на все сельские собрания, слушал ораторов от всех партий, ждал чего-то нового. А новое в посёлок Марыкчан не приходило. Ссылных большевиков, о которых столько говорили ораторы, в Марыкчапе не было, а эсеров, меньшевиков, анархистов, русских и якутов,—с течением времени Коля Манасов перестал считать революционерами. У них было много слов и не было никаких дел. Марыкчанские богатеи правили посёлком, как и прежде. Правда, в этом им помогали не царские власти, а люди, называвшие себя «революционерами», но от этого жизнь батрака-отца и самого Коли нисколько не изменилась. Оставалась ещё одна революционная партия—большевики. Коля Манасов надеялся, что это и есть подлинные друзья якутской бедноты. В самом деле, иначе зачем бы кулаки-тойоны вместе со всякими эсерами так злобились на захват власти большевиками в Октябре?

Слухи о большевиках были разные. Но в России большевики эдержали верх: значит их поддержал народ. Так думал Коля Манасов и равнодушно слушал рассказы о большевистских ужасах. «Большевики принуждают владельцев двух рубах снять и отдать другим одну»,—пугали друг друга марькчански кулаки. Коле Манасову это казалось не страшным. У него никогда не было двух рубах. И у отца никогда не бывало двух рубах. И у матери никогда Коля не видел двух платьев. Что ж, если б у него было две рубахи, он, Коля, отдал бы одну, например, голому Татыйаку.

— Сыночек, сыночек, что делается?—Старого Романа Татыйака в кутузку посадили,—не удержалась сообщить сыну последнюю деревенскую новость Екатерина.

— За что же его?—поллюбопытствовал Коля с искренним удивлением.

— С этим несчастным всегда что-нибудь случается. Зашёл вчера в церковь во время службы, обругал отца Герасима. Тот денег ему за работу не платит. Да это бы ещё полбеды—вывели из церкви и только. А на улице Татыйак стал кричать, что, мол, свобода пришла для бедноты, скоро большевики всех богачей уничтожат. Вот и показали старику свободу. В кутузку холодную посадили... А помнишь, сынок, как твоего отца десять дней под арестом держали? За что? За то, что от нашего хозяина на другое место уйти захотел. Столько лет батрачили за кусок хлеба и уйти нельзя? А только и разговора: свобода пришла!.. Пустые слова! Не было свободы, да и не будет...

Старая Екатерина любила высказывать перед сыном свои горькие думы.

Но Коля был настроен по-другому.

— Настоящей свободы мы не знаем, мать. И не узнаем, пока настоящие революционеры не придут. Придут они, тогда и ты увидишь, что такое свобода...

— Кто эти настоящие революционеры? Не большевики ли? Плохая на них надежда, сынок. Слышал, поди, идут—всех грабят, всё хорошее у людей отбирают...

— Ну, твою-то хорошую шубу они не отберут.

— Мою-то шубу,—Екатерина поглядела на кожаный балахон, висевший у двери, и невесело улыбнулась,—мою шубу, пожалуй, не отберут. Заплат много да и грязи—не счистить...

Коля не успел ещё отогреться и выпить чаю, как возле

дома кто-то закричал. Поглядев в мутное стекло, Коля узнал старшего управского милиционера Менягина, гарцовавшего возле сарая. Не одеваясь, мальчик выбежал во двор и чуть не наскочил на всадника. Удерживая поводьями своего скакуна, Менягин нарочито громко, по-начальнически, закричал Коле:

— Все лошади дома?

— На двух уехали, два коня только вернулись,—заученным голосом отвечал Коля. Он привык ко всяким спешкам, требовавшим лошадей, и надеялся, что его ответом Менягин удовлетворится. Кони принадлежали богачу Мурунаеву, содержавшему станцию, и милиционер вряд ли решится требовать куда-нибудь уставшую пару. Но случилось не так, как ожидал Коля.

— Седлай обеих лошадей и веди к управе. Да чтоб быстро,—скомандовал милиционер.

Екатерина, вышедшая за сыном во двор, сейчас же вступила в пререкания:

— Как это седлай! Кони сейчас вернулись с дороги, не кормлены. Куда их гнать, и так из поездки в поездку гоняют без выстойки. Мурунаев с нас спросит, да и тебе же, Менягин, отвечать придётся...

— Делайте, что говорю! Приказ есть от управы: всех лошадей под седло. И без разговоров, а то худо будет...

Повернув беспокойного скакуна, Менягин умчался. Мать и сын расстались, как всегда, безмолвно.

Видимо, готовилось что-то необычное, коней требовали не для почтовой гоньбы. Это сразу понял Коля, увидев нескольких всадников, спешивших от займки поселенца Будашевского к зданию управы. Несмотря на туман, силуэты конных людей были отчётливо видны. За их спинами маячили винтовки. Коля Манасов не стал торопиться и шагом подъехал к дому управы. У забора он привязал своих лошадей и вошёл во двор. Там уже толпились люди с винтовками. Все они оказались знакомыми марыкчанскими обывателями.

— Ну, парень, пойдёшь с нами крошить большевиков?—спросил Колю высокий якут, прозванный «Глухим Павликом». В одной руке Глухой Павлик держал подпругу.

— Каких большевиков, откуда они взялись в Марыкчане?—с притворным испугом спросил Коля.

Глухой Павлик только хихикнул и ничего не ответил. Вооружённые люди бесцельно шагали по управскому двору, окружён-

ному изгородью из лиственничных жердинок. Проглянуло сентябрьское, скупое солнце, позолота на куполах двух марыкчанских церквей вспыхнула, заиграла, словно расплавленная. Туман быстро сдувало ветром, и ярко горел пожелтевший лес на горных хребтах, окружавших Марыкчан. Посёлок выглядел как-то необычно насторожённым. Редко-редко по улицам мелькали прохожие. Внезапно открылась дверь управы, и на террасу выкатилась целая толпа. Коля узнал марыкчанских заправил, именовавших себя «революционерами».

— Подходите все сюда! Подходите ближе!—закричал председатель управы Савва Собачкин людям, бродившим по двору. Эсер Егасов, учительствовавший в двухклассной министерской школе Марыкчана, считался постоянным оратором. И сейчас, дождавшись, когда люди со всего двора сгрудились перед террасой, заменившей таким образом трибуну, Собачкин предоставил словоохотливому эсеру своё место. Коля Манасов не однажды слышал речи Егасова. Они были однообразны, крикливы и мало-содержательны. На этот раз Егасов тоже не мог удержаться от заклинаний и рассуждений, которые все слышали от него же чуть не ежедневно. Зато в конце речи послышалось что-то новое. Предсказывая скорую гибель большевиков и торжество «свободы всей России», Егасов подчеркнул, что в Якутске уже ликвидирован красный отряд Рыдзинского и разгромлен бодайбинский отряд Стояновича.

Оратор поздравил слушателей с победой и, между прочим, раскрыл истинную причину сегодняшнего митинга. По словам Егасова, свобода могла погибнуть, если они, марыкчанцы, не захватят сегодня последних уцелевших большевиков, пробирающихся мимо Марыкчана к востоку. Девять красноармейцев—цифра, названная Егасовым, успокоила самых трусливых. Прижав локтями ружья, все привычно похлопали в ладоши. После митинга Мейер Едлин пожал руку подошедшей поповне Марии Яснецкой и молодцевато командовал:

— Все на коней!

— Мейер Янкелевич, я коней привёл, кому их сдать?—бойко спросил Коля.

— Сам поедешь, с нами!—на ходу бросил Едлин.

Коля пытался сказать Едлину или ещё кому-нибудь из членов управы, чтобы его оставили дома, но никто не слушал подростка. Люди засуетились, подтягивали подпруги, шумели, вска-

ливали на коней. Коле пришлось сесть на лошадь к Глухому Павлику, который поманил его к себе. Отряд тронулся вдоль деревни. Мейер Едлин повёл всю колонну мимо домов местных тойонов и кулаков. Он хотел показать грозную силу своих всадников и порисоваться перед Марией Яснецкой.

Удивлённые лица женщин и детей, не решавшихся выйти на улицу, выглядывали из всех окон. Посёлок Марыкчан ещё не знал: куда и зачем начальник милиции господин Мейер Едлин повёл такое множество конников? Воинственно проехав деревенскую улицу, отряд повернул через речку на почтовый тракт.

Коля Манасов, ехавший за спиной Глухого Павлика, оглянулся в последний раз на родной посёлок. Столбы дыма поднимались из всех труб и таяли высоко над Марыкчаном в холодеющем воздухе.

3

Чардарский попик Никодим Лисицын, священник из якутов, ничем не выделялся из немногочисленной группы своих одноплеменников, удостоенных духовного звания. Это духовное звание давало якуту Никодиму Лисицыну выгодное место в жизни, и отец Никодим ревностно поддерживал имущих власть. Поповское дело было не безвыгодно даже в новые времена. Правда, поп Никодим после свержения царя стал всего опасаться. Собственное благополучие уже не казалось незыблемым. «Что-то должно случиться?»—эта мысль не давала покоя Никодиму Лисицыну. Откуда появилась назойливая мыслишка, кто её знает. Но избавиться от неё поп Никодим не мог. И сегодня, увидев незнакомых всадников, поднимавшихся к церковной ограде гуськом, по узкой тропинке, отец Никодим почувствовал неприятный холодок. Люди ехали со стороны Якутска, значит...

Приглаживая волнистые чёрные волосы, поп Никодим не мог оторваться от окна, пока всадники не доехали до ворот дьячковской избёнки.

— Меланья Фёдоровна, видела, кто подъехал к дьячковскому дому?—каким-то сдавленным голосом он сказал понаде, сидевшей в соседней комнате.

Вместо ответа появилась сама Меланья Фёдоровна. С нею вошла её родная сестра Агаша, воспитанница епархиального училища. Обе женщины с любопытством поглядели в окно и

разом всплеснули руками. Меланья Фёдоровна спросила полушёпотом:

— Большевики?

— Кому больше,—тоже полушёпотом ответил поп,—давно ждали, ну и дождались горяшка...

Приехавшие, действительно, были красноармейцы. Остановившись у дьячковской избы, они спешили и о чём-то толковали с дьячком. Сухонький старик, дьячок Ласточкин, видимо перепуганный, говорил, показывая рукой прямо в окно священнического дома. Беседа длилась недолго. Красноармейцы вскочили в седла, один поскакал обратно в тайгу, а другой медленно поехал к церковной ограде, там он слез и стал рассёдлывать лошадь.

Отец Никодим засуетился.

— Сейчас весь дом перевернут. Ты, Меланья Фёдоровна, спрячь куда-нибудь что поценнее. Агаша, жги все письма. Храни бог, найдут антибольшевистское, тогда ни тебе, ни нам не сдобровать... Постой, Меланья! Прежде всего спрячь мешочек...

Засучив рукава рясы, отец Никодим самолично начал рыться на этажерке, выхватывая из лежавших там метрических книг антисоветские листовки и брошюры. Тихие комнаты поповского дома преобразились. Постукивали каблучки агашиных туфель, гремели ящики комодов, позванивали крышки увесистых сундуков.

Меланья Фёдоровна сбегала на кухню, заглянула в сени, сладким голоском покричала работницу. Никто не отозвался. Попадья вспомнила, что работница послана на огороды и, с облегчением вздохнув, заперла входную дверь.

Подготовка к встрече большевиков продолжалась. Отец Никодим бросал в плиту без разбора все письма и циркуляры духовной консистории. Меланья Фёдоровна, перерыв комоды, сходила во двор, прижимая к груди плотный небольшой мешочек. Агаша, побросав все письма в огонь, с грустью рвала из альбома листы, где некие молодые люди, а чаще всего Михаил Яснецкий, сын марьинанского «батюшки» Герасима, рядом с любовными стишками вписывали проклятья коммунистам и обещания прославиться в борьбе с ними.

Разодрав половину альбома, Агаша хотела всплакнуть, но раздумала. Отец Никодим, покончив свои приготовления, истово крестился, глядя в окно. К дому подъезжало около десятка людей. За плечами у них торчали короткие винтовки без штыков.

— Теперь идите в свои комнаты, сидите там тихо,—сказал отец Никодим.

Меланья Фёдоровна, выходя, зашептала, что надо спрятать Агашу, хотя бы в погребе запереть, но отец Никодим **замахал** руками:

— Нет, нет! Найдут Агашу во время обыска в погребе, тогда уж совсем беда. Пусть она остаётся с тобой. Будь, что будет...

Люди, ожидающие опасности, сколько бы к ней не готовились, чаще всего видят её не такой, как предполагали. Поп Никодим считал себя почти погибшим. Он ждал, вот-вот затрясётся земля, вспыхнет дом, обвалится крыша или произойдёт ещё что-нибудь немислимое. Ведь приехали большевики, люди из другого мира.

Придерживая прыгающими пальцами золотую оправу очков, поп Никодим, как замороженный, глядел за окно на подъехавших к дому красноармейцев. Его поразило, что мифические большевики выглядели обыкновенными солдатами: в серых шинелях, стянутых ремнями, в запыханных сапогах. Набравшись смелости, отец Никодим отважился выйти навстречу приезжим, уже открывавшим дверь в кухню.

— Здравствуйте,—самым почтительным тоном пропел отец Никодим.

Двое красноармейцев, войдя в кухню, сняли шапки и оказались молодыми, светловолосыми русскими пареньками.

— Здравствуйте,—ответили попу оба красноармейца. Один из них, постарше на вид, шагнул вперёд:

— Хозяин, не продадите ли нам немного овса?

Услышав такие обыденные слова и радуясь втайне, что, может быть, дело обойдётся одним овсом, поп Никодим, приветливо закивав головой, предложил взять овса сколько надо и совершенно бесплатно.

— Не стоит говорить о такой мелочи, пойдёмте со мною.

Ободрённый попик повёл красноармейцев в сарай и показал ларь с овсом. Зная, что в сарае, кроме овса, ничего нет, отец Никодим поспешно вернулся в дом. Попадья сидела с Агашей, ожидая событий.

— Меланья Фёдоровна! Этих разбойников надо сейчас же хорошенько угостить. Они не так страшны, ты не бойся. Возьмите себя в руки, готовьте закуску и чай. Да побыстрее. Плита ещё не погасла.

— А если они набросятся на нас в кухне?

— Ну, ну, бог даст—ничего худого не случится. По виду они совсем мирные ребята...

В это время хлопнула наружная дверь, загромыхали каблуки тяжёлых сапог, и в комнату размашисто вошёл молодой красноармеец, тот самый, что просил у отца Никодима продать овёс.

— Хозяин, возьмите этот мешочек, чтобы с овсом в торбу кому-нибудь не попал...

Лицо отца Никодима налилось малиновой краской. Потеряв самообладание, он выхватил мешочек из рук красноармейца и невпопад забормотал:

— Это ребята играли... Тут ничего нет... Спасибо вам за доброту...

— Нам чужого не надо. Мы никого не грабим,—резко сказал красноармеец.—Это белогвардейские бандиты ничем не брезгают, от них прячьте, да получше прячьте...

Красноармеец повернулся, не глядя на оцепеневших женщин и сконфуженного попика. Громко ударила входная дверь в кухню.

— Ты что же, Меланья Фёдоровна? Из-за такой халатности всего достояния лишиться могли. Нашла куда прятать.

Отец Никодим сердито бросил зазвеневший мешочек на комод.

— Как я могла знать, что ты этих разбойниковпустишь в сарай, да ещё в овсе позволишь рыться,—закудахтала обиженная Меланья Фёдоровна. У неё беспокойно билось сердце, а в голосе звучала ярость. Отец Никодим знал характер своей супруги и переменял тон:

— Наша судьба в руках этих людей, пойми ты, Меланья. Добром да лаской надо укрощать их свирепые сердца. Готовь угощенье, сейчас они придут...

Через минуту женщины покорно суетились на кухне. Сам отец Никодим стал усердно раздувать самовар. В разгар хозяйских хлопот на кухню заглянул старик Мурунаев, числившийся сторожем местного комиссариата.

— Все ли здоровы, всё ли благополучно?—двусмысленно спросил Мурунаев, оглядев присутствующих и показывая пальцем во двор.

— Благодаря бога, пока все здоровы, пока всё благополучно,—отвечал также туманно отец Никодим.

— Так, так! И надо благодарить бога, не здесь бой был и другой не тут будет.

— Какой бой? Кто с кем сражаться здесь будет?—заговорили в два голоса отец Никодим и Меланья Фёдоровна.

Старик Мурунаев, озираясь на дверь, стал рассказывать. Только из его слов отец Никодим понял, как опасно может оказаться посещение красноармейцев. Мурунаев рассказал, что прибывшие люди—последние из разбитого в Якутске отряда Рызинского. Навстречу им движется отряд марыкчанцев под командой Мейера Едлина. Разведчики марыкчанского отряда выследили красноармейцев и собирались вступить с ними в перестрелку, но он, Мурунаев, уговорил не устраивать боя возле святой церкви. Пусть расправляются с большевиками у озера Сынгала. Мурунаев не скрыл от отца Никодима, что пришёл сюда с целью добровольно стать проводником красного отряда, заманить его от погоста к глухому озеру. А там уж будет легко из засады покончить с большевиками без лишнего шума.

Рассказывая о готовящемся предательстве, Мурунаев гордился своим замыслом, ожидая похвалы от попа Никодима. Он не ошибся. Выслушав Мурунаева, все повеселели.

— Ты спасаешь нас,—сказала Меланья Фёдоровна,—пусть бог тебя осчастливит...

Попадья торжественно перекрестилась и пожала руку Мурунаеву, чего ещё никогда не бывало. Довольный собою, старик побежал на двор и стал здороваться с каждым встречным красноармейцем. Некоторые глядели на него с подозрением, но потрепанная одежда и заискивающая речь хорошо маскировали кулака-provокатора. Старший красного отряда, высокий парень, опоясанный поверх шинели ремнём с револьверной кобурой, подал Мурунаеву руку и отвёл в сторону. Мурунаев притворился плохо понимающим русский язык, и начальник отряда стал беседовать с ним через переводчика. В переводчики вызвался безусый худощавый красноармеец. Мурунаев дивился—откуда у приезжего большевика такое знание якутской речи.

— Я содержатель здешней почтовой станции, бедный человек.

— Хорошо,—отвечал через переводчика начальник,—но зачем ты говоришь о своём занятии, ведь мы тебя не спрашивали?

— Я думаю, вы едете по участкам, где я веду почтовую гоньбу, и что-нибудь вам от меня требуется.

— Где идёт твоя гоньба?

— В одну сторону до Урдаха, откуда вы приехали, в другую до Марыкчана.

Начальник задал ещё несколько вопросов о тракте, состоянии между посёлками и о том, как, куда лучше ехать. Потом красноармейцы, отойдя в сторону, долго совещались между собой. Мурунаев терпеливо ждал и дождался своего. Старший красноармеец, одёргивая пояс с револьвером, снова подошёл к Мурунаеву.

— Наш проводник дальше вести не может, он вернулся домой. Может, ты согласишься провести нас дальше до Марыкчана?

— Я согласен, да у меня только пара коней,—ответил Мурунаев. Хитрый кулак знал, что у красноармейцев есть свои лошади и, обрадованный удачей гнусного замысла, всячески старался доказать свою искренность. Он сообщил даже большевистскому командиру, что у него в Марыкчане есть дело: будет судиться с тамошним попом Герасимом. Оказывается, поп Герасим обижал Мурунаева, не заплатил за кладку печей. Приятный для предателя разговор был прерван отцом Никодимом.

Сойдя с крыльца, Никодим важно поклонился красноармейцам и пригласил их в дом. Старший утвердительно кивнул головой. Не выпуская из рук винтовок, красноармейцы дружно пошли на кухню. Отец Никодим и Мурунаев заметили, что часовой, стоявший на земляной крыше дьячковской избы, остался на своём посту. Значит, красные были настороже.

На широком столе, за которым разместились гости, появились стаканы дымящегося чая. Люди, видимо, проголодались за дорогу, но вели себя скромно. Меланья Фёдоровна, разливая чай, дивилась молодости и здоровью большевиков, а видя, что никто из них даже внимания не обращает на красавицу Агашу, совершенно успокоилась. «Они совсем не такие, как нам рассказывали»,—подумала попадья, и, подмигнув Агаше, повела пышными плечами.

— Как мне вас называть? Можно ли говорить вам—товарищи?...—щедро наливая в свой стакан сливки, обратился отец Никодим к командиру отряда. Чувствуя себя хозяином, попик считал нужным поддерживать за столом разговор.

— Называйте, как пожелаете,—с улыбкой отвечал красноармеец,—мы отвечаем так, как к нам обращаются...

Священник немного смутился: ему почудилось, командир над ним смеётся.

— Вы не называете себя, но если бы даже открылись: кто вы такие, я, как духовное лицо, вижу в вас православных христиан. Терпение, смирение, покорность воле божией—для всех нас путь к миру во всём мире...

Молодой красноармеец, вернувший отцу Никодиму мешочек с золотом, фыркнул в блюдце:

— Вы говорите о мире. А позвольте спросить: молясь о мире для всего мира, не приходилось ли вам молиться о поражении большевиков?..

— Наверное, приходилось! Тут и спрашивать нечего,—ответил за отца Никодима пожилой красноармеец, сидевший рядом со священником.

— Ладно, ладно! Не о чем спорить. Агитировать друг друга не станем,—сказал старший отряда, и разговор прекратился. Агаша украдкой поглядывала на молодого красноармейца, вернувшего отцу Никодиму драгоценный мешочек. Паренёк ей понравился, он был куда красивее Миши Яснецкого.

4

Захваченный неожиданными событиями в бандитский отряд, Коля Манасов всю дорогу от родного посёлка до Чардарского погоста обдумывал своё положение. Он ясно представлял себе—красноармейцы встретятся с серьёзной опасностью, дело будет не шуточное, ему надо как-нибудь помочь красным, не сделаться участником предстоящей расправы.

Быстро летели вёрсты. Вот уже и Чардарский погост близко, подъехали к сборной избе. Несколько кулаков-тойонов поскакали в разведку к высокому мысу, за которым стояла Чардарская церковь.

Коля Манасов видел, как верховые поднялись на пригорок, на минуту застыли и, будто увидев что-то страшное, круто повернули коней. Галопом они вернулись обратно. Среди всадников откуда-то появился старик Мурунаев, хозяин колиного отца. Главари марыкчанского отряда стали совещаться.

родом. Ты, отец, идёшь с врагами революции. Я иду против них и против тебя...

— Гоните этого сумасшедшего!—закричал Евграф Тускаев.

Мейер Едлин, Собачкин, Егасов и ещё несколько человек схватили отбивавшегося Кешу. Старик Евграф ударил сына палкой по спине.

Молодого Тускаева продержали сутки в арестантском чулане и отправили в Якутск. С той поры Коля Манасов ничего не знал о судьбе Кешы. Именно на этом митинге у Коли родилась симпатия к большевикам, о которых говорил Тускаев. Разрыв между отцом и сыном остался в памяти Коли Манасова навсегда.

С тех пор, прислушиваясь к разговорам о большевиках, мальчик ждал, когда, наконец, он увидит этих настоящих революционеров. И вот они где-то рядом, близко. Им грозит опасность смерти, им надо помочь!

Пока Коля Манасов отдавался своим раздумьям, совещание главарей марыкчанского отряда закончилось. Савва Собачкин приказал большей части всадников сосредоточиться у восточной окраины озера. Остальные спешили и, укрыв лошадей, залегли в рытвинах возле дороги. Засада должна была охватить красных с двух сторон.

Василия Амурского подозвал Мейер Едлин. Коля пошёл за Амурским. Едлин угощал идущих в засаду водкой. Из перемётных сум принесли четвертную бутылку, и Едлин собственноручно наливал в чашку порцию Василию Амурскому. Амурского Едлин назначил в дозор на вершину мыса. Увидя, когда красные покинут Чардар и двинутся на восток, миновав засевшую в рытвинах группу, Василий Амурский должен был подать сигнал выстрелом из винтовки. Коля Манасов слышал, как Мейер Едлин долго и настойчиво разъяснял Амурскому, насколько важно, чтобы сигнал был подан своевременно.

Уныние жгло сердце Коли Манасова. Большевики, попав в засаду, неминуемо погибнут. Они попадут под перекрестный огонь и он, Коля Манасов, своими глазами увидит смерть красноармейцев. Как он станет рассказывать об этом в деревне своим приятелям?

— Я ухожу,—сказал Коля Глухому Павлику, стреножившему коней в подлеске около дороги.

— Куда ты, дуралей?—равнодушно спросил Глухой Павлик. А Коля был уже далеко.

На угоре, возле каменной плиты, поглаживая приклад, сидел Василий Амурский. Коля, запыхавшись, вбежал на угор и сел рядом. Амурский приходился Коле Манасову родным дядей, и мальчик надеялся, что ему удастся уговорить Амурского как-нибудь помочь красным.

— Тебе что надо, парень?—недовольно спросил Амурский, глядя на племянника помутневшими глазами. После двух чашек водки натошак Амурского развезло.

— Ничего. Просто пришёл к тебе, поглядеть.

— Поглядеть, как людей станут убивать?—невесело захохотал Амурский.—Нашёл, что глядеть...

Кругом них была тишина. Еле слышно шелестел возле озера сухой камыш. Засада в обоих концах дороги скрылась и не подавала признаков жизни. Окрестности погоста словно вымерли. Холодное сияние солнца качалось над дальними хребтами.

— Конечно, я не собираюсь стать убийцей неповинных ни в чём людей,—помолчав, заговорил Коля,—это ты согласился участвовать в бандитском деле.

— Моё дело маленькое, приказали—значит так надо. А тебе здесь и быть не следует.

— Я к вам случайно попал. Да уж меня-то не заставят убивать людей.

— Ну, а я убийцей буду! Я не убью—меня убьют! Что ты понимаешь, мальчишка? Вот, напился я водки, захмелел, что же думаешь: весело мне из-за куста в большевиков стрелять? Ничего плохого от них не видел...

— Плохого не видел, а сам плохому делу помогаешь. Большевики за нашу свободу борются, помогать им надо.

— За нашу свободу? Эх ты, несмышлёныш! Какая может быть свобода для бедного якута? Пустые разговоры. Который год пошёл, как царя свалили, всё о свободе говорят. А твой отец, брат мой Догордук, незадачливый, попробовал от мурунаевской кабалы уйти, что случилось? Десяток суток в каталажке отси-дел, да снова и пошёл в тот же хомут—почту за Мурунаева го-нять. Свобода!

— Да ведь не большевики его посадили.

— Ну что ж, не большевики.

— Как это что ж? Большевики бы Мурунаева посадили.

— Откуда ты знаешь, что они посадили бы Мурунаева, а не твоего отца?

— Тут и знать много нечего. Зачем Мурунаеву против большевиков идти, если бы они заодно с ним были? Не то говоришь ты! Слушай, дядя, поможем красным, а?

— Как это поможем? Чем мы с тобой поможем? Их теперь не спасёшь.

— Попробуем, дядя.

— Да как попробовать?

Коля Манасов задумался. Дядю своего он знал. Знал, что Василий Амурский такой же бедняк, как и весь их род. Безусловно, вражды к красным у него не было и быть не могло. В отряд Мейера Едлина дядя Вася был взят в порядке мобилизации, это Ксяля Манасов тоже знал.

Разговор с захмелевшим сородичем убедил Колю, что Амурский, пожалуй, не отказался бы в самом деле помочь большевикам. Положение, однако, сложилось действительно безвыходное. И тут у Коли Манасова блеснула мысль.

— Дядя, выстрели раньше, чем красные подойдут к засаде...

— Выстрелить раньше? За это меня могут самого подстрелить.

Василий Амурский помедлил мгновение и вдруг понюхал Колю в лоб¹.

— Ах ты, малыш мой! Ладно, быть по-твоему. Попробую спасти людей. Только стрелять буду, когда красные на полпути к засаде будут. А то Едлин догадается, и всё прахом пойдёт, их не спасу и сам под расстрел попаду, не выкручусь...

Оба замолчали, глядя, как с верховий речки напал туман. Небо внезапно потемнело. Далеко на дороге показалась движущаяся точка, за ней—другая, третья... Красный отряд двинулся с погоста к Марыкчану. У Коли ёкнуло сердце, он толкнул в бок задремавшего Амурского.

— Едут!

— Едут?—повторил Амурский.—Вот беда!

В руках дяди задрожал длинный ствол. Коля Манасов, взглянув на винтовку, почему-то вспомнил—это ружьё знакомо ему, винтовка некогда принадлежала церковному старосте. Васи-

¹ Понюхать лицо—по-якутски равноценно поцелую.

лий Амурский взвёл курок и молча растянулся за камнем. Всадники надвигались довольно быстро. Вот они доехали до изгороди, за которой кончился погост. Старый Мурунаев открыл ворота, пропустил всадников вперёд. Красноармейцы выехали на тракт. Старик Мурунаев проворно закрыл за ними ворота, плотно припёр колом, огляделся и, вместо того, чтобы догонять красноармейцев, нагибаясь, побежал через кусты к лесу.

«Плохо,—подумал Коля,—старый чёрт запер ворота. Теперь красным трудно будет возвращаться, если они даже надумают отступить к Чардарскому погосту».

— Стреляй, дядя, поздно будет!

Амурский, не колеблясь, поднял ствол вверх и дважды выстрелил в темнеющее небо. Гулкое эхо раскатилось в предгорьях. Люди, прятавшиеся в засаде, выскочили из-за бугров и открыли стрельбу по красноармейцам. Удар марыкчанских бандитов был неожиданным. Красные повернули лошадей и поскакали назад. Один всадник свалился с коня. Пока остальные добрались до закрытых ворот изгороди, чья-то пуля убила коня у второго красноармейца. Лошадь упала, как подсеченная, ничком. Седок успел соскочить и удержаться на ногах. Хромая, он побежал к лесу, следом за Мурунаевым. А стрельба со стороны марыкчанского отряда продолжалась. Ухали винтовки, трещали охотничьи ружья. Доскакав до ворот изгороди, красноармейцы бросили коней, и, очевидно, не решившись под огнём возиться с запертыми воротами, стали пешком отступать в тайгу. Напуганные выстрелами лошади, сгрудившись табунком, помчались к озеру. Всё это произошло в течение нескольких минут.

Коле Манасову стало ясно—неожиданность засады ошеломила красноармейцев и предатель—проводник Мурунаев сделал своё чёрное дело.

— Уходи отсюда, мне сейчас придётся отвечать за свой выстрел,—хрипло сказал Василий Амурский,—людей не спас, а себя подвёл.

В глазах Амурского стояли слёзы. Слёзы почувствовал Коля и на своих глазах.

— Это я дурак! Если бы проклятый Мурунаев не запер ворот, красные спаслись бы. Надо было тебе стрелять, пока они не доскакали до изгороди. Эх, теперь поздно рассуждать.

— Беги отсюда,—повторил Амурский, утирая глаза и Коля Манасов побежал.

Молодой красноармеец со связанными за спиной руками стоял, окружённый марыкчанскими бандитами. На его лице виднелись следы побоев. Мейер Едлин, всё ещё не успокоившийся после схватки, с револьвером в дрожащей руке прохаживался возле пленного. Красноармеец держался спокойно и, хотя в его положении не было ничего радостного, не мог сдержать улыбки, глядя на дрожащие руки белобандитского командира. Чтобы не показать своей неуместной улыбки, пленный потирал подбородком грудь, видневшуюся из-под разорванной рубахи. Улыбка красноармейца скользнула и исчезла. Двое вооружённых якутов вели Василия Амурского. Он был уже без оружия и шёл, заложив руки за спину, как бы показывая, что он ни в чём не виновен. Хмель у него ещё не совсем прошёл, и глаза тарачились мутно. Мейер Едлин подскочил к Амурскому, размахивая револьвером.

— Ты, собака,—закричал Едлин, с трудом выговаривая якутские слова,—почему выстрелил раньше времени?

— Они всё равно вас заметили, потому и выстрелил,—грубо сказал Василий Амурский, щурясь на Едлина пьяными глазами.

— Врёшь, собака. Ты нас выдал,—Мейер Едлин ударил Амурского по лицу и замахнулся вторично. Но Василий Амурский был не из тех якутов, которые могли переносить физические оскорбления. Ему случалось вместе с Едлиным пить водку и играть в карты. В Марыкчане не особенно приходилось выбирать общество и Мейеру Едлину. Удар в лицо вывел Амурского из покорного оупения. Размахнувшись, он влепил Едлину ответную пощёчину.

— Застрелю, собака!—завыл Едлин, тыча револьвером в грудь Амурского. Амурский, решив, что терять ему больше нечего, ответил ругательствами.

— Стреляй! Сам—трусливая собака! Говорю тебе, красные заметили твою засаду. Если б не я, они бы ещё раньше ускакали. Стреляй в меня!

Из толпы, окружавшей Едлина и Амурского, протянулся ствол винтовки и упёрся в грудь марыкчанского командира. Мейер Едлин судорожно отшатнулся. Перед ним встал известный своим буйством отчаянный якут Тыллар. Тыллар передёрнул затвор:

— Не грозись! Якутов собаками обзываешь, расстреливать собираешься! Тут тебе собак нету. Бросай револьвер, а то само-го пристрелю,—злбно сказал Тыллар.

Когда-то давно собутыльник Мейера Едлина, Тыллар, сломал в драке мейерову руку. С той поры трусоватый анархист старался с Тылларом не связываться. Оглядевшись с видом травленного волка и не видя сочувствия на лицах подчинённых, Едлин бросил револьвер. Пленный красноармеец засмеялся. Среди марыкчанцев поднялся гам. Все беззастеснения обвиняли Едлина в самоуправстве и незаслуженном оскорблении якутов вообще и Василия Амурского на особицу. В дело вмешался Алексей Разбухин. С разрешения Едлина он уже нарядился в новые добротные сапоги, снятые с убитого красноармейца, и теперь решил выручить начальника. Уговоры Разбухина подействовали, Едлина позволили поднять револьвер, а Василия Амурского решили считать в измене невиновным. К этому времени из-за мыса с криком подъехал марыкчанец из той части отряда, что поджидала в засаде у озера. Подъехавший доложил Едлину: остатки красных окружены в тайге, сейчас с ними идёт перестрелка. Едлин снова почувствовал в себе командирский дух. Властным голосом он подал команду. Конные были посланы на поддержку атакующей группы в тайгу. Двух человек Едлин оставил с собою конвоировать пленного красноармейца.

Сам Едлин не имел никакого желания лезть под пули красных, у него на этот счёт имелись свои взгляды. Сражаться, по его мнению, должны были якуты, его дело командовать.

Пленного красноармейца погнали следом за отрядом. Впереди конвоя пошёл Едлин. Он не заметил, что, проходя мимо своего товарища, убитого на тракту, пленный наклонил голову.

Конвойные, дымя цыгарками, лениво шагали по бскам хромающего пленника. Едлин, не выпуская из озябшей руки револьвера, думал о Марии Герасимовне. Ему пришла в голову приятная мысль: написать ей записку и отослать с конвоирами пленного большевика в Марыкчан. В записке Едлин решил ответить душу, описать разгром красных. Мария Яснецкая, разумеется, покажет письмо отцу Герасиму, надо, значит, написать, как яростно он, Мейер Едлин, мстит за смерть его сына и марусино-го брата.

Конвоировать пленного красноармейца в Марыкчан пришлось Глухому Павлику и Коле Манасову. Так распорядился Мейер Едлин. Глухой Павлик велел пленному сесть на коня, прикрутил его ремнями к седлу и сказал Коле:

— Садись позади и держись за ремень, я поеду сзади.

— Что же я поеду с пленным на одной лошади, я то ведь не пленный,—пробовал отказаться Коля Манасов от такого неожиданного и казавшегося неприятным предложения.

— Ничего, ничего, садись! С двумя седоками конь не ускачет, мне способнее будет. Я хотя и глух, да не слеп, ежели стрелять придётся, не в тебя попаду. Не бойся!

Глухой Павлик освободил руки красноармейца от верёвок, сунул ему повод и посадил Колю Манасова, которому волей-неволей пришлось ухватиться за пояс красноармейской шинели.

Указав красноармейцу на прямую ленту дороги, Глухой Павлик поднял ружьё на изготовку и толкнул обеих коней. За открытыми воротами изгороди дорога пошла берегом узенькой речки. Тёмные косогоры медленно плыли навстречу всадникам. Пленный, сидевший впереди Коли, успел кое-как перевязать своё израненное лицо. Из-под сплошной повязки на Колю изредка поворачивался один глаз. Тогда Коле Манасову становилось как-то не по себе. Этот взгляд заставлял Колю отворачиваться и в то же время сжимать крепче пояс переднего седока.

Проехав несколько вёрст, пленный стал потихоньку насвистывать песенку. Коля Манасов удивлённо слушал бодрый мотив. Человек в плену, его могут расстрелять сегодня и наверняка расстреляют послезавтра, а он свистит, как птица!

Глухой Павлик ехал, почти не отставая, след в след. Коля хотел спросить пленного,—откуда у него такая смелость: ехать под конвоем и свистеть,—но раздумал. Русский красноармеец, конечно, не знал якутского языка, а Коля Манасов не мог высказать по-русски вопрос, который ему хотелось бы задать.

Спустя несколько часов, дорога пошла лесом, и красноармеец, перестав свистеть, обернулся к Коле. Подмигнув ему незабинтованным глазом, пленный вполголоса спросил на отчётливом якутском языке:

— Ты, Коля, меня не узнал?—и сейчас же отвернулся, как ни в чём не бывало.

Коля Манасов едва не упал с лошади. Некоторое время он судорожно цеплялся за пояс красноармейца, как бы боясь, что этот русский, заговоривший по-якутски, не улетел каким-нибудь чудом с седла. Мелькнула мысль: сказать Глухому Павлику, что пленный разговаривает на языке якутов. Мысль эту Коля сразу же отбросил. Глухой Павлик, оправдывая своё прозвище, ехал, ничего не слыша, но кто его знает, что вздумает делать Глухой Павлик, как примет неожиданную новость? Коля оглянулся. Глухой Павлик, равнодушно глядя по сторонам, ехал себе, ничего не подозревая.

— Что же ты не отвечаешь?—спросил пленный опять по-якутски, но уже не оборачиваясь.

— Я тебя не знаю, что я буду говорить?—смущённо и тихо ответил Коля. Больше он ничего сказать не нашёлся. Чтобы спрятать своё смущение, мальчик нагнулся и почесал себе колени. Красноармеец скосил на него незавязанный глаз:

— А Вячку ты знаешь? Или я стал так не похож на себя?

Изумление Коли перешло в недоверие. Пленный ничем не напоминал Вячку, сына ссыльного украинца Щербаня, четыре года назад уехавшего из Марыкчана.

Вячка Щербань! Да ведь это с ним, с Вячкой, он играл в кузнице ссыльного, которого все звали «хохлому». С ним, с Вячкой, купались в омуте у кирпичного сарая, с ним вдвоём он, Коля Манасов, дрался с сыновьями купца Агачаева. И всё-таки Вячку Щербаня Коля почти забыл.

После смерти матери Вячки, оба они частенько спали вместе, ели из одной чашки. Старик Щербань даже квартировал последнее время в станционной избе, у колиного отца.

Когда Щербань, окончив срок ссылки, уезжал из Марыкчана со своим сыном, Коля Манасов плакал, казалось, он теряет любимого старшего брата. А потом, нечего скрывать, потом как-то забылся Вячка, забылось детство. Жизнь шла скупая, злая—жизнь батрачёнка.

— Ты совсем переменялся! Тебя не узнать, наверное, если бы и повязки на лице не было,—в голосе Коли звучало сожаление, он крепко обнял пояс Вячки. Но тот понимал волнение старого приятеля:

— Ничего, ничего! За четыре года оба изменились, и я тебя не сразу узнал. Не сразу решил спросить...

— О чём он гундосит?—спросил сзади Глухой Павлик.

— Песню какую-то русскую поёт,—громко ответил Коля Манасов. Глухой Павлик захохотал смехом.

— Хорош певун, да петь ему недолго!—крикнул Павлик, убеждённый, что пленник не понимает по-якутски—пусть поёт...

— Вячка, а если бы тебя узнали марыкчанцы?—проехав с полверсты, снова заговорил притихший было Коля.

— Хорошо, что не узнали. Узнали бы—изувечили хуже, а то пристрелили бы там, без проволочек.

— Разве у тебя не спросили фамилию?

— Спросили, как не спросить. Ваши марыкчанцы эти штучки знают. Я назвался чужим именем. Был у меня такой знакомый, рабочий Усольского сользавода Иван Харченко. Ты меня так и зови—Иван Харченко...

Коля только головой покачал. Каким стал его друг Вячка, под чужим именем ходит, в красном отряде сражается! Конечно. Вячка—большевик.

Пользуясь глухотой Павлика, со скучающим видом рисившего следом, Вячка Щербань рассказал Коле о своей жизни.

Получив разрешение покинуть место ссылки, отец с Вячкой выехали из Якутии. В дороге после многих бедствий отец заболел. Терпеливо отбыв каторгу и ссылку, старик Щербань заторопился на родную Украину. На прямой путь нехватило денег. Приходилось ехать с остановками, во время которых отец старался подработать. Больше месяца они ехали до Иркутска. Там отец Вячки совсем занемог. Сначала им удалось устроиться в гостинице «Амур», и там отец, почувствовав близость смерти, взял клятву с сына—бороться с царизмом, добиваться свободы и счастья для угнетённых. Потом отца Вячки увезли в больницу. Старик умер. Осиротевший Вячка остался без крова, без пищи. Бродя по незнакомым улицам Иркутска, Вячка нищенствовал. Случайно удалось устроиться на работу у конезаводчика Космачёва. Работа Вячки состояла в том, что он должен был ухаживать за двумя хозяйскими собаками. Для житья Вячке отвели халупу на заднем дворе. Гроши, получаемые от хозяина, Вячка тратил на покупку книг, а питался собачьим кормом. Конезаводчик не жалел для своих собак ничего, на кухне псам готовили особые обеды. Несмотря на унижительную должность собачьей няньки, Вячка считал жизнь терпимой. Так прошло три года. А потом случилась неприятность. Новый жеребец, купленный заводчиком, убил, слу-

чайно лягнув, одну собаку. Никакие мольбы и просьбы не помогли, не помогло и заступничество ветеринарного фельдшера, устроившего Вячку на должность собачьей няньки. Вячку со скандалом вышвырнули на улицу.

После нескольких дней бездомной голодовки, Вячка пристроился помощником к кладбищенскому сторожу. Старик посылал его ночами вместо себя окарауливать богатые могилы. Подоспела февральская революция. Вячка её не заметил. Ничто не изменилось для него: днём он спал, а с вечера до утра караулил памятники. После Октября в городе появились новые люди, это были красногвардейцы. Повстречавшись с одним из них, Вячка решил, что его место в рядах Красной Гвардии. Набравшись храбрости, он заявился в штаб батальона. Комбат, сам очень молодой человек, услышав просьбу Вячки—принять в отряд, обозвал его молокососом. Вячка не обиделся на пренебрежение красного командира. Он рассказал комбату о своём отце и клятве, данной умирающему. Рассказ Вячки тронул комбата. Вячка стал красногвардейцем. Годом позднее юноша участвовал в разгроме юнкерского антисоветского восстания в Иркутске. Военная жизнь пришлась по вкусу сыну политкаторжанина. Нынче летом он добровольно поехал с экспедиционным отрядом в Якутию. После гибели красного отряда, с группой красноармейцев Вячка бежал на восток и вот, налетев на засаду, попался в плен к марыкчанским белобандитам...

Затаив дыхание, Коля Манасов слушал рассказ своего старшего друга.

В свою очередь Коля рассказал Вячке о марыкчанской жизни. Рассказал он и о своих думах, о надежде, что с победой большевиков улучшится судьба якутской бедноты. После прихода красных в Якутск, марыкчанские кулаки и контрреволюционеры попрятались в тайгу, а узнав о гибели отряда Рыдзинского, снова появились на обжитых местах. В заключение Коля объяснил Вячке, почему сегодня сигнальный выстрел раздался раньше, чем кольцо засады сомкнулось вокруг красных.

— Ты что же, значит, сочувствуешь нам?—перебил Вячка.

— Сочувствую,—ответил Коля и, желая быть искренним, добавил:—Я не знаю точно, чего хотят большевики, но все марыкчанские главари вас ненавидят и ругают, значит вы им вра-

ги. Я тоже враг всех этих лгунов и болтунов, зовущих себя революционерами. Я думаю, что большевики—настоящие революционеры и нам надо в Марыкчане поставить большевистскую власть.

— Э, да ты, оказывается, хорошо разбираешься в политике, молодец,—удивлялся Вячка.—Ты правильно рассуждаешь. Послушай, а кто это с мышинными усиками распоряжается поначальнически? Я его как будто знаю!

— Это Мейер Едлин, анархист, из ссыльных. Он начальник милиции с колчаковских времён, подлец, каких мало.

— Ага, вот кто! Вспомнил, вспомнил. Этот Едлин скупал золото у прискателей, а теперь командиром у якутов заделался. Недолго ему кичиться властью.

Вячка рассказал Коле о партии большевиков, о её вождях, о том, что хотят сделать большевики для угнетённых народов России. Коля Манасов слушал, затаив дыхание. Так вот они какие большевики! Власть отдадут якутской бедноте, земли у кулаков-тойонов отнимут для бедноты, свободу дадут якутам!

* Радостные мысли неслись, как весенние птицы.

Коля даже позабыл, что едет с пленным красноармейцем, что возле Чардара белобандиты ловят уцелевших большевиков, что на тракту остался первый труп с босыми ногами.

— Есть ещё в Марыкчане люди, сочувствующие большевикам?—прервал радужные мечты вопрос Вячки. Вопрос застал Колю врасплох. Он знал поимённо, кто из марыкчанцев враждебно относится к Едлину, Собачкину и другим нынешним заправилам. Таких было большинство. Но мог ли он поручиться, что противники нынешней власти сочувствуют большевикам? Подумав, он ответил:

— Есть. Сеня Оноев, сын церковного сторожа. Когда попы с тойонами, услышав о большевистской власти в Якутске, побежали в тайгу, Сеня Оноев предлагал поджечь Марыкчанскую церковь. Только я не согласился.

— Ты правильно сделал. Церковь и другие здания жечь не для чего, они построены руками трудящихся. Большевики таких дел не одобряют. Это на нас клевещут белогвардейцы и их прихвостни... А Сеню Оноева надо иметь в виду, для него найдётся дело, полезное большевикам. Да и для тебя тоже... Можешь ты выполнить одно поручение?

— Вячка! Доверься мне, сделаю, если только сумею сделать...

Искренность Коли была очевидна. И красноармеец, не колеблясь, доверил ему свою тайну. Вячеслав Щербань укрыл в тайге пачку листовок, маузер, браунинг и документы. Всё это спрятано в дупле приметного дерева, возле Чардарского озера. Зная, что ему с ушибленной ногой не уйти от погони, Вячка прятал на всякий случай, ни на что не надеясь. Его захватили без оружия и без документов.

— Ты легко найдёшь револьверы и листовки. Когда-нибудь тебе пригодится. Прокламации расклеивай и раздавай на руки верным людям. А оружием воспользуешься сам, когда тебе покажется нужным,—закончил своё поручение Вячеслав Щербань.

Загянувшаяся беседа окончилась вместе с дорогой. Внизу показались изгороди Марыкчана. Сквозь редкие берёзы белели стены церкви, возле которой зарастала травой заброшенная могилка матери Вячки.

«Скажи, пожалуйста, всю дорогу бормотал свои песни и не надоело, а как увидел кладбище, замолчал. Могильные кресты никого, видно, не веселят»,—думал Глухой Павлик, подгоняя коня ровнею с усталой от двух седоков лошадьёу Коли Манасова.

7

Отец Герасим, не совсем ещё оправившийся от припадка душевной болезни, устроил поминки по сыну. Марыкчанская знать, выразив своё соболезнование и воздав похвалу поповичу, убитому в борьбе с большевиками, готовилась ужинать. Отец Герасим Яснецкий не пожалел угощения для дорогих, любезных гостей. Он был готов угощать всех, способных слушать его слезливые рассказы. Гости не первый раз выслушивали жалобы отца Герасима на жестокую судьбу сына и его собственную болезнь, но, как подобало, утешали попа, стараясь перевести беседу на что-нибудь другое. К великому огорчению Марии Яснецкой, речь зашла о схватке у озера и незадачливом милицейском командире. Мария Герасимовна сидела, как на иголках, вся пунцовая; кровь прихлынула к щекам, жгла её горчайшим стыдом. Гости без всякого стеснения говорили о глупости Мейера Едлина. По его вине, во время недавнего боя, едва не пострадали владе-

ния чардарского попа Никодима. Разливая чай, Мария Яснецкая с содроганием слушала грубые отзывы о своём кавалере. Напрасно она звякала посудой, стучала блюдцами, передвигала тарелки, гости не жалели крепких слов по адресу Едлина. Только местная купчиха Акулина Ачаева, покровительственно относившаяся к Едлину и знавшая о романтических вздыханиях Марии и Мейера, только она старалась удержать злые языки. Это оказалось невозможным.

— Хвастун, самонадеянный человечиска, чуть не упустил красных,—говорил Савва Собачкин.

— Анархист, безбожник, взялся расправиться с большевиками, а до сей поры не может похватать окружённых,—поддакивал Егасов,—если бы мы не вмешались, победа была бы за красными...

— Когда-нибудь этот болтун доведёт нас до беды. Самое ответственное задание дал пьяному Ваське Амурскому, а когда тот испортил всё дело, самого же Едлина едва не избили собственные отрядчики,—перекричал всех Мурунаев.

Готовясь покушать за поминальным столом досыта, Мурунаев расстегнул ворот рубахи и выставил толстую, словно отлитую из чугуна, шею.

— Если бы этого Едлина и растоптали наши якуты, беды большой не вижу,—язвительно прогудел поп Герасим, протягивая дочери пустой стакан. Поп Герасим пользовался любым случаем так или иначе уничтожить Едлина, срамя его перед влюблённой дочерью где только и как только мог. Нахмутив брови, как будто её ничто не касалось, Мария наливала чай, а сама думала: «Тупицы, как они могут понять Мейера. Что все они перед ним! Завистники!».

Мария Яснецкая верила в свой кумир. Мейер Едлин давно стал для неё образцом героя.

Жена отца Герасима, матушка Дорофья, мало интересовалась увлечениями дочери, ничего не понимала в шумных спорах гостей и занималась только собой. Поплакав, сколько положено, после смерти сына, матушка Дорофья успокоилась. Большое поповское хозяйство лежало на её руках. Дорофья была русская и замуж за якута-попа пошла потому, что во всей округе выгоднее жениха было не найти. Поп Герасим имел доходное место, немало денег и ещё больше имущества. Выйдя замуж, Дорофья не скрывала от мужа презрения к его национальности и ругала в семейных перебранках «диким якутом».

Сейчас, глядя на висевшую над столом разноцветную олеографию «48 монархов», где коронованные особы тесно лепились возле изображений Николая II, Франца-Иосифа и Вильгельма, попадья уверяла себя, что она ещё не так стара, а плечи у неё и грудь совсем, как у королевы Нидерландов Марии-Вильгельмины.

Матушке Дорофее хотелось, чтобы кто-нибудь из гостей заметил лестное сходство. Она берегла олеографию, прятала во время власти большевиков, а после белогвардейского переворота в Якутске достала и водрузила в столовой на видном месте. Увы, марыкчанская знать не хотела видеть ни платья Дорофеи, слишком открытого для супруги священника и матери, потерявшей взрослого сына, ни ожерелья, сверкающего на белой жирной шее. Матушке Дорофее осталось одно: следуя правилам королевского тона—угощать гостей.

— Кушайте, пожалуйста, кушайте,—медовым дискантом часто пела попадья, хотя марыкчанская «знать» не стеснялась, кушали и пили, не дожидаясь приглашения. То и дело протягивались стаканы к самовару.

— Будущее мое похоронено вместе с сыном. Теперь, глядя на чужих сыновей, плачу,—говорил в десятый раз отец Герасим.

— Достойный был юноша. А убиваться не надо, отец Герасим, все мы в руках божьих,—вежливо отзывался Адам Будащевский.

— Ваш Миша оставил по себе хорошую славу. Весёлый был парень, умел гулять, умел воевать. Вечная память ему!—поддакивал удручённому Герасиму купец Ачаев.

Поминальное настроение гостей и хозяев нарушил приход батрачки. Приоткрыв дверь в столовую, горничная,—она же кухарка, она же коровница,—молоденькая якутка взвизгнула:

— Большевиков поймали! По улице ведут!

Мария Герасимовна, оставив хозяйское место за самоваром, побежала во двор. За нею, тяжело поднимаясь с мягких стульев, потянулись остальные.

Мимо поповского дома выстроившись по-двое в ряд, шли пленные красноармейцы. У всех у них были кровоподтёки на лицах, шинели разорваны, руки скручены сыромятными ремнями. Ни на одном пленном не было шапок, ветерок шевелил волосы.

Красноармейцы шли, стараясь держать строй, хотя некоторые из них хромали. Пленных окружало кольцо всадников-марыкчанцев. Мейер Едлин старался поднять на дыбы грузную

лошадь и непрерывно размахивал кавалерийской саблей, отнятой у кого-то из красноармейцев. Подобно лихому гусару, Едлин, проезжая мимо дома отца Герасима, отсалютовал саблей. Мария Яснецкая не сводила с него глаз. Она догадалась, это ради неё Едлин прогнал пленных по всему Марыкчану, вместо того, чтобы просто завернуть с тракта к дому волостной милиции. Щёки поповны цвели кумачом. Хитроумный герой её, Мейер Едлин, правильно рассчитал, как надо потрясти марыкчанскую знать.

— Вот они, изверги, гляди, мать!—сказал матушке Дорофеев поп Герасим.

— Попались, убийцы! Попались!—азартно закричала пленным Дорофея.

Красноармейцы, не поворачивая голов, глядя только перед собой и всё также ровняя строй, прошли мимо. Лёгкая пыль, поднятая ногами пеших и копытами конных, медленно стлалась по марыкчанской улице.

8

Отец Сени Оноева, церковный сторож, жил в рубленой тесной избёнке возле ограды погоста. Тёмная низкая лачуга двумя узенькими низкими окнами выходила на север. Положение церковного сторожа было нищенское, но старику Оноеву некуда было деваться, нечем жить. На руках у него была ослепшая жена и сын, недоросший ещё до самостоятельного возраста: Сене шёл пятнадцатый год.

Оноевы жили не богаче поселковых нищих: впроголодь, одевались в жалкие обноски. Как будто в насмешку, старика Оноева к юбилею трёхсотлетия дома Романовых наградили медной медалью. В дни церковных праздников старик был вынужден прицеплять царскую милость к своей единственной грязной рубашке. Робким и забитым человеком прожил всю жизнь старик Оноев. Не таким рос у него сын. Сызмалетства живой характер мальчика пугал отца. Казалось, Сеня Оноев не имел ни в чём удержки. Игры его были всегда рискованны и дерзки. То он бегал по узенькой перекладине ограды, качаясь и прыгая, не думая, что может каждую минуту сломать себе голову. То он нырял в глу-

бину омота, где и взрослые не решались купаться. Подобно белке, залезал Сеня на высокие вершины лиственниц и раскачивался там, не смущаясь треском ломающихся сучьев. Буйным мальчиком вырос Сеня Оноев, буйным и дерзким. Понимая, что он—сын одного из последних бедняков, Сеня не стыдился бедности, никого не боялся и в обиду себя не давал никому. Однажды поп Иосиф Баранышев, увидя в церковной ограде коров и подозревая, что коровы вошли в незакрытую Сеней калитку, подозвал мальчика и дёрнул за ухо. Сеня стал вырываться из поповских рук, а когда это не удалось, разорвал ворот рясы отца Баранышева. Вот каков был Сеня Оноев, приятель Коли Манасова. Когда они учились в третьем классе приходской школы, Сеня Оноев проучил известного драчуна, сына Адама Будашевского. Сынок Будашевского гордился силой по всей школе, издевался над одноклассниками. Этот сын богача любил незаметно подойти к намеченной жертве и хлопнуть её по уху. Так однажды он подшутил и с Сеней. Слава школьного силача погибла от этой шутки. Сеня жестоко избил гордого Будашевского на глазах у сверстников.

Проступков таких накопилось за Сеней немало, в конце концов его исключили из школы. Но и это не сломило упрямого мальчика. Сынки богатеев-тойонов не решались в одиночку ходить мимо церковной ограды.

Однако Сеня не был ни хулиганом, ни злобствующим драчуном. Мальчик видел, как жизнь согнула и обессилила отца.

Выросший среди могил, с детства не веря ни в бога, ни в чёрта, Сеня Оноев рано понял: если он сам не защитит себя, надеяться ему не на что. Быстроногий, остроглазый, черноволосый, как молодой воронёнок, Сеня Оноев был, помимо всего, большим мечтателем. Правда, об этом не знал никто, кроме Коли Манасова.

Друзья стоили друг друга, хотя и обладали разными характеристиками. Сын ямщика был также не трусливого десятка. Коля любил при случае испробовать силы в скачке на неосёдланной лошади, в лазании по гнувшимся деревьям, в подъёме тяжести. Но у Коли всё это выходило по другому, без нарочитого лихачества, без лишнего шума. Будучи старше Сени, Коля Манасов был и рассудительнее. Подростков сближали общие интересы бедняцкого детства, общая ненависть ко всяческим проявлениям гнёта богатых и, наконец, их роднила общая цель—не давать себя в обиду никому, ни при каких обстоятельствах.

В этот осенний день Сеня Оноев проснулся поздно. Выскочив из-под лохмотьев, заменявших одеяло, он первым делом бросился к окну. Солнце уже поднялось высоко, светлели горы, ранний иней растаял, не было даже обычного тумана. Денёк обещал быть тёплым. Отца дома не было. Сеня умылся, наскоро сполоснув лицо. Слепая мать, молчаливо возившаяся около печки, поставила на стол чайник с отбитым рыльцем и подала неуклюжую лепёшку, только что состряпанную. Мать, несмотря на слепоту, свободно двигалась по знакомой избёнке, знала, что где лежит, и вела своё незавидное хозяйство не хуже любой зрячей женщины.

— Наливай, сыночек, сам,—напомнила, как маленькому, слепая мать.

Сеня торопливо, не садясь, покушал, запивая лепёшку спитым чаем. В голове у Сени вертелся нерешённый вопрос: куда он сегодня пойдёт? Можно пойти на луга и выкапывать из норок мышиные запасы. Осенью в норах полевых мышей были и вкусные зёрна, и сухие ягоды, и сладкие корешки. А можно было, забрав ветхое отцовское ружьишко, пойти к большому озеру, попытать удачи—подстрелить утку или хотя бы куличка.

Покончив с чаем, Сеня нахлобучил картуз без козырька, натянул пальтишко, латанное и перелатанное, и выскочил на улицу. Не успев ещё закрыть за собой дверь, Сеня увидел Колю Манасова. Тот шёл, слегка согнувшись и, видимо, задумавшись. После боя возле Чардарского погоста Коля заметно переменялся и часто ходил неизвестно почему опустив голову. «Опять идёт, уставясь в землю, будто ищет потерянное»,—подумал Сеня, которому не очень нравилась перемена в характере единственного друга.

— Эй, ты! Почему вчера не показывался?—вызывающе встретил Сеня приятеля. Коля поднял плечи, огляделся опасливо по сторонам и сдержанно ответил:

— Возил вчера одного чёртова начальника в Чардар, поздно приехал. Пойдём куда-нибудь, мне надо с тобой поговорить, есть новости...

Через несколько минут друзья сидели на скамеечке, возле каменного памятника на могиле одного умершего священника. Место было укромное. Здесь не однажды они поверяли другу другу мальчишеские тайны.

— Пора, Семён, перестать заниматься пустяками. Мы с тобой должны помогать бедноте, должны бороться за настоящую революцию. Понял? Бороться серьёзно, не для забавы—для дела...

Таких речей от приятеля Сеня ещё не слыхивал и сразу щетинился. Он решил, что Коля Манасов снова будет пробирать его за предложение поджечь церковь. Поджога церкви казался Сене подлинно геройским делом, и он не мог забыть, что никто иной, как единственный друг, высмеял эту затею.

— Ну, говори, говори дальше,—выжидательно произнёс Сеня, отодвигаясь на скамейке подальше от Коли.

— Видел, как я приехал после боя из Чардара с пленным красноармейцем?

— Видел.

— Плохо видел. Этот красноармеец знаешь кто? Вячка Щербань!

— Врёшь,—отрезал Сеня. Он испугался новости, но не показал виду.—Вячка Щербань, да его все знают! Я его знаю и не узнал...

— И я не узнал. Я с ним вёрст пять ехал и не узнал, пока он сам не открылся. От такой жизни, как наш Вячка жил, можно измениться кому хочешь. Если ты не веришь, я тебе докажу. На мысу, около Чардара, Вячка, пока скрывался от наших бандитов, спрятал большевистские листовки и два револьвера...

— Врёшь!

— Честное слово!

Друзья посидели несколько минут, глядя друг другу в глаза. Так они делали всегда, готовясь к выполнению какого-нибудь задуманного дела. Потом Сеня чуть слышно прошелестел губами:

— Два револьвера? Неужели оба тебе?

— Оба.

— И ты мне не дашь одного?

— Дам, если ты будешь заодно со мной, если ты бросишь свои глупые планы поджога церкви, если ты будешь выполнять мои поручения.

— Буду, буду заодно с тобой,—зашептал Сеня и протянул руку.—Держи крепче!..

Ответив на пылкое рукопожатье, Коля Манасов встал со скамьи.

— Ты получишь маленький револьвер в кожаном чехле на ремне. Себе я возьму побольше, тот, что в деревянной кобуре.

— Пойдём за револьверами,—Сеня вихрем взвился со скамейки.

— Стой! Не спеши! Готов ли ты помогать большевикам? Готов ли ты выполнять мои поручения? Отвечай, не спеши.

— Я сто раз говорил тебе, что давно хочу быть большевиком. Я выполнял бы всякие поручения... А ты мне всё запрещаешь... Церковь поджечь запретил, собаку у Мейера Едлина убить запретил... Всё говоришь, это—не надо, это—глупо... Что же надо?

Сеня едва не плакал. Чтобы успокоить его, Коля повторил рассказ Вячки о жизни в Иркутске, о сражениях с юнкерами, о борьбе с белогвардейцами здесь, в Якутии. Под конец Коля, как умел, рассказал другу: кто такие большевики и за что они борются. Сеня слушал, по временам с уважением глядя на товарища. Его любимый друг стал большевиком,—эта мысль обожгла Сеню,—значит в Марыкчане они двое будут первыми большевиками!

Сеня торжественно дал клятву хранить всё в секрете, ни под каким видом никому не передавать ни одного слова из сегодняшней беседы. Впрочем, Сеня потребовал сейчас же подсобной клятвы и от приятеля, что было исполнено. Скрепив обещания крепчайшим рукопожатием, молодые большевики немного поспорили о прокламациях. Сеня Оноев предлагал вывешивать листовки в таких местах, откуда их не могли сорвать. Коля Манасов забраковал эту мысль. Как же люди будут читать листовки в недоступных местах? Где руками не достать и глазом не возьмёшь. Было решено наоборот—наклеивать прокламации на самых доступных местах. Если расклеить побольше за ночь, то ученики, идущие по утрам в школу раним-рано, успеют прочесть и, наверняка, хотя кое-как, перескажут потом родителям.

Большевицких листовок в Марыкчане ещё никогда не бывало и можно не сомневаться, что содержание их будет интересно и для взрослых, и для школьников.

— Самое главное, появление листовок покажет жителям, что у нас, в Марыкчане, есть большевики,—вразумлял Коля Манасов. Сеня согласился со всеми колиными предложениями, но не отступил и от своего. Он хотел обязательно вывесить хотя бы

один большевистский лозунг на недоступной вершине колокольни. Оттуда-то уж никто его не снимет.

— А кто поднимет на колокольню?

— Я подниму.

— А кто прочтёт лозунг снизу?

Сеня, подавленный вопросами, умолк, но замешательство его длилось недолго.

— А мы повесим не листовку, а доску! На доске наклеим большие буквы, вырежем их из бумаги. Пусть будет самый короткий лозунг, зато крупными буквами. И я так повешу, что никому не добраться...

Коле Манасову пришлось согласиться; ему самому было соблазнительно вывесить большевистский плакат на показ для всего посёлка. Кстати, он вспомнил, что у попа Герасима есть подходящая доска, выкрашенная чёрной масляной краской. На ней хорошо будут видны белые бумажные буквы.

9

Холодная полночь мохнатыми крыльями туч повисла над Мыракчаном. Посёлок спал. Ни одного огонька, ни проблеска света. Чёрными коробами высились юрты, избы, сараи. Стояла безлунная осенняя тишь. Давно растаяли в холодном воздухе последние дымки. Кирпичные и железные трубы остыли.

Прижимая к груди свёрток, Коля Манасов ощупью пробирался между изгородей и заборов. Он поздно вернулся из очередной гоньбы и привёз с собой драгоценный клад, спрятанный красноармейцем Вячеславом Щербанем возле Чардарского погоста. Выждав время, Коля шёл теперь на условленную встречу. Кладбищенская ограда выплыла из темноты неожиданно. Коля осторожно пролез в щель под оградой. Сейчас же его схватила невидимая рука. Коля выронил свёрток, но мгновенно нагнулся и подхватил его снова, готовый дать отпор.

— Ты запоздал,—услышал Коля приглушённый голос Сени Оноева.—Я замёрз дожидаясь.

Руки Сени Оноева протянулись и дёрнули к себе свёрток.

— Не тронь, не тронь! Растеряем ещё что-нибудь в темноте... Пойдём на паперть...

Мальчики подошли к церковному крыльцу. Здесь Сеня показал своё изделие. Это была продолговатая доска, на которой даже в темноте отчётливо белели бумажные, аккуратно приклеенные буквы лозунга. Да, такая доска могла ушибить бело-бандитских заправил Марыкчана.

— С чего начнём?—спросил Сеня.

— Сначала спрячем оружие.

Заветный свёрток распаковали. Часть листовок Коля отложил в сторону—их они расклеят сегодня, остальные вместе с револьверами надо спрятать.

Сеня Оноев нащупал трясущимися руками кобуры и, нехотя, вернул Коле. Вынимать оружие из чехлов и рассматривать сейчас Коля не разрешил. Свёрток снова упаковали. У Сени Оноева был приготовлен тайник. Под широкой могильной плитой одного памятника нашлось укромное место. Верхняя часть памятника держалась на винтах, которые Сеня легко снимал и без труда навинчивал вновь. Закрепив плиту над тайником, Сеня похвастался:

— Теперь с собаками не сыщут!

Упрятав оружие, ребята вернулись к церковному крыльцу. Всем дальнейшим командовал Сеня. Захватив с собою верёвку, по карнизам, как проворный горноста́й, он влез под церковную крышу. Для этого ему пришлось сделать не мало акробатических усилий, но путь был для Сени не новый. Под куполами церкви, на стропилах лежала сухая глина. Осторожно ступая, Сеня выбрался в прорезь на крышу, закинул верёвку за выступ и сбросил конец Коле. Тот привязал её внизу и, подтягиваясь, стал подниматься по верёвке на колокольню. Скоро они добрались до купола. Ребятам пришлось потрудиться, пока они ухитрились влезть на перекладину креста. Смелычаки рисковали свалиться в чёрную пропасть пустоты, где посвистывал ветер и густо плескался туман. Последнюю часть работы выполнял Сеня. На десяти-сажённой высоте к поперечной перекладине креста Сеня накрепко привязал доску с грозными буквами большевистского лозунга. Затем он вытащил из-за пазухи красный широкий платок и подвесил его, как флаг. Ветер упруго натянул лёгкую ткань над чёрной доской.

«Днём это должно быть очень красиво и издалека видно»,— подумал Сеня, спускаясь на руках с креста на купол. Передохнув

немного, мальчик выбрался на помост колокольни и гордо сказал Коле Манасову:

— Всё готово, а ты думал—ничего не выйдет!

— Я этого не думал. А вообще ты—молодец!

Поговорив о трудностях сениной затеи и порадовавшись удаче её выполнения, ребята тем же путём стали спускаться вниз. Сеня Оноев уничтожил все следы на площадке под куполом. Теперь, даже поднявшись сюда, никто бы не догадался: каким путём доска и флаг доставлены на купол. Гладкая поверхность рассыпчатой ровной глины, покрывавшей стропила, стала снова как бы нетронутой: следы Коли и Сени исчезли.

Очутившись возле церковного крыльца, Сеня поднял голову:

— Видишь, на кресте, где распинали Христа, появилось чудо? Попам оно не понравится, а посмотреть и им придётся.

— Главное, жители будут знать, что в Марыкчане есть большевики. Это настоящее чудо...

Захватив жестянку с клеем и прокламации, друзья отправились заканчивать своё отважное предприятие. Первую листовку Коля Манасов наклеил на церковных дверях. Сеня предупредил, чтобы печати на дверях были не тронуты. За целость их отвечал сенин отец. Не затрагивая печатей, ребята щедро украсили прокламациями обе церковные двери. Потом они повесили листовки на стенах поповских домов, на воротах управы под окнами Мейера Едлина и других марыкчанских хозяев. Узкие полоски воззваний и лозунгов появились на перилах моста, на столбах телеграфа.

Небо начинало чуть-чуть светлеть, когда последние листовки ребята пристроили на заимке Адама Будашевского. Дом, сарай, амбар и забор бывшего волостного старшины получили по две прокламации на самые видные места.

Темнота ночи сменилась серой паутиной рассвета. Возле омута стремительной речки ребята мыли пустой жестяной котелок, уничтожая последние следы тайных подвигов. В это время на тракту издали запели бубенцы. Громче и громче раздавался в тайге медный рокоток. Ребята присели в кустах. Почтовая телега ходко промчалась мимо них и свернула с тракта на Марыкчанскую улицу. Бубенчики, вспыхнув на ухабах, замерли. Кто-то, приехавший с почтой из Якутска, остановился у здания Марыкчанской школы.

От лучей солнца, выкатившегося из-за ближайшей горы, незаметно растаял пушистый иней. В Марыкчане началось обыденное утро. Из всех труб столбиками заструились дымы. Хлопали, открываясь и закрываясь, двери, подлаивали собаки, брнчали вёдра хозяек, спешивших подонть коров. Петухи, заменявшие во многих домах часы, кукарекали не переставая. В этом будничном гомоне резко прозвучал старушечий крик. Какая-то зоркоглазая хозяйка заметила флаг и доску с лозунгом на церковном кресте.

— Параскева! Анфиса! Смотрите-ка, что над храмом-то висит!

Тут я там женщины поднимали головы. Кричали уже в десятк местах. Около хозяек появились мужчины, дети. Все они сначала оглядывались с недоумением, искали причину шума на улице и лишь потом, разобравшись в чём дело, столбенели. Десятки обывателей уставились ошеломлёнными глазами на церковь, недоумевали.

Этого ещё в Марыкчане не бывало! Это казалось просто невысказанным. Многие протирали глаза, словно не доверяя зрению. У старух, выскочивших позднее, падали из рук вёдра. Через полчаса проснулся весь Марыкчан. Как замороженные, люди глядели на красный флаг и чёрную доску с явственно различимым лозунгом. Грамотные по десять, по двадцать раз читали и перечитывали необыкновенные слова. Затем все марыкчанцы зашумели и забегали ещё оживлённее. Кучки людей стали тесниться возле листовок и лозунгов, раскрытых неизвестно когда и кем.

Грамотеи вслух читали по-русски и по-якутски правдивые призывы к борьбе за власть Советов, за власть трудящихся.

Большевики появились в Марыкчане!

Школьники успели побывать возле своей школы и теперь прыгали из юрты в юрту, передавая знакомым и приятелям необычайные новости из прочитанных листовок...

— Большевики пришли в Марыкчан!

— Большевики здесь, в нашем Марыкчане!

Это была неистощимая тема для всех разговоров.

— Дожили и мы до большевиков!—сквозь седые усы басил старый кузнец Аким.

— Да, может, это и не большевики, кто их знает?—пробовали ему возразить

— Кто, как не большевики будут призывать к народной власти? Не наши нынешние управители,—не сдавался настойчивый кузнец.

Везде люди переругивались и спорили. У церкви собралась добрая половина жителей посёлка. Расталкивая локтями толпу, прибежал одышливый церковный староста с ключами. Увидев, что замки на железных дверях в целости и печати не тронуты, староста обошёл вокруг церкви, облегчённо вздыхая. **Всё было на своём месте, никто не ограбил храма, никто ничего не повредил.**

Но как же появились на недоступной высоте креста лозунг и красный флаг?

Или большевики умеют летать по воздуху как птицы? Говорят же бывалые люди, что есть какие-то машины-самолёты! Да зачем было машинам залетать в Марыкчан? Никто не мог дать ответа на эти вопросы.

Почти одновременно с событиями в посёлке на заимке Будашевского тоже поднялась паника. Батраки Будашевского вставали раньше хозяина. Они первыми здесь заинтересовались загадочными листовками. Среди батраков не было грамотных. Одну листовку, бережно содрав с забора, принесли к хозяину. У него ночевал Егасов. Оба, хозяин и гость, струхнули не на шутку.

— Теперь мы не знаем, какая власть в Марыкчане! Может быть, там большевистский переворот?—сказал Егасов, прочитав листовку.

— Придётся послать в посёлок кого-нибудь узнать, что там случилось,—согласился с Егасовым приунывший хозяин.

— Зря я не уехал в Якутск,—сожалел Егасов. Он мог уже не считать себя связанным с Марыкчаном. По распоряжению областного управления, Егасова отзывали на работу в город. Он ждал только заместителя, чтобы сдать должность заведующего школой.

А новый заведующий, Николай Иванович Чинарин, прелехавший в посёлок на рассвете и напугавший наших юных большевиков Колю и Сеню, этот новый в Марыкчане человек проснулся от шума. Тихий, затерявшийся в тайге посёлок, гудел. Чинарин аккуратно умылся, оделся и, не думая о завтраке, вышел на ули-

цу. Следуя общему движению незнакомых ему поселян, Чинарин дошёл до церкви. Первым, кого увидел Чинарин, был коротконогий человек в форме колчаковского милицейского офицера. Покручивая чёрные крысиные усики, человек суетливо толковал пожилому русскому священнику о безуспешности поисков каких-либо следов дерзких большевиков.

— На верхней площадке под куполом сыроватая гладкая глина,—услышал Чинарин,—если бы там кто-нибудь прошёл, должны остаться следы, а никаких следов нет!

По неправильному выговору буквы «р» Чинарин догадался, что человек в милицейской форме—еврей.

— Гражданин Едлин, как же злодеи поднялись на купол, не проходя под куполом? Ведь не птицы же прикрепили доску и флаг?—сердито выговаривал священник, приподнимая высокую шляпу и заглядывая на церковный крест.

— Установить пока ничего не удалось. Мы примем все меры,—с поклоном отвечал Едлин. Священник не успел ответить. К церкви подошла группа марыкчанских тойонов-кулаков. Впереди их шагал церковный староста и монтёр телеграфа, чинивший на линии непрерывно рвавшиеся провода. С дверей сняли печати, и марыкчанские власти вошли в церковь. Чинарин последовал за вошедшими. На площадке колокольни остановились отдохнуть. Здесь Чинарин поздоровался со всеми, рекомендуясь:

— Новый учитель, Чинарин!

Тойоны молча пожимали ему руку, священник и староста, обменявшись приветственными словами, стали жаловаться на ночное происшествие.

Той порой монтёр подвязал «когти», поднялся с грехом пополам под потолок, открыл доску, аккуратно положенную на место Сеней Оноевым, и заглянул внутрь купола.

— Тут не только человек, а кошка прошла бы—следы остались. Никто здесь не ходил. А на купол отсюда вообще проникнуть невозможно!—крикнул монтёр, высовывая голову из-под настила.

— Но кто-то всё-таки пролез,—настаивал в своём отец Иосиф Баранышев.

— Поглядите сами,—обиделся монтёр и стал спускаться обратно.

— В посёлке есть старик-кровельщик. Он когда-то лазил красить купол. Надобно его позвать,—предложил Савва Собачкин.

Кровельщика отыскиали в толпе, гудевшей подле церкви. Перекрестившись на большой колокол, старик выслушал вопросы священника и перекрестился вторично.

— Подняться на купол можно, если его разобрать,—таков был ответ кровельщика.

— Разобрать купол дорого стоит,—возразил Савва Собачкин.

— Для такого дела надо будет закрывать церковь,—добавил отец Иосиф.

— Ну, можно ещё вокруг церкви поставить леса, это будет не дешево,—заклучил старик-кровельщик.

Ничего не решив, все пошли вниз, в церковь. Мейер Едлин вытолкал людей из ограды. Полюбовавшись на ретивого милицейского, учитель Чинарин пошёл домой. Он был весьма обрадован, что в ночь его приезда в Марыкчане произошли такие интересные события.

Здесь мы сделаем отступление и скажем—почему учитель Чинарин радовался большевистской пропаганде в Марыкчане.

Иван Иванович Чинарин родился от русского отца и якутски-матери. Выросший среди якутов, он считал и себя якутом. Отца своего Иван Иванович не помнил. Вместе с батрачкой-матерью Иван Чинарин скитался по богатым родственникам. Родственники и устроили его в школу.

Мать не жалела себя ради сына, унижалась, просила, работала из последних сил. Якутка хотела вывести сына в «люди». Иван Чинарин учился прилежно, но уже в шестом классе семинарии попал в молодёжный социал-демократический кружок, был уличён в пении революционных песен и исключён без права поступить в другое учебное заведение. Пришлось снова идти к родственникам, неприветливо встретившим юношу. Батрачкой участи ему бы не избежать, но грянул Октябрь, а за ним гражданская война. После разгрома белогвардейского правителя Якутии атамана Гордеева, Иван Чинарин приехал в Якутск, чтобы закончить учёбу. События нарушили его планы, белая власть ещё не была добита. С помощью друзей Чинарину удалось получить освободившееся место учителя в начальной школе Марыкчана. Иван Иванович с радостью согласился поехать в глухой посёлок. Он вступил в подпольную организацию партии большевиков, но утерял связи во время последнего переворота и решил одиночкой

поработать с молодым поколением, воспитывая молодые умы в духе коммунизма.

В коммунизм Иван Чинарин верил всем сердцем. Он лелеял мысль создать в Марыкчане большевистскую революционную группу. Понятна радость молодого учителя, когда в Марыкчане оказалось, что есть большевики.

Дело стало за малым: надо было установить с ними связь.

11

Слепая мать Сени Оноева валялась в ногах у попов, у председателя управы, ходила к марыкчанским тойонам-кулакам, просила защиты. Попы отмахивались, тойоны-кулаки отмалчивались. Савва Собачкин говорил, что это дело не его касается. А дело сделал Мейер Едлин, посадивший Сеню Оноева и ещё нескольких подростков-мальчиков в арестный дом. Плакали матери, хмурились отцы. По Марыкчану ползли слухи—Едлин арестует всех школьников. Ребята прятались по юртам, боялись выходить на улицу. Родители стороной обходили здание управы.

Говорили, что по ночам из арестной каталажки доносятся отчаянные детские крики. Говорили, будто ночью в управе, в кабинете начальника милиции Едлина, кто-то страшно рычит по-звериному. Тревожные, дикие слухи волновали посёлок. Неслышанное дело—ребят стали сажать в тюрьму! Вот до чего дошли марыкчанские власти!

Слепая мать Сени часто выходила во двор и, обратясь лицом к церкви, громко молилась богу, призывая проклятия на голову Едлина и всех власть имущих. У старого отца Сени стали трястись руки, он по-своему переносил новое горе. День проходил за днём, а ребята сидели под арестом. К ним никого не допускали. Родных, осмелившихся приходить в милицию за справками, дежурный гнал прочь, угрожая винтовкой.

На седьмой день после ареста ребят в избёнку старого ямщика Манасова зашёл Василий Амурский, приехавший из тайги. Только что Екатерина стала рассказывать ему об аресте племянника, как дверь широко распахнулась и на пороге появился сам герой печального повествования. Мать, не веря глазам, бросилась к Коле:

--- Жив-здоров, вернулся!—закричала Екатерина, обнимая сына. Коля Манасов виновато обнял мать, поздоровался с дядей и отцом и стал снимать пальтишко.

— Что это у тебя с рубахой, сынок?—спросил старик Манасов, выжидательно глядя на Колю.

— Разорвал Едлин,—ответил Коля. На глазах у него навернулись слёзы. Мать, зорко оглядывавшая сына, вдруг подскочила к нему и подняла рубаху. На спине Коли багровели вздувшиеся кровавые рубцы.

— А что это, что?—заголосила Екатерина.—Родители никогда сына не ударили, так бандиты какие-то изувечили!

Несмотря на протесты Коли, мать сняла с него рубаху. Спина и бока были иссечены ударами нагайки. Морщась от боли, Коля Манасов рассказал, что избил его Мейер Едлин на допросе. О чём допрашивал его Мейер, Коля говорить не захотел. Видя огорчённых родителей, он, скрывая боль, стал спрашивать о домашних делах. Но домашние дела на этот раз не интересовали никого.

— Этого Мейера Едлина надо пристрелить,—мрачно сказал Василий Амурский.—Пристрелить надо, как бешеную собаку!

Коля Манасов возразил, помня беседы с Вячкой Щербанём:

— Одного пристрелишь, другие останутся. Убьёшь Едлина, на место его Савва Ссбачкин сядет или ещё кого из Якутска пошлют. Нет, дядя Василий, всех, всех этих выродков надо уничтожить! Пока власть у них, хорошей жизни нам не видать!.. Самим якутам с белогвардейцами не справиться, русских большевиков надо ждать, помогать им надо...

Мать, отец, дядя—все сразу переглянулись. Они так и не узнали от него о причинах ареста, не узнали, о чём его допрашивал Едлин, но последние взволнованные слова мальчика как будто приоткрыли тайну. Уж не подозревал ли Мейер Едлин Колю в связи с красными? Или в этой истории с флагом на колокольне и листовками?

А, может быть, парень сам стал большевиком?

Поражённые новыми мыслями родные Коли Манасова с уважением глядели на своего питомца, побывавшего в застенке у марыкчанских правителей.

В день своего освобождения Коля Манасов больше всего думал о школе. Пока он сидел под арестом, приём наверное кончился, записаться будет поздно, и, конечно, заведующий школой

Егасов его не примет. Расспросив о поселковых новостях, Коля повеселел. Оказывается, в школе новый заведующий. Стало быть, можно попытаться. Не откладывая дела в долгий ящик, Коля Манасов помылся, надел зашитую матерью рубаху и вечером пошёл повидать нового заведующего.

В школе было пусто. Постучав в двери учительской комнаты, Коля услышал громкое «Войдите».

За столом, где всегда напыщенный и важный заседал Егасов, Коля увидел незнакомого человека полурусского, полуякутского облика. Твёрдые пронизательные глаза встретили Колю как-будто равнодушно.

— Я пришёл к новому заведующему,—робко сказал Коля. Новый заведующий показался ему не особенно приветливым.

— Это я. Что тебе нужно?

Иван Иванович Чинарин умел, не подавая виду, присматриваться к людям. Он, разумеется, знал, зачем понадобился заведующий этому серьёзному, робковатому подростку. Не впервые ему было встречаться с учениками, запоздавшими с записью в школу. Причина была понятна. Но этот мальчик произвёл на Чинарина впечатление не совсем обычное. «Должно быть, настойчивая, хорошая натура, только застенчив»,—думал Чинарин, глядя на Колю.

— Мне бы в школу записаться, я перешёл в последний класс, да нынче не успел записаться.

— Опоздал, друг мой. Комплект у меня полон. Запись позавчера кончена.

Коля Манасов проклял в душе Едлина: надо же было держать шесть дней в каталажке и выпустить, когда в школе кончится приём. Как нарочно!

— Значит, меня принять не можете?

— Мест нету. Ты учился здесь, знаешь—на каждое место трое желающих. Куда же всех принять? Есть сроки приёма, ты должен был помнить их и не опаздывать.

— Я опоздал не по своей вине.

— А по чьей?

— Меня держали под арестом...

Положив на стол книгу, которую во время беседы вертел в руках, Чинарин с новым интересом поглядел на осунувшееся, нахмуренное лицо подростка. «Может быть, этот паренёк имеет ст-

ношение к тем, кого я нищу»,—мелькнула у Чинарина странная догадка.

— За что тебя арестовывали?

— Бабка Степанида наклеветала.

— Какая бабка? Что она могла наклеветать? Расскажи-ка, дружок, откровенно, я ведь не Мейер Едлин!—с улыбкой, сразу сделавшей его приветливым, сказал Чинарин. Смущение Коли Манасова прошло. Новый заведующий определённо нравился ему и ничем не напоминал Егасова. «Тот, наверное, прогнал бы меня с порога»,—думал Коля.

По приглашению учителя Коля взял стул и, придвинувшись к столу, стал потихоньку рассказывать. Сдержанно, но ярко Коля Манасов описал утренний переполох с появлением флага и лозунга на церковной колокольне. Чинарину это было известно, но он не подал виду. Коля завершил повествование сценой ареста. Он вместе с приятелем, Сеней Оноевым, стоял в толпе народа в ограде, дожидаясь, пока снимут флаг и лозунг. Сеня, показав пальцем на флаг, сделал кукиш спине священника, отца Баранышева. Бабка Степанида видела это и сейчас же сказала Едлину. Тот заподозрил ребят, будто они кому-то подавали тайные знаки. Кроме того, Едлин был рад проявить хоть над кем-нибудь свою власть и задержал ребят.

— Если вы виноваты во всей этой суматохе, надо было быть осторожнее,—сказал Чинарин.

— Это не мы. Едлин тоже сначала заставлял признаваться, что это мы виноваты. А я говорю ему: признаться—признаемся, пусть—мы, а откуда мы достали в Марыкчане большевистские листовки? Кто их нам даст? Тогда Едлин велел нас отпустить. Это не мы, господин заведующий, ей-богу!

Чинарин теперь уже не сомневался, что Коля имеет какое-то отношение ко всей истории с флагом и листовками. В душе он восхищался сидевшим перед ним подростком. Спокойные отговорки Коли, рассудительные доказательства невинности, которые тот выдвигал против подозрений Чинарина, были в глазах учителя подтверждением. «Умница паренёк, но себя вёл ещё по-ребячьи. Хорошо, что он попался в лапы недалёкому Едлину и вывернулся. В другом случае наивность может погубить парня»,—рассуждал про себя Чинарин и решил действовать прямо.

— Вот что, дружок! Ты меня не бойся, не скрывайся. Я не из компании Мейера Едлина. Я рад, что в Марыкчане есть

большевики. И, знаешь что, Коля, им надо помогать. Сейчас наступили последние дни контрреволюции. Кто хочет добра якутскому народу, тот пойдёт с русскими большевиками...

Коля Манасов после этих слов едва усидел на стуле. Не поверить новому заведующему школой он не мог. Кто станет так говорить, ведь не эсер Егасов, не Савва Собачкин? «Он большевик»,—решил Коля и поведал Чинарину о битве у Чардара, о встрече с Вяжкой, о ночном посещении тайника и о способе, которым проникли на колокольню. Одно скрыл Коля: об оружии, спрятанном под могильной плитой, он ничего не сказал.

Иван Иванович Чинарин, выслушав Колю, протянул руку:

— Вы—смелые ребята! Хорошо, что ты доверился мне, а я тебе. Хорошо, что мы так быстро нашли друг друга. Но впредь, Коля, будь осторожнее. Ты молод, не знаешь, что есть люди—provokatory. Не понимаешь? Твоё счастье, что ты их никогда не встречал. Это подлецы, которые прикидываются большевиками, выведывают нужное им и доносят разным Едлиным. Впредь, дружок мой, не будь так доверчив в важном деле...

— Я ведь доверился вам, Иван Иванович, потому что принял вас за большевика. С другим я бы говорить не стал. Дома ни отец, ни мать ничего не знают.

— И хорошо, что не знают. Сейчас им этого не надо знать. А я—большевик, ты не ошибся...

И, видя, как лицо Коли расцвело в счастливой улыбке, Иван Иванович добавил:

— Большевики не простили бы мне, если таких ребят, как ты, не принять в школу... Я тебя запишу, однако помни: учишь хорошо. Для того, чтобы тебя принять, придётся исключить на испытаниях одного слабого ученика...

Коля горячо поблагодарил Ивана Ивановича и стал просить за своего приятеля. Таким образом Чинарин узнал, что группа ребят, называвших себя «молодыми большевиками», кроме Коли и Сени Оноева, включала ещё Костю Амурского и Геню Бологурова с «Духоборки». «Духоборкой» марыкчанцы именовали выселок за озером, где с давних пор стояли десятка полтора домов ссыльных сектантов-духоборов.

— Ладно, я устрою всю вашу группу в школу,—сказал Иван Иванович.—Сеню Оноева ты пошли ко мне, я по твоему рассказу знаю его, как своего человека. А с теми двумя познакомлюсь сам, когда они придут в школу. Вот и будет у нас пять человек—

целая ячейка молодых большевиков. Придёт день, мы призовём к ответу сегодняшних марыкчанских заправил...

Коля Манасов возвращался от Чинарина, забыв о всех недавних горестях. Что все эти мелочи по сравнению с чудесным будущим?

Заветные желания сбылись—в Марыкчане есть настоящий большевик. У него есть четверо учеников. Недаром красный флаг всё ещё сверкал на сельской колокольне.

12

Терпеливо приглядывался Чинарин к подросткам, с которыми связал свою судьбу и которые, в свою очередь, связали с ним свои судьбы.

На уроках и на переменах, на улице и дома наблюдал он питомцев, умело направляя молодые порывы к большой цели. Цель эта была общая—борьба за советскую власть, борьба за победу большевизма. С воодушевлением рвались подростки к действенной, активной вылазке против опостылевших последышей контрреволюции. Но время ещё не подошло, и Ивану Ивановичу пришлось тратить не мало энергии, чтобы удержать подростков от ненужного риска. Скоро Чинарин стал разбираться в характере молодых друзей.

Коля Манасов был самым способным учеником в классе и самым дисциплинированным в подпольной ячейке. Он по природе обладал даром агитатора. Быстро усваивая новое, Коля умел понятно и красочно передавать свои мысли и знания другим. Он находил общий язык с товарищами по школе и со взрослыми. Иван Иванович часто испытывал Колю. Однажды в учительской комнате Коля заговорил об империалистической войне. Иван Иванович просил его передать своими словами недавнюю беседу. Оба увлеклись, один—рассказом, другой—рассказчиком. Дойдя до февральских событий 1917 года, Коля внезапно остановился, прислушался и начал громко толковать о последней поездке с почтой, всячески ругая дурную дорогу. Иван Иванович не успел удивиться—в дверь постучали. Неожиданным гостем оказался Савва Собачкин. Его крадущуюся походку Коля Манасов уловил чутким ухом и перевёл во-время свой рассказ на безобид-

ную тему. Когда незванный гость удалился, Чинарин оценил насторожённость Коли. Они жили в окружении врагов и паре-чэк это хорошо усвоил, не растерялся.

Колин закадычный приятель, Сеня Оноев, имел характер, непохожий на своего товарища. Готовый в любое время на любой риск, Сеня Оноев был, безусловно, отчаянным парнем. Не задумываясь, он пошёл бы на дело, грозившее гибелью. Крайне вспыльчивый, он с трудом сдерживал себя под влиянием Ивана Ивановича. Иногда на этого подростка нападала мальчишеская строптивость, часто он шалил совсем по-ребячьи. Помимо смелости, готовности постоять за себя и за друзей, Иван Иванович подметил ещё одну ценную черту в характере Сени. Оноев был уверен в себе. Приняв какое-либо трудное задание—не сомневался в выполнении. Колебания или опасения были чужды этой пламенной душе.

Косте Амурскому шёл семнадцатый год. Он был старше большинства сверстников. Терпеливый, настойчивый Костя Амурский умел своим терпением бороться и побеждать. За его кажущуюся нерасторопность некоторые кулацкие сынки избрали Костю целью насмешек. Костя Амурский хладнокровно делал вид, что такие задиры не могут его уязвить. Сеня Оноев на его месте давно бы передрался с обидчиками. Костя Амурский редко прибегал к драке. Не умел он хлётко ответить и словами. Спокойно, даже равнодушно Костя Амурский встречал все неприятности жизни. И, удивительное дело, это спокойствие помогало ему во всём. Приятели Костю любили, враги ненавидели. И то и другое Костя Амурский принимал, как должное. Поручения Ивана Ивановича Амурский выслушивал сосредоточенно, часто просил повторить. Потом уже можно было быть спокойным—Костя Амурский так или иначе добьётся своего. Ивану Ивановичу казалось—этот невозмутимый парень в собственных глазах видит себя выше товарищей. Но это были только догадки.

Самый младший из четвёрки друзей, мальчик с «Духоборки», как иногда звали Геню Бологурова, отличался исключительно весёлым, жизнерадостным нравом. Хороший песенник, забавный, неутомимый говорун, Геня учился легко, хотя особого прилежания не выказывал. Он любил увлекательные науки—историю, географию. Неустойчивые чёрточки в характере Гени беспокоили Чинарина. Только один этот мальчик проявлял некоторое легкомыслие. Подравшись с кем-либо, он через пять минут готов был играть с обидчиком. Глубоких чувств эта натура ещё не выявля-

ла. Иногда Чинарин определял чистосердечие Гени, как излишнюю простоватость.

Таковы были четверо подростков, собравшихся в один зимний вечер в учительской комнате. Долго думал Иван Иванович, прежде чем собрать их всех вместе у себя. И вот они вместе! Каковы бы ни были они, сейчас станет ясно: можно ли на них положиться? Иван Иванович откровенно побеседовал с ребятами.

И до этого, с каждым по одиночке, приходилось ему беседовать в этой же комнате. А сейчас, когда впервые они собрались вместе, обыкновенной беседы показалось Чинарину мало. Распуская ребят и предупредив, по обыкновению, чтобы без его ведома никто и ничего не предпринимал, Чинарин предложил дать торжественное обещание в верности делу борьбы за победу большевиков. Сеня Оноев выскочил вперёд.

Да, он, Сеня Оноев, обещает отдать жизнь за народное дело! Да, он, Сеня Оноев, будет безоговорочно выполнять все поручения группы молодых большевиков Марыкчана! Он считает себя ленинцем!

Торжественные обещания дали Коля Манасов и Геня Бологуров. Костя Амурский молчал.

— Костя, а ты что думаешь?— удивлённо спросил Коля Манасов.

— Я? Я с вами одно думаю. Если завтра надо с оружием выступить против врагов народа, я готов. Только показав себя в борьбе, мы получим право называться молодыми большевиками. По-моему, так!

Речь Кости Амурского, такая необычно длинная для него и такая скромная, взволновала ребят. Церемонию торжественного обещания закончили, пожав друг другу руки.

Проводив питомцев, Чинарин вздохнул. Марыкчанская ячейка могла быть признана маленькой, но жизнедеятельной единицей революционных сил Советской Якутии. Когда же она выступит открыто?

Старик Болот, брат слепой матери Сени Оноева, засиделся до позднего времени и остался ночевать в низенькой избёнке церковного сторожа. Коля Манасов тоже засиделся со своим приятелем у тёплого очага. Ребята устроились в уголке и обсуждали

школьные новости. Сеня Оноев, посмеиваясь, признался товарищу, что недавно, в крещенский вечер, нацепил на спину попу Герасиму бумажку с надписью «обманщик». Бумажку, заготовленную «на всякий случай», Сеня не думал приклеивать именно священнику. Но поп Герасим, проходя через толпу, так грубо растолкал верующих, что Сеня не удержался и наклеил плакатик на широкую рясу. Отец Герасим, видно, заметил это только переодеваясь в алтаре и, выйдя оттуда, долго вглядывался в народ, прежде чем начать богослужение.

— Глупо ты сделал, Сеня,—выслушав рассказ, сказал Коля Манасов.

— Почему же глупо? Зачем он толкался, когда шёл?

— Глупо. Как бы он не толкался, твой поступок умным не назовёшь.

Сеня Оноев мрачно замолчал. Ему частенько доставалось за неискоренимое ребячье озорство и от Коли Манасова, и от Ивана Ивановича, и всё-таки время от времени он выкидывал несурзные выходки. Осознавать их было Сене не легко. И на этот раз слова товарища его не убедили, а замолчал он, зная, что если уж Коля Манасов осудил поступок—возражать и оправдываться бесполезно.

Недовольные друг другом оба подростка вслушивались в неторопливую речь старика Бóлота. Бóлот рассказывал о своём приёмыше Кеше.

Сыну марыкчанского князьца-кулака Евграфа Тускаева, Кеше, пришлось сразу после рождения из богатой юрты отца переселиться в хибарку отцовского батрака Бóлота. Суеверие вынудило Тускаевых пойти на это. Жена князьца родила четырёх детей, и все они умерли. Пятым родился Кеша. Князец Тускаев не хотел больше испытывать злого духа. По древнему обычаю, злого духа можно обмануть, если кто-нибудь украдёт ребёнка и воспитает в чужой семье. Князец Евграф Тускаев выполнил обычай.

Всё было условлено заранее. Новорождённого «украли», то есть передали из окна юрты на руки жене Бóлота.

До десяти лет ребёнок должен был жить, как сын бедняка, у названного отца. Нарушить обычай—значило раскрыть обман злему дьяволу! Князец Евграф не хотел терять наследника...

Речь беззубого Бóлота текла неспешно, как вода высыхающего ручья:

— Рос у нас Кеша, как сынок любимый, в бедности да в ласке. О своей судьбе не знал до поры до времени. А исполнилось время, взял я его в последний раз на неводьбу. Приехали на озеро, порыбачили, да худо, улов небольшой. Сварили рыбу, сели кушать. Приезжает князец Евграф. Сердитый приехал, кого-то из батраков избил. «Плохо,—кричит,—рыбу ловите». Испугался мой Кеша. «Поедем,—говорит,—домой. Оставь ему всю рыбу, а то сердитый старик и нас побьёт».

Дождался я, пока рыбу поделили, посадил Кешу на бычка, привёз домой, а он радуется: не побил, говорит, нас злой тойон. У меня, как сейчас помню, от слов детских сердце щемило. Как, думаю, уживёшься ты с этим тойоном?.. Через несколько дней после неводьбы приехал князец Евграф. Кеше объявили: кто он такой, чей сын. Заплакал Кеша, упёрся, не захотел ехать с родным отцом в богатую юрту. Так кричал, плакал, что князец Евграф махнул рукой, оставил его у нас. Евграф Тускаев скоро переселил нас поближе к своей юрте, учиться надо было Кеше. Очень он хотел учиться. Стал ходить в школу, а князец Евграф той порой стал его приучать к себе. Куда там! Кеша сначала и признавать не хотел законного кровного отца. Потом понял, смирился с судьбой. Жить всё-таки остался у нас, в богатый отцовский дом старался не заходить. А князец Евграф сердится. Жаловался родным. Отдал, мол, сынка к батраку, сын по-батрацки думать научился, отца чурается. Сильно ругался тойон Евграф, а кто виноват? Решил князец послать Кешу учиться в город, думал: там парень и нас позабудет и себя тойонским сыном почувствует. Не так вышло! Сколько лет проучился Кеша, отцу радости не принёс. В прошлом году из Якутска приехал, на собрании такого наговорил,—в каталажку попал. Старик Евграф от сына отрёкся, палкой избил. Увезли Кешу в тюрьму, а мы плакали. Нам он за родного сына был. Думали, женится парень, нас со старухой к себе на житьё возьмёт, как-никак названные родители. Эх, Кешенька, Кеша!..—старик Бёлот закашлялся.—Летом, говорят, красные Кешу освободили, нынче белые власти опять посадили. Эх, Кеша, Кеша...

— Это твоя жизнь научила Кешу против отца пойти. Кто в батрачестве вырос, князьца отцом считать не будет. А в городе, видно, добрые люди Иннокентия учили, потому и стал он у тебя большевиком,—сказал Коля Манасов.

— Не моя ли старая юрта большевиком его вырастила?— буркнул сердито Бóлот.

— А что ты думаешь? Большевики в кулацких домах не растут. В твоей юрте князьца Евграфа добрым словом не помянут.

— Помолчи, ты. Пусть я батрак, пусть Кеша батрацкую выучку от меня, от моей жизни перенял, а зачем ему в большевики итти? Обидел меня Кеша, опозорил старика...

Старик Бóлот, подобно многим беднейшим якутам, представлял себе советскую власть и большевиков, как нечто чужое народу. Тёмные, неграмотные батраки жили запуганные рассказами князьцов, кулаков, священников. Бóлот считал, что его приёмш Кеша Тускаев, выступая против отца, выступил и против его—Бóлота. Одна мысль о том, что его скромный, умный, родной Кеша стал большевиком, приводила старика в отчаяние. Ведь известны всем слова отца Герасима, попа-якута: «Все большевики погибнут дважды: один раз на земле, другой—на небе. Никого из большевиков не оставят в живых князья и белые генералы, а господь бог не пустит большевиков в рай!».

Подумать только—не пустят в рай!

Коля Манасов подсел к Бóлоту. Старик плакал от собственного рассказа. Помня наставления Ивана Ивановича, Коля не стал разубеждать старика по поводу утраты большевиками права войти после смерти в рай, Коля заговорил о делах земных. Тут было легче найти убедительные для Бóлота слова. Осторожно, по несколько раз повторяя свои мысли, Коля Манасов доказывал Бóлоту две непреложные истины. Во-первых, большевиков Бóлот не видел, не знает. Как он может верить тойонам, князьцам и вообще всем нынешним заправилам Марыкчана, всячески порочащим большевизм? Они кричат, что большевики несут гибель якутам, большевики чужие северному народу. А что хорошего дают якутской бедноте господя белогвардейцы, что дали хорошего марыкчанские правители? За какие христианские дела господь пустит в рай этих кровососов, насильников? Дети от них отрекаются. Правильно поступил Иннокентий Тускаев! Что ему отец? Чужой, грубый человек. Отцом кулацкого сына Кешы Тускаева стал батрак Бóлот. Разве не он вырастил ребёнка в своей юрте, не он, выкормил своим скудным харчем, не он причил мальчика к труду? Он, Бóлот, кабальный якут! И что же говорил Иннокентий Тускаев, выучившись в школе? Кого он защищал?

Не отца-князьца, а батрака Бóлота, своего воспитателя. Или это неправда? Кеша стал большевиком и хорошо сделал.

Старый Бóлот слушал Колю Манасова, качая головой. Услышав, что большевики давно заняли всю Сибирь и скоро придут в Якутию, чтобы добить последних белогвардейцев, Бóлот перекрестился.

— Пусть будет так,—сказал он,—тогда и моего Кешу из тюрьмы выпустят.

Отец Сени Оноева, сосредоточенно слушавший и рассказ Бóлота и горячую речь Коли Манасова, не проронил ни слова. Слепая старуха задумчиво штопала какую-то ветошь. Сеня с гордостью глядел на своего друга. Да, Коля Манасов научился говорить, пожалуй, не хуже самого Ивана Ивановича Чинарина. Не зря провели они вечер.

И, вспомнив о своей выходке, о бумажке, наклеенной на спину белогвардейского попа Герасима, Сеня Оноев покраснел.

14

События в Якутске не радовали марыкчанских правителей. Слухи шли какие-то разноречивые, неясные. В Марыкчане не было известно доподлинно, когда красные снова захватили город, какие отряды большевиков и где именно восстанавливают Советскую власть. Зато твёрдо стало известно, что Сибирь полностью присоединилась к Советской России и что из Иркутска красноармейские части движутся на север.

Над белогвардейщиной Марыкчана нависла неотвратимая угроза. Савва Собачкин ходил к Мейеру Едлину, поп Герасим ездил к попу Никодиму, утешали друг друга, говорили ненужные слова, но успокоиться не могли. Савва Собачкин, всегда отводивший душу на разных заседаниях, решил созвать волостное правление для обсуждения вопросов борьбы с большевистским нашествием. Рассыльных из управы Собачкин погнал по всей округе. Повестки, посланные Собачкиным, вызвали переполох. В богатых домах засуетились, пряча ценности, одежду, закапывая хлеб. Женщины снимали со стен иконы, портреты, ковры. Жена отца Герасима, матушка Дорофея, спрятала под половицу олеографию «43 монархов». Страх перед большевиками крепко ударил кулаков-националистов.

Паника началась и в некоторых юртах марыкчанских ремесленников и небогатых землевладельцев. Тёмные проходимцы сеяли антисоветские измышления. Василий Амурский, зайдя к кузнецу Акиму, застал ночлежника Тыкарая. Тыкарай, известный картёжник, недавно вернулся с рыбных промыслов из Булуна, где ловил рыбу в мутной воде. Поговаривали, будто Тыкарай не чист не только на руку. Его подозревали в связи с колчаковской контрразведкой.

— Что, Василий, правда, большевики, про которых нам недавно толковали, побитые по всей Сибири, оказались на самом деле победили всех и даже до Якутска добрались?—спросил кузнец Аким.

— Я же тебе говорил, эти красные разбойники, вырвавшись из тюрем, грабят теперь повсеместно. Добрые люди ждут спасения от них, бегут куда глаза глядят,—ответил за Василия Амурского Тыкарай.

— Ты помолчал бы, добрый человек. Сюда большевики придут, мы разберёмся здесь: кто разбойник!—резко отрезал Василий Амурский.

— Не ты ли разбираться будешь?—вскипел Тыкарай.

— А хотя бы и я! Говорю тебе: помолчи! Обмишулил булунокских рыбаков, хотел лавочку в Марыкчане открыть—нас ободрать. Береги шкуру, Тыкарай, прикуси язык!

Тыкарай молчать не собирался.

— Сам прикуси! Не думаешь ли отсидеться от большевистской расправы? А кто это, когда с красными на Чардаре расправлялись, в отряде у Едлина был? Я или ты? Кто это втянул в засаду большевиков, кто перед боем сигнальный выстрел подал? Я или ты? Нет, птенчик мой, живым ты у большевиков не останешься, как не вывёртывайся!—ехидно сыпал скороговоркой Тыкарай.

Василий Амурский побагровел от ушей до подбородка. Картёжник, белогвардейский шпион, задел самое больное в сердце. Амурский схватил Тыкарая за ворот суконой шубы, вытащил из избы и поволок по улице, топча ногами. Никто не заступился за Тыкарая.

Большевиков ожидали и в школе. Второй учитель, бывший колчаковский офицер Кириков, начинавший уроки в старших классах антибольшевистскими речами, стал утверждать, что школьники не могут заниматься политикой. «Политика и даже

разговоры на политические темы вредят учёбе»,—говорил Кириков. Но марыкчанские школьники были уже не те, что в прошлом году. В старших классах верховодили молодые друзья большевиков. Ребята шумели дерзко и бесстрашно.

— Не говорить о политике?—перебивал Коля Манасов учителя-белогвардейца,—а вы сами всю зиму говорили нам о борьбе с большевиками, о том, что им приходит конец. Вы сами говорили о политике и в прошлом и в позапрошлом году. Мы помним эти уроки, господин учитель...

Обескураженный белогвардеец пытался запугать школьников, но это не удавалось. Тщетно он стучал кулаком и угрожал исключением из школы. Слова Кирикова никого не пугали. Уже многие ребята знали, что Чинарин не слушает жалоб Кирикова и никого не исключит за политические разговоры. Коля Манасов, Сеня Оноев, Геня Бологуров и Костя Амурский могли быть довольны своей агитаторской работой: колчаковец Кириков оказался бессилён против марыкчанских ребят. Иногда, теряя терпение, Кириков прерывал уроки и уходил из класса. И это никого не смущало. Обычно Коля Манасов занимал учительское место, урок превращался в митинг. Большинству ребят не терпелось поговорить.

Ещё бы! Все они ждали прихода красных, и у каждого были свои планы на будущую жизнь!

Сумеречным декабрьским вечером по дорогам к выселку «Духоборке», взмётывая снег, подъезжали рысаки. Во дворе управляющего казённым хозяйством Прокосова, у коновязей, было тесно. Раскормленные тойоны, кулаки-князьцы выходили из саней, отрясая снег с собольих шапок. Добротные шубы, шитые бисером меховые сапоги, пушистые дохи посверкивали на лунном свете. Крепко морозило. В тайге трещали сучья лиственниц. Но те, кого приглашали повестки Саввы Собачкина, ехали сюда, не замечая мороза.

В просторной прихожей гости раздевались, сдавая одежду специально приставленному для такого случая работнику Прокосова. Целый ворох шуб и дох лежал на полу. В жарко натопленном зале, где проведено столько весёлых праздников и шумных

вечеров, сегодня было тихо. Гости выглядели или подавленно мрачно, или яростно злобно. Все приглашённые догадывались предстоят разговоры не из весёлых.

Поп Никодим Лисицын, накануне вернувшийся с объезда своего прихода, вполголоса что-то шептал Собачкину. Тойоны, купцы, кулаки сидели на стульях, как замороженные. Не хватало Адама Будашевского и князца Наума Абыланова. Наконец, прибыли и они. Сидевшие встали и поклонились этим двум старейшим по возрасту гостям. На груди Абыланова сверкали две золотых царских медали.

Савва Собачкин подозревал Мейера Едлина. Едлин в милицейской форме щеголял какой-то невиданной средневековой португеей. Гусарская сабля билась у него на боку, чем сам Едлин был очень доволен. Анархист и впрямь себя мнил лихим гусаром. Собачкин с отвращением оглядел Едлина.

— Поди, поставь караульного к наружной двери,—сквозь зубы процедил Собачкин.

— Караульный уже поставлен,—громко оттранпортовал Едлин. Зная свою пошатнувшуюся репутацию, Мейер Едлин был рад хоть как-нибудь обратить на себя внимание. И, действительно, все собравшиеся поглядели на Едлина. Он качнул саблю, звякнул шпорами.

— Господа,—загудел Собачкин,—все прибыли. Прошу садиться...

Задвигались стулья, закрипели кресла. Оцепенение, в котором находились заждавшиеся гости, прошло. Покрывая гул голосов, Собачкин открыл собрание. Первые слова председателя установили тишину.

— Господа,—сказал Собачкин,—Якутск снова в руках красных. Начальник областной милиции Степанюк, обязанный обеспечить безопасность города, арестован большевиками. Начальник гарнизона Бандалётов, оставивший город в прошлом году при наступлении большевистского отряда Рыдзинского, изменил и нынче. Предательская капитуляция Бандалётова губила великое дело свободы. Короче говоря, красные победили почти везде. Надеяться нам больше не на что. Следует самим решить свою судьбу. Если мы решим сдаваться на милость красных, то, значит, мы собрались в последний раз. Пощады нам ждать не придётся. Если мы решим обороняться—надо со-

бирать силы для обороны. Решайте, что делать? Времени у нас мало...

Савва Собачкин опустил голову. Присутствующие встретили сообщение председателя управы, как давно ожидаемое. И всё-таки многие стали вытирать платками вспотевшие лбы и лысины.

— Сдаваться большевикам нам невозможно, надо искать какой-то другой выход,—нарушил тягостную тишину старец Наум Абыланов.

— Бороться нам против большевиков нельзя. Если в Якутске красные оказались сильнее, то здесь... Надо искать другой выход,—раздался голос отца Герасима.

— А правда ли, что красные сильнее?

— Это правда,—подумав, ответил Собачкин.—Они превосходят нас силами. По всей Якутии люди идут к ним.

— Почему же это якуты всюду пошли за большевиками?—спросил Адам Будашевский. Савва Собачкин презрительно вскинул на старика глаза, наморщился, но всё же разъяснил.

— Пора, господа, признать истину. Большевики ближе нас стоят к бедноте, они сразу дают ей то, что мы давать не можем. Большевики агитируют и словом и делом. В наших руках козырем был общий страх перед красными, теперь этого страха нет. Отчаиваться нам всё-таки рано. С помощью зарубежных держав мы ещё можем разбить красных в Якутии, восстановите своё положение и власть...

Священник Никодим Лисицын выступил в поддержку предложения Собачкина. Призывая к бодрости, отец Никодим говорил:

— Большевики—божье наказание, слуги дьявола. С нами бог, и мы их победим. Не дожидаясь прихода большевиков сюда, мы здесь провозгласим себя временным верховным правительством Якутии. Красным объявим войну. Большевистская власть в Якутске не окрепла. Надо окружить город, задержать проникновение зловредной большевистской агитации вглубь страны пока есть к этому возможность.

Купец Ачаев выразил согласие с обоими ораторами, заявив, что мысли участников собрания едины. Однако священник Иосиф Баранышев возразил Ачаеву:

— Мало иметь единые мысли, надо уметь проводить их в жизнь. У нас управа работала очень плохо, вряд ли наберём

людей для борьбы с красными. Народу надобно что-нибудь дать ясное, понятное...

Савва Собачкин уцепился за слова отца Иосифа и сейчас же предложил объявить якутскую область независимой от России. Это вызвало крик у отца Герасима:

— Откуда мы возьмём силу отстаивать свою независимость от России?

Собачкину пришлось держать ответную речь. Он признал, что без помощи какой-либо зарубежной державы независимость Якутии не сохранить. Собачкин предложил просить помощи у Японии. Признавая, что японская «помощь» дорого обойдётся, Савва Собачкин находил в этом деле много выгод. По его мнению, следовало отдать японцам Камчатку, Чукотку и часть Охотского побережья. Таким куском японцы подавятся, не скоро освоят. Той порой Якутия развернёт торговлю через порт Аян. С помощью заграничных купцов, по мнению Собачкина, это было можно сделать быстро. Тут оратора перебили вопросом:

— Мыслима ли независимость Якутии при таких условиях?

На это Собачкин ответил с усмешкой:

— Чем иметь зависимость от Красной Армии, лучше зависеть от японцев. Конечно, ждать от зарубежных стран добра не приходится, но самим-то нам бояться нечего, с границей мы договоримся, с большевиками договорённости не выйдет...

Учитель Кириков слушал эти рассуждения с презрением. Встревоженные физиономии, трусливые взгляды, перешёптывания собравшихся настроили колчаковца воинственно. До сих пор он держался в стороне, на собраниях единомышленников выступал редко. Теперь Кирикову показалось—наступило его время.

— Не о том надо сейчас рассуждать,—не выдержал Кириков.—Идёт опасность, идёт она неотвратимая, а вы толкуете о каких-то будущих переговорах с японцами. Надо решать, что мы станем предпринимать сегодня, сейчас...

— Вот ты и говори,—поощрил оратора Собачкин. Собственное бессилие найти выход Собачкин понимал давно. Ещё более понимал он настроения растерявшихся, перетрусивших тойонов-князьцов. Может быть, этот рыжий колчаковский офицер, умело скрывавшийся несколько лет под маской учителя, может быть,

он и в самом деле окажется тем человеком, которого тщетно искал Собачкин для роли военного руководителя?

Кириков не обманул ожиданий Собачкина. Этот незаметный учитель, ворчун и брюзга, преобразился мгновенно. Опасность была где-то рядом, и Кириков раскрыл себя.

— Мое мнение, уважаемые, таково. Довольно разговорчиков! Приступим к делу! Я предлагаю сегодня-завтра мобилизовать не менее двухсот человек. Оружия у нас достаточно. Этими силами мы не сможем взять Якутск, но блокируем все дороги. Красные не решатся далеко отходить от города, если встретят сопротивление в нескольких местах, пусть и незначительное. Итти в сельские местности мелкими отрядами теперь они не решатся. Далее, мы должны мобилизовывать людей в соседних волостях, собирать там оружие и формировать отряды. Якутск надо взять в кольцо. Летучие отряды на всех дорогах отрежут подвоз продовольствия и дров. Пусть красные посидят в осаде. Пока они не знают нашего плана—они будут осторожничать. Этого нам и надо. Собрав наши силы, ликвидируем у себя большевистских агентов. Тогда, господа, мы можем избрать временное учредительное собрание Якутии и организовать областное правительство. Пока советская власть в Якутске так или иначе существует, рано говорить о всяких декларациях независимости и решать—с какой иностранной державой следует иметь переговоры. Заграница нам поможет. Но дипломатические вопросы обсуждать надо в последнюю очередь, основное—вопрос военный!..

Кириков чувствовал себя Наполеоном. Рыжие усы поднялись, глаза свирепо блестели. Собравшимся здесь трусам он показал себя настоящим полководцем. Собачкин потирал потные руки и досадовал на себя, как это раньше он недооценил способности Кирикова. А тот уже видел себя военным диктатором всея Якутии.

— Господа, я не кончил,—прервал Кириков одобрительные возгласы,—начинать необходимо сегодня, и начинать у себя, в Марыкчане. Я подозреваю, что у нас работает подпольная большевистская организация. Я подозреваю, что во главе её стоит заведующий школой Чинарин. Сейчас нет времени говорить: почему я подозреваю. У меня есть, господа, достаточно наблюдений, о них—потом. А пока я настаиваю: Чинарина и его груп-

пу арестовать и немедля вывести в расход. Надо проявить твёрдость, спасти самих себя и наше дело...

Савва Собачкин насторожился. Наконец-то в Марыкчане заговорили настоящим языком. Он поддержал Кирикова.

— Господин Кириков прав. Я с ним согласен. И напрасно мы не арестовали Чинарина раньше. Мне известно, что в своё время, не так уже давно, Иван Чинарин встречался с бывшим ссыльным большевиком Серго Орджоникидзе. Связь их установлена. Орджоникидзе уехал в Россию, а Иван Чинарин, один из его агентов, вёл агитацию в Якутске, а теперь, стало быть, ведёт её в Марыкчане. Мы проявили непростительную мягкотелость, позволив Чинарину остаться на свободе. Нам ещё придётся за это расплачиваться. Вина всему,—тут Собачкин захрипел от ярости,—вина всей нашей беспечности в первую голову ложится на Мейера Едлина. Начальнику милиции были доносы, он не осмелился арестовать Чинарина. Я сам советовал Едлину захватить при удобном случае Чинарина. Едлин всё откладывал и откладывал исполнение. Он вздумал арестовывать мальчишек.

— Это нам дорого может стать,—вмешался поп Герасим,— трусость Едлина известна. Предлагаю сместить его с должности, отобрать эту дурацкую саблю с портупеей.

Поп Герасим издевательски показал на побледневшего Едлина. Наконец-то этот анархист унижен в глазах всех. Марин будет стыдно продолжать с ним знакомство.

— Я предлагаю, православные христиане, возложить всю военную и милицейскую власть на господина Кирикова. Бог да поможет ему очистить Марыкчан от красной заразы и освободить Якутию от большевиков. А мы поможем ему в священном деле, как он укажет.

Отец Герасим перекрестил Кирикова широким крестом. Все с удовлетворением вздохнули. Главное было сделано, у марыкчанских заправил нашёлся военный руководитель. Оставалось рассмотреть план мобилизации населения. Тойоны-князьцы стали пересчитывать своих верных людей. Кириков самолично составлял поимённые списки.

...Переписчик управы, молодой парень Елисей Бурский, сидевший во время собрания в уголке, видя, что сегодня обойдутся без него, выбрал удобный момент и ушёл из зала. В передней он неторопливо набил трубочку. Дежурный милиционер,

изнывавший от скуки, прикурил у Бурского и снова уселся на табурет. Елисей Бурский беспрепятственно вышел во двор. Ещё на крыльце он выколотил трубку, огляделся на ряды саней и заиндеветавшие спины привязанных к изгородям лошадей, надвинул шапку и пустился бегом к Марыкчану. Нужно было срочно сообщить Чинарину о событиях в «Духоборке». Елисей Бурский бежал, не жалея ног. Прямоком через озеро, не чуя ледяного ветра, Бурский пробежал расстояние от «Духоборки» до Марыкчанской школы быстрее любого чемпиона. Запорошенный инеем влетел он в учительскую комнату. Чинарин был не один. Несмотря на поздний час, в учительской, к своему удивлению Елисей Бурский увидел всех молодых большевиков.

— Иван Иванович, у меня секретное дело,—начал было Елисей Бурский, но Чинарин показал ему на серьёзные лица ребят:

— Секретов сегодня тут ни от кого нет. Ты из «Духоборки», с собрания? Мы кое-что о нём уже знаем. Не знаем лишь, что там надумали?

Елисей Бурский рассказывал, а ребята слушали его, почти не дыша.

— Дело не шуточное. Агитация пока кончилась,—произнёс Чинарин после рассказа. Елисей Бурский ждал похвалы за доставку таких важных сообщений и выжидательно посматривал на Ивана Ивановича.

— От слов надобно переходить к делу,—продолжал после минутного молчания Иван Иванович.—Если мы допустим, чтобы нас захватили, плохо будет не только нам, но и нашим товарищам в Якутске. Искру надо тушить, пока не показалось пламя. Переворот в Марыкчане будем делать мы...

Ребята вскочили со своих мест. Они давно ждали решительных действий. У Сени Оноева пылали щёки.

— Иван Иванович, всё это правильно! У нас есть оружие—два револьвера!

Только теперь Чинарин узнал о спрятанном оружии—ребята берегли свою тайну до решительной минуты. Чинарину пришлось только подивиться выдержке ребят. Коля Манасов, правда, был смущён. Но Чинарин похвалил обоих приятелей, похвалил и Елисея Бурского за быстрое оповещение о «духоборских» заговорщиках. Затем Чинарин велел разойтись по домам, собрать

там, какое только есть, оружие и снова собраться возле избушки Оноевых не позднее, чем через четверть часа.

— Никому не говорите, куда идёте. Оружие взять дома незаметно. Коля Манасов, а ты приведи с собой дядю,—проводжая ребят, предупредил Чинарин.

Раньше всех у назначенного места были, конечно, Сеня и Коля. Оружие, хранившееся под могильной плитой, жгло руки. Охлаждённая сталь посверкивала на морозе. Подошедший Чинарин осмотрел маузер, показал Коле, как следует с ним обращаться. Браунинг учитель взял себе, а Сене отдал свою новую двухстволку. Он знал: Сеня Оноев неплохо владеет охотничьим оружием. Сеня на этот раз не обижался, ему ещё не приходилось стрелять из браунинга.

Ни у кого из марыкчанских ребят не было часов, но все пришли без опозданий. Взрослые, Василий Амурский и Елисей Бурский, явились с берданками. Василий Амурский в темноте передёргивал затвором. Чинарин предупредил взрослых и ребят: никому не стрелять, пока не подана команда.

Зимняя ночь осыпала звёздный иней, когда отряд Чинарина подходил к «Духоборке». Синее далёкое небо светилось и переливалось. Из всех труб Марыкчана и «Духоборки» высоко летели золотые столбы искрящегося дыма. Плотный снег похрустывал под ногами, как сухая соль. Человеческое дыхание опадало пушистой изморозью. Глухо взлаивали кое-где промёрзшие собаки.

Собрание в «Духоборке» приближалось к концу. Списки верных лиц были составлены, план мобилизации на первые дни утверждён. Кириков собирал сведения об оружии: у кого сколько и что можно получить добровольно, у кого—конфисковать силой. Несмотря на протесты священника Герасима Яснецкого, арест и расстрел марыкчанских большевиков поручили Мейеру Едлину. Савва Собачкин решил кровавое дело сделать руками этого незадачливого собутыльника. Кириков начал распределять задания: кому куда выезжать для мобилизации людей с тем, чтобы к утру первые группы начали прибывать в Марыкчан под его командование.

— Адам Егорович, тебе надо сейчас поехать на заимку и в соседние юрты,—начал было предлагать Савва Собачкин. В эту минуту хлопнули один за другим два выстрела. Стёкла широких окон залы со звоном посыпались на пол. Облако морозного воздуха влетело в комнату.

— Руки вверх! Никто ни с места!

Василий Амурский, вскочив в зал, набросился на Едлина, судорожно дёргнувшего кобуру револьвера. Едлин упал. В передней комнате стукнул одиночный выстрел. Марыкчанские правители полезли под стулья. Отец Герасим, вытащив из-под рясы дамский пистолет, бросил в сторону. Люди, только что готовившие планы разгрома большевиков, не решались на сопротивление группе подростков и трём взрослым смельчакам. Два заряда дробы, самовольно пущенных из двухстволки Сеней Оноевым, парализовали и нового диктатора Кирикова. Он стоял с поднятыми руками. Несколько тойонов-князьцов лежали ничком под стульями, пока их оттуда не вытащили. Всё было кончено в какие-нибудь пять минут. У милиционера, караулившего вход в зал, отобрали винтовку, а самого его втокнули в толпу арестованных заговорщиков. Чинарин лично обыскал всех арестованных. Оружия при них нашлось немного. После обыска Чинарин приказал всем одеваться. При этом не обошлось без путаницы. Мейер Едлин, отдавший свою портупею с саблей и револьвер, с перепугу надел высокую шапку священника Иосифа Баранышева, а тот нахлобучил милицейскую ушанку. Савва Собачкин облачился в шубу Никодима Лисицына, а ничего не заметивший отец Никодим надел просторный тулуп жены хозяина дома Прокосова. Арестованных заговорщиков Чинарин построил на дворе попарно и велел двигаться к Марыкчану. Тойоны-князьцы, задыхаясь в своих шубах, затопали по снежной дороге. Сеня Оноев выпряг одного из тойонских жеребцов, заскочил верхом и с гиком стал обскакивать медленно ползущую колонну. Глядя, как Сеня ловко управляет с неосёдланным конём, Чинарин не без удовлетворения подумал о своих питомцах: выдержки у них ещё маловато, а смелости оказалось достаточно для того, чтобы провести серьёзное дело без помехи.

В марыкчанской управе арестованных разместили на ночь в комнате заседаний. Под окнами и у дверей Чинарин поставил часовых. Остальных участников похода Иван Иванович пригласил в бывший кабинет Едлина. Ребята изрядно замёрзли и, весело подшучивая друг над другом, растопили печь. Чинарин провёл беседу о результатах ночного дела.

— Мы поступили разумно и смело,—сказал Чинарин.—Сейчас под арестом сидят те, кто собирался утром расстреливать нас. Сегодня победа за нами. Однако у нас есть ошибки и

только случайно дело обошлось без жертв. Хорошо, что Елисей Бурский во-время схватил милиционера Менягина и тот дал единственный выстрел впустую. Хорошо, что Василий Амурский, ворвавшись в зал, первым делом обезоружил Едлина. Именно Едлин со страху мог начать перестрелку. Все бойцы держали себя дисциплинированно и храбро. Но среди нас есть человек, нарушивший приказ. Его проступок заслуживает осуждения и наказания. Я говорю о Сене Оноеве. Несмотря на приказ—не стрелять без команды, он дважды выстрелил из двухстволки в окно. Ладно, что эти выстрелы напугали заговорщиков. А если бы нет, если бы они встретили нас выстрелами? Тогда что? Обороняться в тёплом доме им было бы легче, чем нам нападать с улицы. Успех решил Василий Амурский, ворвавшийся в зал мимо караульного милиционера. Амурский использовал растерянность заговорщиков и спас всё дело. Елисей Бурский закрепил успех, вместе со мною обезоружив Менягина. В другой раз такого совпадения удачных действий может и не случиться. Я предлагаю Сению Оноева исключить из наших рядов,—закончил своё слово Чинарин. Сеня стоял ни жив, ни мёртв, прижимая к груди чинаринскую двухстволку.

— Я ведь стрелял в окна, чтобы попугать заговорщиков,—запинаясь, оправдывался удручённый Сеня.

— Дело не в том, куда и как ты стрелял. Ты нарушил приказ. А за это не прощают.

Чинарину было жалко наказывать храброго подростка, жалко даже глядеть на смущённое, взволнованное лицо и дрожащие руки. Но острастку надо было дать—примером для остальных. А эти остальные, друзья и приятели Сени, стояли безмолвно, потупив глаза. Впервые ребята почувствовали, что в серьёзном деле всякая мелочь иногда решает вопросы жизни и смерти. Молчание длилось долго. Сеня стоял, как и все ребята—на вытяжку, из его глаз одна за другой падали редкие слёзы, но он не решался их вытирать.

— В первый и в последний раз я, как твой начальник, прощаю тебя и объявляю выговор. Ещё раз нарушишь дисциплину, плачь, не плачь—в наших рядах тебе места не будет,—объявил своё решение Чинарин и услышал общий вздох облегчения. Ребята подняли головы.

— Свой проступок я оправдаю перед всеми,—твёрдо сказал Сеня Оноев новым, недетским голосом.

— Ну, возьми себе этот браунинг и обучись из него стрелять.

Оружие, отобранное у заговорщиков, разделили между теми, у кого не было своего. Геня Бологуров получил наган, за Костей Амурским был закреплён маузер, Бурскому дали пистолет отца Герасима. После этого Чинарин объявил расписание смен караулов возле управы и распустил своих подчинённых, наказав при первой тревоге являться в штаб. Штабом было избрано здание школы.

16

Полозья саней поскрипывали, раскатываясь на бесконечных ухабах. Однообразно, медленно бежала дорога. Временами усталые кони шли шагом, и тогда Коля Манасов погружался в полудремоту. Со старым ящиком было уже переговорено кажется всё, что возможно, а путь предстоял ещё дальний. После какого-то большого ухаба Колю так тряхнуло в санях, что сон сняло как рукой. В памяти всплыл последний разговор с Кешей Тускаевым.

В родной Марыкчан Кеша Тускаев приехал председателем специальной комиссии Ревтрибунала для производства следствия по делу о заговорщиках «Духоборки». Тускаев показался Коле Манасову человеком из большого, неизвестного мира. Неужели это был тот самый Кеша, которого отец когда-то избил за большевистскую речь на митинге, тот самый Кеша, которого увезли в якутскую тюрьму по распоряжению Едлина?

Спокойным, ровным голосом Тускаев рассказывал Коле о победе Советов, о разгроме армий интервентов. Коля впервые узнал о положении Дальнего Востока, где японские гвардейцы ещё боролись с партизанами.

Тускаев высоко оценил смелые действия марыкчанских большевиков и посоветовал Коле поскорее записаться в комсомол. Ячейку должны были организовать в ближайшие дни. На собрании в волостном совете Тускаев от имени Якутского ревкома объявил благодарность участникам ликвидации «Духоборки». Горделивое чувство охватило тогда Колю, он почувствовал себя способным на любые подвиги. Однако в новом поручении, взятым по совету Тускаева, Коля не видел ничего героического.

А дело предстояло, в этом Коля не сомневался, сложное. В посёлке Дабан богачи решили построить новую церковь.

— Пусть они строят сами, если желают,—говорил Тускаев,—но раскладывать расходы в обязательном порядке на всех жителей, этого им позволить нельзя. Правильно делает волревком, посылая тебя остановить постройку церкви. Верующие по желанию могут строить, неверующих пусть оставят в покое. Постройка может разорить весь Дабан, особенно если во главе стоят кулаки-тойоны. Там ещё есть такие, что щерят зубы на общественное добро, отпор им надо дать сейчас...

Вспоминая беседу с Тускаевым, Коля Манасов пытался представить, как он будет говорить речь, с чего начнёт, чем кончит. В первый раз ещё предстояло ему выступать одному среди незнакомых людей. Найдёт ли он поддержку? Сумеет ли выполнить задание, убедить бедноту?

Чем больше Коля думал, тем сложнее казалось ему предстоящее дело.

Хлопья снега, свалившиеся с высокой лиственницы, осыпали Колю белым пухом. Он снял истёртую годами заячью шапку, отряхнул снег и увидел узкую дорогу, тесно сдвинувшиеся горные кряжи, лохматые леса, висевшие, словно потолок, над трактом. Впереди блестела сугробами широкая пустошь.

Горы расступились, побежали в стороны, окружая невысоким ободком просторное поле. Дорога спускалась вниз. Там, на казавшейся бесконечной, белой равнине, кое-где синели островки чахлого ельника. На краю лесов, далеко-далеко в небо шёл дымок из невидимого жилья. В предвесеннем ослепительном сверканьи маячили рёбра гор. О близком жилье напомнил табунок тощих коней. Понурился головы, мохнатые, низенькие лошади копытили снег, обнажая сухую, перемёрзлую траву. Ямщик обернулся лицом к Коле:

— Вон она, усадьба Павла Богучёва,—показывал старик кнутовищем на далёкий дымок.—Железный человек этот Богучёв, много людей в ярме держит. Не дай бог тебе, парень, с ним повстречаться...

Коля Манасов уже кое-что слышал о Богучёве. Худая слава шла об этом человеке далеко от того места, где дымились его юрты. Тойон Богучёв! Многие старики в Марыкчане со страхом произносили это имя. Коля Манасов потрогал ямщика за плечо:

— Ну-ка, расскажи, что это за птица—железный тойон!

Ямщик перекинул ноги поперёк саней и, заслонив от ветра морщинистое, обмороженное лицо, похлопал ладонями, ловко зажав ремённые вожжи между колен.

— Слышал, значит, о нашем Богучёве? Это у нас по Дабанской округе чудовище. Живет, как паук. Амбары и кладовки от добра ломаются. Все у него в долгах. Из рода в род—должники богучёвские...

Ямщик набил трубку зелёным листовым табаком, сунул мундштук между редких зубов и стал высекать огонь. Трут затлел не сразу. Потом поплыл горьковатый, жёлтый дымок, и ямщик, сплюнув, продолжал рассказ:

— Поначалу, встретившись, примешь его за добрейшего человека. Такой тихий, кажется, травы не помнёт. А как до дела случится, олютеет, хуже медведя в берлоге. Ближних соседей позорил, землю у них занял, сенокосы оттягал. Родня и та от него разбежалась. Один племянник Чогой Михаил возле него оставался. Этот, как лисица, в пустом лесу жил. Ну, да с ним тойон Богучёв по своему разделался. Слушаешь, парень?

— Слушаю, говори, говори,—ответил Коля, не представляя, как он повстречается сегодня с тойоном Богучёвым.

— Так разделался со своим племянником,—другие родичи встречаться с тойоном опасаются. Выбрал тойон время весной, как все на летники укочевали. Чогой Михаил остался—куда ему кочевать? На то время случись беда—пожар. Погорела старая усадьба богучёвская. Юрта, сарай, изгородь, хлев—давно развалившиеся—дымком в небо ушли. Понял, парень? А тойон Богучёв и обвинил племянника в поджоге. Вот на что пошёл. Заседатель приезжал, выборные из Марыкчана. А потом суд из Якутска нагрянул. Присудили: взыскать с Чогоя сто пятьдесят рублей убытков, описали всего как есть, продали, деньги—Богучёву. А Чогоя Михаила за поджог ещё в тюрьму на три года. Там, в тюрьме, Чогой и помер. Семья Чогоева распалась. Старуха нищенствовала, пока не умерла. Сыновья на приски ушли, от богатого дяди подальше. А народ говорит, будто усадьбу сжёг Басчыр, бродяга. Его сам тойон Богучёв нанял... После суда Басчыр пьянствовал и к тойону часто ходил, видно за деньгами. А зимой и Басчыра мёртвым нашли. Напился, будто,

да замёрз. Такие, парень, дела у нас тойоны делают... Вот, гляди!

Возле дороги, за еловым островком, пустошь кончилась. Проехав мимо последних деревьев, Коля Манасов увидел в стороне обгорелые срубы, покосившиеся, ветхие столбы, развалины сарая.

На самом тракте, в полуверсте от пожарища, темнели юрты посёлка Дабана. Деревянная старая церковь маячила под горой. Екатерина, мать Коли, родилась в этом краю. Часто Коля слышал, как она пела песни о быстрой реке и широкой степи, которую он сейчас пересёк. Красивы были материнские песни о Дабане. Хорош был и сам Дабан. Между двух холмов, похожих на огромные копны сена, в окружении нарядных подлесков, на берегу неширокой реки выстроились ровной цепочкой домики посёлка. Место уютное, закрытое от северных ветров. Посредине посёлка лежали штабеля брёвен, привезённых для постройки новой церкви. Около большой юрты поселкового ревкома стучали копытами привязанные кони. Очевидно, собрание жителей, назначенное на сегодня, уже началось. Коля Манасов помедлил у входа, не сразу решил: снять ему доху и оставить в сенях или заходить в дохе. Смущало Колю Манасова старое, потрёпанное пальтишко. Ведь гостей, как известно, по платью встречают, по уму провожают. Доха была вполне солидная и Коля Манасов вошёл в дом в дохе.

Помещение было переполнено жителями Дабана. Кто верующий, кто не верующий, не разберёшься сразу. Ещё с порога Коля Манасов понял, что собрание началось давно. Речь держал пожилой русский священник. Он бойко объяснялся якутски, помахивал пышными волосами и теребил серебряный крест на груди. Взглянув на вошедшего, священник сказал ещё несколько слов и замолчал. Коля не робея прошёл между тесно сидевшими людьми к столу, громко поздоровался. Потом скинул доху и сел на табурет возле председателя собрания. В помещении было темновато, и после яркого блеска улицы Коля не сразу заметил, что глаза всех присутствующих с любопытством устремились на него. Преодолев смущение, Коля в свою очередь стал оглядывать собрание. Впереди сидели вплотную друг к другу два старика. Оба они были одеты в старомодные кафтаны, на ногах, вытянутых вперёд словно для показа, блестя

меховые сапоги с замысловатыми узорами и бисерной оторочкой. Старики сидели напряжённо, как будто готовились фотографироваться. Первый старик с одутловато-жёлтым лицом и синевато отливавшей сединой раскуривал богато украшенную трубку. На Колю этот старик поглядел так грозно, что молодой агитатор почувствовал себя довольно скверно. Сосед грозного старика выглядел святым с раскрашенной картинки. Ростом он был пониже первого, волосы совершенной белизны обрамляли впалое лицо с орлиным носом. Старинный суконный кафтан, фукава с буфами, начищенные пуговицы—придавало старику бодрый, молодецватый вид. Этот старец первым ответил на приветствие Коли Манасова. Но оказалось, что тойон Богучёв—вежливый старичок в пальто с буфами, а сердитый его сосед—кулак Остроев, о котором Коле Манасову не приходилось слышать. Тойон Богучёв по обычаю спросил Колю: кто он, откуда родом, кто его родители? Коля, как полагалось, отвечал на все вопросы не торопясь, обстоятельно. Люди, сидевшие кругом, слушали. Когда Коля Манасов назвал своих родителей, из толпы протиснулся невысокий, кряжистый якут с преждевременно состарившимся, но энергичным лицом. Это был неведомый Коле Манасову родич, брат его матери Иннокентий Харачаев.

Ещё в молодые годы Иннокентий Харачаев уехал из родного посёлка на заработки и вернулся домой только после революции. В Дабане он быстро приобрёл известность знающего, бывалого человека. В отдалённом таёжном посёлке, где люди рождались и умирали, не выезжая дальше соседней волости, Харачаеву было о чём порассказать. Кроме того, Харачаев оказался на диво уживчивым человеком, умел мирить чужие ссоры, умел дать толковый совет любому земляку. Всё это ценилось в таёжной глуши, и Харачаев стал заметным, уважаемым человеком. Беднота сожалела, что Марыкчан назначил председателем местного совета не его, а Ивана Бахова, ставленника князьцов-богатеев.

В Марыкчане совсем не знали Харачаева, и даже семья Манасовых считала его пропавшим без вести.

Пока Харачаев любовался молодым племянником, Коля Манасов, не обращая внимания на неизвестного ему дядю, отвечал на вопросы тойона Богучёва, и, вернувшись за стол, предложил председателю ревкома продолжать собрание. Ораторское

место снова занял священник. Визгливый тенорок, такой неожиданный для упитанной фигуры, заполнил всё помещение. Коля терпеливо слушал историю постройки старой церкви, описание её освящения иркутским архиереем и перечень имён кулаков, забавившихся об украшении храма. Покончив с историей, оратор заговорил о главном.

— В 1915 году наше сельское общество решило построить новую церковь. Общество заготовило и вывезло достаточно леса. Была избрана строительная комиссия. Председателем избрали меня, а членами—уважаемых прихожан Остроева и Богучёва. С разрешения епископа Мелетия мы собирали пожертвования. Сбор вёлся одновременно с податями. Всего скопилось десять тысяч рублей, они находятся в кассе комиссии. Нынче эти деньги потеряли ценность ввиду войны и революции. Теперь на постройку святого храма надо собрать новые средства,—оратор поднял свой нагрудный крест и осенил сидевших впереди.— Православные христиане, надо закончить душеспасительное начинание, поставить божий храм на радость сердцам нашим. Пусть небольшое бремя примем на себя, но спасём души наши. Ущерб наш бог вознаградит в царствии небесном. Я, ваш пастьер, радуясь вашей радостью, скорбя вашей скорбью, призываю: несмотря на трудности житейские—воздвигнуть храм!..

Священник опять поднял крест и благословил собрание. Люди поднялись, стали молиться. Коля Манасов подумал, что не так-то легко будет ему выступать перед дабанцами после такой подготовки.

— Все слышали святое слово? Может, кто пожелает спросить что-либо?—поднялся тойон Богучёв. Председатель ревкома молча сидел за столом, предоставив, очевидно, руководство собранием всеильному тойону. Никто не отвечал на призыв Богучёва. Коля Манасов решил начинать битву. Надеяться на кого-нибудь здесь он не мог, надо было полагаться только на свои силы.

— У меня есть вопрос! Гражданин священник сказал нам, что жертвователи на храм получают награду в раю, после смерти. Откуда это известно?

Люди зашевелились, зашаркали ногами. Кто-то хохотнул. Тойон Богучёв выпрямил спину, и все затихли. Священник мотнул головой в сторону Коли.

— Как это: откуда известно? Об этом сказано в святом писании.

— Святое писание написали люди.

— Святое писание написали апостолы. Ты должен знать это, если учился в школе. И смеяться над апостолами грешно, они—ученики Христа.

— В писании сказано: апостолы проповедывали любовь к обиженным, к бедным.

— Я твоего вопроса не понял.

— Сейчас поясню,—уже осмелев, с чувством азарта, заговорил Коля Манасов. Он искал слов, чтобы привлечь внимание слушателей, а пока говорил всё, что пришло случайно в голову.

— Писание проповедует любовь и мир среди народов. Так? А когда начинается война, в одной стране священнослужители молят бога об уничтожении другого народа. Разве это по писанию?

Священник помолчал, потом взмахнул рукавами рясы и сердито выкрикнул:

— Священник служит своему народу, своему государству.

— Так, значит, вы, живущий в советском, рабоче-крестьянском государстве, служите ему?

— Будем служить.

— Нашему государству хватает церковью, а не хватает школ. Я бы предложил собранию отложить вопрос о постройке новой церкви и обсудить вопрос о постройке школы, которая давно нужна в Дабане...

Священник окончательно растерялся. Подняв крест, он заговорил жалобным голосом:

— Я не понимаю, зачем мне задают вопросы, не относящиеся к сегодняшнему собранию.

— Он, наверное, приехал мешать нам сделать богоугодное дело,—внушительно прогремел тойон Остроев,—этого мы не позволим!

Собрание забурлило. Послышались угрожающие голоса, ругавшие Колю. Кто-то из тёмного угла предложил вытолкать приезжего агитатора за двери. Оба тойона, снова усевшись рядом, с ухмылкой поглядывали на председателя ревкома. Тот возёвывал, не вмешиваясь в происходящее, как будто собрание его не интересовало. Между тем, несколько кулаков, выйдя из углов, стали подходить к столу председателя. Наступала от-

ветственная минута. Коля Манасов понимал это. Если его с позором вытолкают за двери, всё пропало!

Неужели он провалит первое задание ячейки? Какой же тогда из него агитатор?

Коля вспомнил Чинарина, вспомнил Кешу Тускаева и поборол волнение. Облокотившись руками на стол, молодой большевик повысил голос, и шум стал стихать. Наконец-то Коля Манасов вспомнил, с чего ему надо было начинать своё выступление. Он заговорил о декрете 1918 года, об отделении церкви от государства и школы от церкви. Напомнив, что декрет подписан товарищем Лениным, произнося великое имя, Коля Манасов совершенно овладел собой. Проникновенно он стал объяснять декрет. Никто не может заставить, никакие решения не могут обязать население содержать церковь. Это дело предоставляется воле каждого. Верующие могут собирать средства, строить храмы, нанимать священников. Неверующие поступают, как хотят. Местный ревком не имеет права решать такие вопросы. Больше того, если ревком видит, что расходы на постройку церкви тяжело отзовутся на благополучии населения, он может воспрепятствовать постройке.

Понемногу Коля Манасов привлёк общее внимание. Угрозы стихли, ворчащих стариков стали унимать настроенные по-иному соседи. Видя это, Коля Манасов перешёл в атаку и стал рассказывать о происхождении религии.

— Ты что, приехал сюда бога свергать?—загудел бело-волосый, тихий до этого тойон Богучёв и весь как-то ошети-нился.—Гоните его отсюда, безбожника!

Собрание снова забудоражилось, но теперь у Коли появились защитники. Крики: «пусть выскажется», «пусть говорит до конца» помогли кончить речь без особенных помех. А когда, заканчивая выступление, Коля сказал о предстоящем переделе земель и новом распределении угодий между всеми жителями по числу членов семьи,—тут уже его слушали, затаив дыхание, и бедняки и кулаки. Коля Манасов сказал всё, что хотел. Какой-то возбуждённый старичок, стоявший возле дверей, с трудом пробился к столу председателя и, поклонившись собранью, пробормотал скороговоркой:

— Вот сказал паренёк правду-истину. Никогда бы не подумал, что у Екатерины Манасовой такой сынок вырастет. Та месни хорошо пела, этот речи умеет держать. В бедноте парень

вырос, а ума нажил богато. Марыкчанские парни в большие люди пойдут! Верно говорю!..

Старичок закашлялся и, встретившись глазами с тойонами, сидевшими в первом ряду, вдруг юркнул в толпу. На место старичка вышел Иннокентий Харачаев. Поддержав предложение о постройке школы, Харачаев обрушился на тойонов. Раздел земельных угодий надо проводить скорее,—говорил Харачаев и повторил всем известное в Дабане положение. У тойонов Богучёва и Остроева столько земли, сколько у всех остальных дабанцев. Председатель ревкома Бахов делает только то, на что дают согласие эти бывшие князьцы. Кабальные долги всё ещё взыскиваются в Дабане, хотя они давно отменены в Марыкчане и в других волостях. За старые долги Богучёв и Остроев держат в кабале почти поголовно всех сельчан. Батраков тойоны морят голодом. Харачаев напомнил, как недавно умер от истощения старый батрак Туляй, умер, положив голову на ступени амбара, как на подушку. А в амбаре было триста пудов хлеба, собранного Остроевым за долги. Батрак Фёдор Кылык поехал на хозяйском быке в лес за дровами, убил быка и часть мяса съел. Когда его арестовывали, Фёдор сказал: «Хотя один раз за зиму сыт, а дальше—всё равно». Фёдора осудили на три года, а судить надо был князьца, толкнувшего батрака на преступление.

Собрание слушало речь Харачаева, как будто заснув. Никто не шевельнулся. В заключение Харачаев обратился к евященнику и двум тойонам:

— Вы говорите, что собранные десять тысяч потеряли цену? Но ведь, как всем известно, вы собрали их не деньгами, а маслом, мясом, пушниной, рыбой. Всё это было тогда же продано по старым ценам, на старые деньги. Знаю! Знаю и предлагаю: взыскать с членов строительной церковной комиссии десять тысяч рублей натурой. Эти средства вместе с заготовленным лесом передать на постройку школы... Давайте голосовать!

Когда множество мозолистых рук поднялись вверх и председателю ревкома пришлось писать решение, тойон Богучёв поднялся с пронзительным воплем:

— Ваше решение незаконное. Долгов не платите, церковь строить не хотите, да ещё за пропавшие благодаря вашим рево-

лющим деньги взыскивать с нас собираетесь? Не дам! Ничего же дам грабителям!

— Ты не заговаривайся, болтай, знай меру! Кончилась твоя власть, тойон Богучёв,—сказал Коля.

— Чёртово отродье! Зачем тебя сюда принесло? Не твоя ли власть будет в Дабане?

С диким рычанием тойон Остроев бросился на Колю
Маасова:

— Изувечу и отвечать не стану!..

Цепкая рука Харачаева перехватила руку Остроева, и тойон рухнул на пол.

— Спасите! Убивают! Помогите, добрые люди!—визжал Остроев, пытаясь встать на ноги.

Из угла на помощь тойону ринулся человек с мясистым угловатым лицом. Это был Даадай, силач, служивший у Остроева в роли охранника. Расталкивая людей огромными плечами, Даадай, ругаясь, спешил к своему хозяину. Четверо молодых батраков, словно сговорившись, схватили Даадаю за плечи и опрокинули между скамеек. Началась свалка, захрустели сломанные стулья, покачнулся председательский стол. Сторонники тойонов оказались в таком меньшинстве, что сопротивлялись недолго. Трусы убежали сами, более ретивых вышвырнули за дверь. Священник, забыв книгу для записи пожертвований, впопыхах накинул тулуп и скрылся. Тойон Богучёв, крепко прижимая к животу рукавицы, лисью шубу и бобровую шапку, сторонкой пробрался к выходу. После всех, пошатываясь, ушёл тойон Остроев.

— Отпустите Даадаю,—сказал Харачаев, когда все поуспокоились.—Если он ещё раз кого-нибудь тронет, пусть пеняет на себя, мы его проучим не так.

— Изорвали рубаху,—рычал Даадай,—избили, да ещё грозятся.

Осмотревшись и видя, что хозяина в помещении нет, силач обругал его последними словами.

Небывалый в истории Дабана вечер закончился для Коли приятной неожиданностью. Он нашёл пропавшего без вести дядю, а познакомившись с ним, убедился, что и среди пожилых якутов есть люди, готовые поддержать большевистское дело.

Тёплый солнечный день подходил к концу. Первые тени легли в распадках, когда Маруся Ордонская, кончив работу, стала собираться на гулянье. Весною в Майдархане, как, впрочем, и по всей Якутии, молодёжь любила повеселиться.

Маруся Ордонская оглядела свой наряд и осталась довольна. Платье из дешёвого ситца ещё ни разу не стиралось и выглядело, как новое. Ровдужные сапожки-торбоза пестрели причудливой вышивкой,—не мало над нею постаралась молодая рукодельница. Зато какая нарядная обувь! В любом хороводе сапожки марусины будут заметны.

Трудно не заметить такую рослую весёлую девушку. Недавно ей исполнилось восемнадцать лет. Невестой стала первая красавица Майдархана.

Пригладив чёрные блестящие волосы гребёнкой, случайно купленной у какого-то заезжего торговца, Маруся поправила высокий ворот платья и вышла на улицу. Весело напевая, она пробежала по узенькому проулку к месту хоровода. Там, на лужайке, над речным яром уже шумели и смеялись над чем-то пришедшие раньше пареньки и девушки. Все смотрели вниз, на реку.

— Ишь, как ловко прыгнул, лучше всякого танцора,—донёсся до Маруси чей-то насмешливый голос.

— Это смеются над князьцом Чыманом,—здороваясь с Марусей, пояснил Миша Аной,—прыгнул с лодочки, да чуть не в воду.

Маруся подошла к обрыву и вместе с Мишей стала глядеть на князца Чымана. Он только что переправился из-за реки и теперь, отдуваясь, поднимался на яр. Не дождавшись, пока грузный князец поднимется в гору, молодёжь ушла с берега на полянку. Здесь на мягкой весенней траве все расположились в круговую. Ручейками зажурчали беседы. Подошёл и присел поодаль князец Чыман. После крутого подъёма он не сразу отдышался, но, делая вид, что ему всё нипочём, выташил кисет и щедро стал зачерпывать табак в большую трубку, вырезанную из мамонтовой кости.

Князец Чыман был до революции важной особой. Брат его Айман занимался торговлей и побывал в Японии. Князец Чыман, напротив, из своей волости не выезжал даже в Якутск.

— Долго ждать этой мирной жизни,—хрипел Чыман, не желая уступать девчонке,—столько лет кровь льётся и конца не видно...

— А какое нам дело до всех этих войн, к чему они нам, якутам? Нам надо между собой мирно жить, как раньше жили. Тогда всё будет хорошо,—поддакнул князю Петрушка Бадалай, бывший работник Чымана.

— Жить, как раньше жили, не придётся,—вмешался в беседу Николай Манасов,—кровь будет литься, пока последний паразит не будет уничтожен...

— Страшно слушать вас, молодой человек,—сопел князец Чыман, подозрительно оглядывая незнакомого юношу,—если наша молодёжь будет разжигать междоусобицу среди якутов, добра не будет...

— Кому не будет, а кому будет. Бедноте будет лучше, это наверняка. А вот вам, гражданин,—не знаю...

Сидевшие повернулись к Манасову, разговор стал общим. Посыпались вопросы. Манасову пришлось отвечать сразу нескольким парням. «Совсем как на митинге, вот тебе и хоро-вод»,—подумал Николай, выслушивая путанные рассуждения Чымана, доказывавшего, что якуты давно бы жили свободно и мирно, если бы не русские. Наконец он не выдержал и перебил князья:

— Не то говоришь, старик, не то. Без России нам не прожить ни сейчас, ни потом. Россия—великое государство, оно способно защитить и себя, и народы Севера, и народы Юга. Ты, князец, говоришь, что Россия всегда воевала? Если бы не воевала, её бы не было. Далее, война—войне рознь. Наша Советская Россия и сейчас ещё вынуждена воевать, разбив все четырнадцать держав. С кем воевать? С предателями родины, с остатками белогвардейцев, с внутренними врагами. В такой войне мы, молодые якуты, пойдём за русскими. Ленин и Сталин, наши вожди, учат, что освободительная война советских народов—война справедливая. Мы хотим полного освобождения России и Якутии, и пока во Владивостоке японцы, а у нас, в Заполярье, белобандиты,—мы будем воевать...

Закончив неожиданно затянувшуюся речь, Николай Манасов сел возле Булуки. Князец, ворча себе под нос, поднялся и пошёл, волоча толстые ноги, к тальникам. Николай Манасов, привыкший часто выступать среди молодёжи, считал сегодняшний

спор с князьцом обыкновенным делом. Для майдарханской молодёжи выступление Манасова было новостью. Никогда ещё парни и девушки не слышали таких ясных и убедительных слов. Холодок отчуждённости растаял, и Манасов почувствовал, что ребята стали относиться к нему, как к своему человеку. Сидор Булука, тоже впервые слушавший нового друга, одобрительно подумал: «У этого парня голова на месте, с ним работать будет хорошо!»

Совсем свечерело, когда составился первый хоровод. Взявшись за руки, девушки и парни встали кольцом и запели. Хороводный круг кружился, расплетался и заплетался. Николай Манасов вспомнил марыкчанские хороводы; многое было похоже, многое плясалось не так, как в Марыкчане. Хороводный шаг сменился перебежкой, потом дружным плясом. Манасов глядел с удовольствием.

— Товарищ Манасов,— подошла, оторвавшись от танцующих, Маруся Ордонская,— что ж вы не участвуете в нашем хороводе?

— У вас, в Майдархане, фигуры для меня новые, в Марыкчане я всегда плясал, а здесь сразу боюсь осрамиться. Сегодня погляжу, а завтра, пожалуй, и сам буду танцевать,— улыбаясь девушке, ответил Николай. Маруся сразу привлекла его внимание, он выделил её из остальных. А в Майдархане было немало красивых девчат!

«Не меньше, чем в Марыкчане»,— думал Николай, глядя на возобновившиеся пляски.

После захода солнца с реки потянуло прохладой. Яркие зелёные леса, казалось, скатывались с горных хребтов в затихшую реку. Звонко куковали весенние птицы—кукушки. Возле берегов крикала утка, собирая на ночь свой выводок. В той стороне, где полумрак спрятал летние юрты, гулко ревел бык. Николай задумчиво глядел на запад. Там далеко-далеко, в Марыкчане, тоже весна. У перекрёстка дорог, возле заимки Будашевского, молодёжь танцует марыкчанский хоровод. В хребтовой тайге, около речки, также кукуют кукушки. А на «Духоборке», наверное, ревет в стаде бык... Когда-то теперь удастся побывать в Марыкчане?

Дождавшись конца хоровода, Манасов и Булука пошли ночевать в волостной ревком. Постоянной квартиры не было ни у председателя, ни у нового майдарханца. В комнате сторожа

они закусили жареными ельцами, а спать расположились в кабинете Булуки на канцелярских столах. В печке разложили дымокур от комаров, открыли дверь в коридор и, улегшись, стали беседовать. Спать обоим не хотелось.

— Булука, сколько тебе лет?

— Двадцать три исполнилось,—отвечал Булука, отмахиваясь от комаров берёзовой веточкой.

— Слушай, ведь твоя фамилия Бестяев, имя Сидор, почему у тебя такое прозвище—Булука?

— Эх, Николай, длинная история, устанешь слушать. Спи!

— Не хочется. Выспимся ещё. Давай, рассказывай!

Булука повернулся на заскрипевшем столе, помахал веточкой и начал, сначала неохотно, потом с увлечением.

— Вырос я на пустынной речке Куахе. Кроме нашей юрты, на той речке не было ни одного жителя. Отца моего звали по имени речки—Куах. Давно когда-то отцов брат, Бестяев Масар, выжил отца из родной деревни. Пришлось отцу кочевать подальше от родного брата, так и поселился он на Куахе. Скота у нас не было никакого, кормились охотой и рыбалкой. Летом заготавливали ельцовый рыбий жир; ельцов в Куахе было много и мы ловили их самоловами. Зимой добывали звериное мясо и пушнину. Раз в году, на ярмарке, меняли пушнину на муку и кое-что из других припасов. Я выросстал на безлюдье, совершенно ничего не знал и постоянно расспрашивал мать: кто делает бутылки, ситец, посуду, иконы и прочее. Мать, всегда чем-то угнетённая, отвечала одно и то же: «Должно быть, всё делают русские,—кому больше». Так я понял, что кроме якутов на свете есть какие-то русские. Не знаю почему,—я воображал их похожими на иконы, бородатыми, с сиянием над головами. Маленьким я всего пугался. Шум ветра, вспархивание птицы, треск сучьев в тайге,—всё меня тревожило. Больше всего я пугался и даже плакал, когда мать поднималась на пригорок возле нашего балагана. Там, над какой-то ввалившейся ямой, она сидела часами и проливала горькие слёзы. Я не знал, а это была дорогая для неё могила. Возвращаясь с пригорка, мать никогда не отвечала на мои вопросы.

Подрастая, я очень увлёкся игрой в охоту. Отец подарил мне для игры старый самострел. Я быстро научился натягивать тетиву, настораживать стрелу. Как-то я нашёл заячий след около балагана и поставил на нём самострел. На него насту-

пила наша единственная собака, её подранило. Меня крепко высекли, но это не помешало мне продолжать свои охотничьи игры. Скоро у меня стало два самострела. Один я смастерил сам. Настораживал я теперь подальше от дома, избегал тропинок, выбирал самые глухие места. Страхи мои к тому времени прошли, в тайге я чувствовал себя как дома.

Сначала я бегал осматривать самострелы часто. Потом, по совету отца, через день—два. Много недель ничего не попадалось в мои ловушки. Потом как-то прихожу: один самострел спущен. А ночью была метель. Стал я осматривать сугроб, вижу: что-то чернеет. Подошёл, поднял. Что за зверь—не знаю, не видел таких. Думаю—отец и мать смеяться станут, убил зверя, который никому не нужен. С виду зверь походил на собаку, на спине круглое белое пятно и проседь на хребтовине. Ворочал я зверя, ворочал, решил нести домой. Отец во дворе был, увидел мою добычу, выхватил из рук, закричал спасибо духу леса—Баянау. Отец верил в духов. Приоткрыв дверь, не заходя в балаган, отец важно сказал матери: «Акулина, сын с охоты пришёл, добычу принёс, дай пищи огню!» Мать радостно закричала, из балагана запахло горелым волосом. Это по-старинному обычаю благодарили духов леса. Обычай этот матерью строго выполнялся всякий раз, когда отец приносил с охоты убитых лисиц. Целуя и обнимая, родители ввели меня в балаган. Тут я узнал, что добыл дорогую чёрную лисицу, а белое пятно на спине делало её ещё дороже. Попировали мы в этот вечер, скушали весь запас ельцового жира. А на ночь в награду мне отец долго рассказывал сказочную былинку—олонхо.

В это лето отец взял меня на Быджигинскую ярмарку. Выехали на берестяной лодочке вниз по своей реке. Я впервые видел новые места, впервые ехал на ярмарку. Целый день, сидя в лодке, пел песни. По нашей речке плыли сутки, потом поплыли вниз по другой речке, в которую впадала наша Куаха. Течение быстро несло вверх. На вторые сутки пути возле одного притока я увидел дым какой-то юрты.

— Кто здесь живёт, отец?—спросил я.—Давай, пристанем, поглядим, что за люди!

— Дитяtko милое, тут живут якуты-охотники, каждое лето они тут кочуют. Сейчас мы не станем заезжать, заедем на обратной дороге.

Голос отца показался хриплым и, взглянув на него, я увидел, что он плачет. На мои расспросы он ничего понятного для меня не сказал. На третий день доехали до ярмарки. И во сне мне не снилось такое зрелище! Множество лодок стояло у берега. На поляне шумели несметные, на мой взгляд, толпы людей. Всюду стояли белые палатки купцов, я не смог их сосчитать. Кроме палаток, по берегу дымились походные шалаши, чумы, шатры из оленьих шкур, берестяных пластин и кожи. На самом видном месте высилась часовня, о которой мне рассказывал отец. Часовня показалась мне огромнейшим зданием. Долго я удивлялся, как могли построить такую громаду.

Мы причалили к берегу, вынесли свой товар. Нас обступили русские и якутские купцы. Осмотрев пушнину, добытую отцом, они назначили свои цены. Отец вынул из сумы мою чёрную лисицу; купцы, увидев её, наперебой закричали. Какой-то человек в русской одежде растолкал всех и выхватил шкурку из рук отца.

— Продавай мне!—сказал толстяк, рассматривая мех. В это время купец, торговавший у нас раньше остальные шкурки, согласился взять лисицу и уплатить любыми товарами на семьдесят рублей. Ударили по рукам. Толстый купец, услышав, что лисица уже продана, хлестнул отца шкуркой по лицу и ругаясь, ушёл. Отец не решился бежать за ним, начинать драку. Подобрав брошенную шкурку, отец заплакал. Оказалось, толстяк, ударивший отца, был моим дядей, Масаром Бестяевым.

Упустив ценную шкурку, брат не постеснялся ударить брата. Это меня поразило, и я возненавидел всех купцов и богачей на всю жизнь.

На ярмарке мы пробыли несколько дней. Благодаря чёрной шкурке купили столько товаров, сколько никогда не покупали. Семьдесят рублей были для отца целым богатством. На обратном пути отец остановился у охотников возле той речки, где я просил остановиться. Вытащив берестянку на берег, мы зашли в юрту. Отец поздоровался с хозяевами, как старый знакомый. Хозяева не узнавали его, пока он не назвал себя. Тогда старуха стала готовить чай, а я осматривал новых знакомых. Кроме стариков, в юрте была девочка, немного поменьше меня, и два мальчика, как оказалось,—близнецы. Дети разглядывали меня, я глядел на них, а старики болтали об охоте и ярмарке.

Когда чай был готов, отец шепнул мне на ухо, чтобы я принёс из берестянки две бутылки водки. Старики обрадовались водке, повеселели. Уселись за стол, отец разлил водку по стаканам. Выпили. Отец откупорил вторую бутылку, но не стал разливать, а помолившись на икону, встал перед хозяевами юрты и наклонил голову.

— Друзья мои, Тарас, и ты, Феврония, простите меня, бога ради! Грех лежит на мне, грех перед вами. Болею я сильно, хочу покаяться, пока не поздно...

У отца дрожали плечи и на глазах заблестели слёзы. Хозяева смутились, не зная, что делать?

— Что с тобой, что такое ты сделал?—наконец спросил старик Тарас. И тут я услышал, что человек, которого я считал отцом,—не отец мне. Одиннадцать лет назад у него умер свой ребёнок. Его похоронили на том пригорке, где я часто видел плачущую женщину, считавшуюся моей матерью. Оставшись бездетным, Куах Бестяев сильно горевал. Возвращаясь с очередной ярмарки, он украл грудного ребенка из юрты Тараса. Этим ребёнком был я.

— Ты украл моего первенького?—закричала диким голосом старуха Феврония.—Ты лишил меня моей радости?

Отец плакал, как маленький. Старик Тарас не выговорил ни слова, только лицо у него покраснело. Дети испугались и убежали за ситцевый полог на другую половину юрты. Я не сразу понял в чём дело и решил, что отец пьян: «Пойди, ляг, ты опьянел, отец»,—уговаривал я Бестяева. Но тот не слушался меня и снова ещё и ещё подробнее повторял, как он совершил кражу. Старик Тарас подошёл ко мне. Руки у него заметно тряслись.

— Так это мой пропавший сын?—спросил он тоже плачущим голосом.

— Если он мой сын,—закричала снова старуха,—у него на плечике должен быть рубец, а на ягодице синяя родинка. Покажите матери.

Старники велели мне раздеться, но я заупрямился. Тогда они хотели раздеть меня силой, и пришлось подчиниться. Приметы оказались на месте. Сам я о них не знал и не видел. Феврония кинулась меня обнимать, но её ласки я принимал с неохотой. Не верилось, что эти старики—мои родители. Бестяева я жалел, как родного отца. А он всё плакал и молился на икону. Потом

стали молиться и старики, найденные мои отец и мать. Помолвившись, Тарас позвал всех садиться, продолжать чаепитие. За чаем Феврония вспоминала день кражи и свои материнские переживания. Искали меня много дней, никто не думал, что Бестяев, заехав к знакомым людям в пустую юрту, не дожждётся хозяев. Ещё меньше думали, что он похитит грудного ребёнка. Порешили, что меня унёе зверь.

После второй бутылки старики простили Бестяева, а меня с той поры прозвали Булука, то-есть находка.

Обрадованный прощением, Бестяев выпросил у родителей разрешение воспитывать меня и дальше. У стариков было трое малолеток, обуза порядочная для небогатых охотников, и они согласились. Ежегодно я стал ездить с Бестяевым на ярмарку и гостить у своих родителей. А по документам я записан как умерший ребёнок Бестяева—Сидор Бестяев.

Мой проклятый дядюшка Масар встретился ещё раз на моём пути. Я был уже взрослым парнем тогда, но не забыл, как Масар ударил отца шкуркой лисицы. Осенью возле нашего дома остановились три оленя, запряжённых в волокушу. Отец сказал, что это олени его брата Масара. Тогда я застрелил оленей, освежевал, а мясо и шкуры припрятал, сказав об этом отцу. Через несколько дней меня арестовали по доносу Масара Бестяева и отправили в Якутск, в тюрьму. Там я познакомился со многими людьми, узнал о существовании политических партий и о многом другом. После февральской революции меня, как уголовника, не освободили. Осенью того года в тюрьме появились арестованные большевики. С одним из них, Кешей Тускаевым, я близко сошёлся. Он обучил меня грамоте и растолковал мне программу партии большевиков-коммунистов. Когда отряд Рыдзинского захватил Якутск, меня освободили. Я поступил на курсы учиться, но не надолго. Белогвардейцы сумели захватить власть, и я снова попал в тюрьму. После восстановления советской власти меня освободили вторично. Я снова пошёл учиться на курсы, вступил в комсомол, а с прошлого года работаю здесь предревкома.

Николай Манасов, слушая простосердечный рассказ Булуки, дивился сложным путям молодой жизни, забывая, что и его жизнь прошла трудной дорогой.

Бугристые спины гор закутались белыми сугробами. Тяжёлый иней густо облепил сучья деревьев. По реке плыла редкая стекольчатая шуга и туманные языки зимних испарений ветер гнал серыми клочьями, оседавшими в горных распадках. Временами туман становился плотным, громоздился высоко, скрывая и деревья, и каменные увалы, окружавшие Майдархан. Последняя экстренная почта прошла в конце августа, потом ударила распутица, и Майдархан, отрезанный от мира, жил только местными новостями. Только сегодня нарочный из Майдархана собрался выехать в Якутск. Нарочный ехал вместе с милиционером Сугуновым. Оба они переправились через шугующую реку и, привязав коней к изгороди, курили, покрикивая на другой берег, чтоб в волревкоме поторопились посылать почту.

Николай Манасов торопливо дописывал письмо в Марыкчан. Закадычный друг детства, соучастник первых бунтарских дней Марыкчана, Сеня Оноев, вероятно, не забыл своего товарища.

«Дорогой Семён, прими мой комсомольский привет!—писал Николай Манасов.—Я жив и здоров, работаю в Майдархане. Недавно здесь организовали ячейку. Пока в ней семь комсомольцев, но среди молодёжи, да и среди взрослых мы имеем не мало сочувствующих людей. Отрадно думать, что по всей Якутии выросли комсомольские организации, имеющие партийных руководителей. Часто вспоминаю, как мы с тобой вдвоём воображали себя молодыми большевиками. Это имя пришлось нам заработать не сразу. Новым комсомольцам будет легче работать и учиться. Партийцы и комсомольцы теперь есть в каждом районе. Здесь вся передовая молодёжь тянется в ячейку. Есть замечательные парни и девушки. Лучшие наши активисты—Яша Молчанов и Маруся Ордонская, а лучший из лучших—Миша Аной. Это совсем необыкновенный парнишка. Жизнь у него редкостная, отца не знает, мать умерла при его рождении,—круглый сиротина. Когда его принимали в комсомол, не могли найти даже его метрики, записали по кличке—Михаил Аной. Из него будет агитатор на удивленье!

Ячейка у нас дружная, хотя живём разбросанно. Объехали все юрты с докладами и беседами. Готовим население на всякий

случай к отпору. Ходят слухи о белобандитских шайках, а на днях пятеро самых заядлых наших врагов, местных тойонов, скрылись неизвестно куда. Вместе с ними бежал некто Айман, купец-контрабандист. Это дело придётся распутывать мне, как уполномоченному Губчека. Ликвидировать в зародыше бандитские гнёзда думаю с помощью комсомольцев.

Иван Иванович Чинарин писал мне о несчастном случае с тобою. Я знаю кое-кого в Дабане, контрреволюционных тойонов давно надо было прижать. А всё-таки я не думал, что дело дойдёт до выстрелов. Покушение на тебя—урок нам всем. Надо быть бдительнее каждому коммунисту, каждому комсомольцу. Тогда такие случаи не повторяются. Получив письмо из больницы, я очень беспокоился. Хорошо, что рана лёгкая и что тыправляешься. Не горячись ты по пустякам, береги себя для дела. Ты пишешь, что нас теперь много. Правда! Но каждый человек на учёте. Сил ещё много потребуется впереди. Оберегайся от ненужного лихачества. Лепить плакаты на колокольнях нынче нет надобности. Ну, и всё! Пиши о марыкчанских новостях. Всем ребятам привет!..»

Надписавши конверт, Николай Манасов отдал поджидавшему милиционеру и вышел его проводить. Шуга на реке шла гуще, но милиционер, ловко увёртываясь от ледяных тягучих наплывов, переправился на тот берег и помахал рукой. Проезжий якут отвязал лошадей, милиционер нацепил перемётные сумы. Тёмные на белом фоне снега фигуры всадников поднялись на увал и исчезли в тайге. Николай Манасов долго глядел им вслед. Мыслями он уже побывал в Марыкчане и вернулся обратно. Вернулся потому, что здесь был человек, притягивавший Николая Манасова сильнее всех остальных во всём мире. Этим магнитом была Маруся Ордонская.

В комсомольской ячейке Николай ближе познакомился с этой жизнерадостной, умной и трудолюбивой девушкой. Сначала Николай радовался неистощимой энергии Маруси, радовался общей работе. Твёрдость характера девушки также была по душе Николаю. Было видно, что эта красивая, возвышенная душа не только верит в комсомольское дело, но готова постоять за него в любом испытании. Не сразу Николай заметил, что чувство дружбы, объединившее его с Марусей Ордонской, стало перерастать в другое, новое, и ещё не совсем понятное ему

чувство. Не сразу Николай решился назвать это чувство тем именем, которым его следовало называть. Любовью!

Как и все юноши, Манасов находил время подумать иногда о любви. Многие его сверстники уже влюбились. Он знал ребят, которые влюбились и не однажды. Девушки не обходили вниманием Николая. До встречи с Марусей у него были дружеские отношения с несколькими девчатами. В них он видел товарищей по работе—и только. Может быть, более милых, более интересных товарищей, чем некоторые парни. Иногда в хороводах, обнимая девушку, Николай спрашивал себя: «Не эта ли?» Нет, мысли гасли сами собою, сердце выжидало. А вот теперь, в Майдархане, стоя на заснеженном пустынном берегу, Николай Манасов, необъяснимо почему, вспомнил Марусю. «Да ведь без неё мне нельзя жить. Как я долго её не видел»,—вслух проговорил он, удивляясь своим словам. И в самом деле, невозможно поверить, что он видел её вчера вечером. Было такое ощущение, что долгие годы он не встречал эту девушку.

Решившись на что-то и не зная, на что именно, Николай оглянул в последний раз шугующую пустынную реку и пошёл напрямик к домику Ордонских. Ровные шаги его стали совсем неуверенными возле низенькой юрты, обнесённой изгородью из гальниковых прутьев. Обмазанные глиной стены выглядели убого. «В такой неприглядной хибарке живёт такая девушка!»—впервые подумал Николай Манасов, как будто сделал необычайное открытие.

«Старик, конечно, дома, будет рассказывать истории о царях, проигрывавших в шашки города, будет жаловаться на погоду и хвалиться своими малярными работами, известными всему Майдархану. У такого обыденного якута такая дочь!»—не переставал удивляться Николай.

В другое время он посмеялся бы над своими мыслями, и сейчас было совсем не смешно. Отворяя старенькую дверь юрты, Николай Манасов почувствовал себя мальчиком. Наконец-то он понял, что идёт объясниться с Марусей!

Маруся Ордонская была в юрте одна. На чисто выметенном полу, на гладких стенах лежала печать опрятного, домашнего уюта. Девушка собиралась куда-то идти.

— Здравствуй, Маруся! Далеко ли собралась, не по пути?

Николай пожал её тёплые пальцы. Робость его внезапно исчезла. Ему стало весело.

— К тебе собралась, а ты сам пришёл. Садись, Коля!—девушка повесила шубку и села рядом с Николаем на низеньких нарах перед очагом.

— Зачем я тебе понадобился?—шутливо заговорил Николай и замолчал. Глаза Маруси сказали ему, что сейчас шутить не время.

— Ну, что случилось, чем ты встревожена?

— Коля, я узнала, где прячутся бандиты!

Шутливое настроение Николая Манасова исчезло быстрее, чем появилось. Слыша, как учащённо забилося сердце, Николай схватил Марусю за руку. Девушка придвинулась к нему совсем близко. О тайной опасности, как и о любви, говорят шёпотом. Опасность была пока тайная, но могла стать и явной.

Рассказ Маруси был не долог. Даша, батрачка жены сбежавшего купца Аймана, подслушала разговор хозяйки с незнакомым человеком, посланным Айманом домой. Посыльный передал на словах поручение Аймана. Бандит и контрабандист поджидал кой-кого из своих пособников в урочище возле озера Соготох. Там же, оказалось, находится и Павел Богучёв, тойон, бежавший из Дабана. Зачем Айман собирает своих сообщников, Даша не слышала. Таинственный посыльный был в доме Аймана ночью, батрачка дождалась рассвета и под каким-то предлогом нашла минутку передать Марусе важное известие. Выслушав рассказ, Николай горячо обнял недоумевающую девушку.

— Надо их поймать, пока не убежали,—пробормотала она, прижавшись к Николаю.

— Никуда они теперь не убегут,—успокоил Николай,—никуда! А мне надо сказать тебе, зачем я сегодня торопился. Тебе, Маруся, надо знать: я тебя люблю!

Девушка так же спокойно и коротко ответила:

— И я тебя, Коля, люблю!

Она обняла дрогнувшие плечи юноши и поцеловала его похолодевшие губы. Это был первый поцелуй в жизни обоих. Поцеловавшись, они долго сидели молча, глядя друг другу в глаза.

Золотые стрелки солнца ворвались в окно старой юрты, на дворе, видимо, пробрезжило. Светлые тени пробежали по земляному полу и остановились возле очага. В трубе послышался шум

ветра; хлопнула заслонка. Николай Манасов поднялся, протянул руку:

— Мне пора, Маруся. Сегодня в ночь надо всё кончить. До свидания!

— Я провожу тебя до ворот.

Им не хотелось расставаться сейчас. Но сила, более властная, чем стремления сердец, руководила волей. Один из них готовился к испытанию, в котором смерть могла уничтожить счастливые мечты обоих.

Николай Манасов шагал по улице, не оборачиваясь, и Маруся ушла в юрту как только высокая фигура скрылась за плетёной изгородью. Чем меньше людей узнает о их встрече, тем лучше.

«Руководство операцией, конечно, придётся взять на себя,—думал молодой чекист, подходя к волостному ревкому.—Бойцов у меня наберётся немного, но зато народ верный. Плохо только, что обстрелянных парней пока нет. Не потерять бы кого, если до боя дойдёт. И ещё проклятый вопрос: сколько их прячется там, в этом урочище?».

С такими раздумьями Манасов вошёл в ревком. Булука сидел с Яшей Молчановым, толкуя о сельских делах. Манасов подсел к приятелям и сообщил свою новость. Булука тихонько выругался.

— Ликвидировать банду надо безотлагательно, промедлим день—два, у них могут найтись сообщники,—заговорил Николай.

— Сопротивляться бандиты будут во всех случаях. Это отъявленные головорезы. Среди них, помимо Аймана, особенно следует учитывать Павла Богучёва, бежавшего из Дабана. Там ему грозил арест и суд за покушение на комсомольца Семёна Оноева. Доказано, что дабанский князец принимал участие в покушении, а то и сам стрелял в Оноева. Появление Богучёва в нашей округе—нехороший сигнал. Если дабанский бандит связан с нашими, возможно, и из других волостей контрреволюционеры имеют связь с Айманом. Оперативная группа должна быть готовой ко всяческим неожиданностям...

При обсуждении времени операции было принято предложение Яши Молчанова. Яша советовал начать операцию до наступления темноты. Дорогу на урочище озера Соготох комсомольцы знали. В оперативную группу помимо Манасова, Булуки и Яши Молчанова было решено взять Мишу Аноя и секретаря

волостного ревкома Бибикова. На всю группу комсомольцы имели три винтовки. Революеры были у каждого. Сбор назначили у почтовой станции, где Булука обещал заготовить лошадей.

Синеватая гряда туч ползла по отрогам зубчатых гор. Тучи растягивались, словно шкуры на невидимых распялках, заполняли небо с востока на запад. Вечным шумом, похожим на гудение морского прибоя, гудела якутская тайга. Островерхие лиственницы раскачивали голые ветви над перемерзшими ручьями. Узенькой тропинкой, затерянной в стеноподобном лесе, пять всадников выехали к урочищу Соготок. Обогнув небольшой мысок, всадники сошли с коней и завели их в неглубокую котловину. Здесь было безветренно. Коней накрепко привязали к кустам.

— Ну, товарищи комсомольцы,—вполголоса сказал Николай Манасов,—каждый знай своё место, слушай команду...

Манасов готовил бойцов, не подозревая, что в этот ответственный час он стал похож на Ивана Чинарина, когда-то поучавшего марыкчанских ребят при штурме «Духоборки».

— Осмотреть оружие!

Председатель волостного ревкома Булука, затянув ремень поверх ровдужного пальто, подул в затвор винтовки. Сера сталь звонко лязгнула.

— Только не робеть! Ты, Мишка, держись возле меня,—заботливый Булука беспокоился за Мишу Аноя, самого молодого и самого, по его мнению, ненадёжного в отряде.

— Трусом не буду!

— Тихо! Разговоры прекратить,—скомандовал Манасов.

Отряд тронулся по целине мягкого, сверкающего снега. Проводником шёл Молчанов. Непролазная чаща поглотила молодых бойцов. В этих нагромождениях валежника, зарослях лиственницы и ольшаника не бывала человеческая нога. Горные медведи и ветвисторогие лоси жили здесь вековыми хозяевами. Яше Молчанову приходилось охотиться в этих местах, и он уверенно вёл отряд без всяких тропинок. Через некоторое время комсомольцы услышали странный скрипучий шум. Это шумели сухие замёрзшие заросли камыша на озере Соготок.

Возле берега отряд поднялся на невысокий увал. Яша Молчанов остановился.

— Тянули дерево,—сказал он, показывая в низину. На тонкой гладкой холстине снега отчётливо виднелся след. Кто-то волочил сухое срубленное дерево вглубь урочища. Обломанные сучья валялись в нескольких местах.

— Это они, больше некому. Дрова заготавливали. Что ж, пойдём по следу или стороной?

— По следу!—приказал Манасов.

След тянулся напрямик к небольшой лужайке. Запах дыма резко послышался в воздухе. Над карликовыми ивами мелькнула печная труба. В полутьме она отчётливо вырисовывалась на фоне неба столбом искр, кружившихся по ветру.

На этот раз остановились без команды. Манасов долго осматривал окрестности. Ни одной живой души не показывалось возле юрты. Если бы не искрящийся столб дыма над трубой, можно было подумать, что таёжная заимка необитаема.

Ветер, крепчавший с каждой минутой, обещал пургу. Убедившись, что обитатели юрты не собираются в такую погоду никуда ехать, Манасов решил действовать. Оцепив юрту, комсомольцы выбрали себе укрытия и залегли. Бибиков, как было заранее условлено, один подошёл к окну.

Он увидел закопчённые стены, глинобитную печь с пылающими в ней поленьями и четырёх человек, сидевших возле огня. Ближе всех к окну сидел Аймак, в ногах у него лежала старая собака с бел шерстным, будто в ошейнике, горлом. Сквозь одинарное щелястое стекло отчётливо слышался голос Аймака. Бибиков повернулся к своим и махнул рукавицей. Отряд подошёл вплотную к юрте. Бибиков приложил ухо к окну, готовясь послушать, о чём разговаривают бандиты. Старая собака всё-таки учуяла приближение чужого и отрывисто залаяла. Бибиков, не раздумывая, разбил стекло, и дуло винтовки просунулось в юрту.

Руки вверх!

— Куда, куда? Стой!

Комсомольцы уже распахнули настежь двери, и купец Аймак, успев только крикнуть: «Ружьё, дайте ружьё!»—упал головой к окну. В ту же минуту хлопнул маузер, и дабанский князец Павел Богучёв свалился возле печки, не успев спустить

курок винчестера. Ружьё тойона упало на пол. Старая собака шарахнулась под нары. Николай Манасов рассчитался за покушение на своего друга.

Между тем, уцелевшие бандиты продолжали стрельбу. Бибиков, нагнув голову, караулил под окном. Из раскрытой двери то и дело со свистом летели пули. Манасов понял, что оставшиеся живыми заговорщики не сдадутся и приказал простреливать юрту из винтовок через раскрытую дверь. После нескольких залпов из юрты перестали отвечать.

Со стороны комсомольцев треснул выстрел из револьвера. Свирепый ветер раскачивал досчатую дверь, дрова в камельке попрежнему пылали, обдавая багряным светом тёмные стены.

— Это ты после всех выстрелил из револьвера?—сказал Манасов, толкая Мишу Аной.—Заходи в юрту, собирай ружья...

Миша Аной, пошатнувшись, вошёл в юрту. Во время первого залпа случайная пуля бандитов пробила ему плечо, рубаха быстро намокла от крови, но Миша не подал виду. Последний ненужный выстрел Миша дал, чтобы облегчить себе душу.

В юрте Миша Аной прежде всего поднял винчестер дабанского тойона. Охотничьи ружья валялись кучей под нарами. Там же рычала старая собака, забившаяся от грохота перестрелки в самый глухой угол. Миша Аной обыскал карманы убитых, револьвер нашёл только у одного Аймана. Не задумываясь, Миша сунул браунинг в карман.

Николай Манасов, оттолкнув ногой труп Богучёва, перевернул второго убитого. Это был писарь Балкашев. В четвёртом убитом опознали князьца Бударова, давно разыскиваемого из угрозыском и органами Чека. Манасов остался недоволен результатами операции.

— Хотя одного надо было взять живым,—укорял он комсомольцев.—Теперь некого допросить. А от этих господ наверняка идут ниточки куда-нибудь далеко.

— Что не взяли живьём ни одного—это плохо. А что все мы целы—это хорошо. Бандиты отбивались отчаянно,—сказал Булука.—Ты что, Миша, какой-то бледный? Ставь-ка чайник, здесь заночевать придётся... Что ты морщишься?..—встревожился Булука.

— Меня ранило,—запинаясь и сразу вспотев, ответил Миша Аной. Он побаивался, что Манасов обругает его за полученную рану и отберёт револьверы.

— Ранило? Что ж ты молчал до сих пор? Куда?—забеспокоился Манасов и взял Мишу за мокрый рукав.—Да у тебя кровотечение. Давай-ка к свету, поближе...

Раненого подвели к печке и, несмотря на протесты, раздели. Пуля прошла плечо насквозь, не задев кость. Перевязочного материала у комсомольцев не оказалось. Рану закрыли колыным носовым платком и натуго забинтовали шарфом Булуки. Манасов освободил Аноя от всех работ.

А работы оказалось не мало. Трупы бандитов вытащили во двор и сложили возле коновязей. Со всей юрты собрали бандитские вещи и одежду, раскиданные во время схватки. Миша Аной, несмотря на боль в руке, вставил бересту вместо выбитого стекла. Бибиков натаскал на ночь дров. Сварили чай и, подкрепившись из тойонских сумок ужином, приступили к учёту трофеев. На нарах уложили более пуда патронов, двенадцать винчестеров и четыре гладкоствольных охотничьих ружья. Покончив с этим делом, Манасов приказал ложиться спать, а себя назначил в первую очередь караульным. Ему предстояло ещё разобрать все захваченные документы из бумажников и сумок тойонов. Интересного в сумках трёх бандитов не отыскалось. Манасов, зевая, стал пересматривать бумажник князьца Бударова. Там были деньги. Зато в сумке, в деревянной шкапулке, под целою кипой долговых обязательств и расписок, выданных на имя Романа Титовича Бударина, чекист нашёл разорванный конверт с письмом. Вот что прочитал Николай Манасов:

«Роман Титович!

О том, где я сейчас, вам сообщит господин Богучёв. С тех пор, как мы расстались, я проводил некоторое, известное вам, мероприятие. После событий в Охотске мне пришлось скрываться. Но по рекомендации анархистов мне удалось проникнуть в некую организацию, весьма опасную для нашего дела. Работа в этой организации принесла значительную пользу. Я добился освобождения господина Кирикова и помог бежать из заключения девяти видным офицерам. Эти люди будут осуществлять известное мероприятие по всей Якутии. Недавно они переправлены по Аянскому тракту. Погоня красных не достигла цели и, добравшись до порта Нелькан, офицеры захватили там пароходы, груженные товарами.

По последним сведениям группа вышла из Нелькана и дважды вступала в бой с красными. Потери пока неизвестны.

Офицеры организовали новый отряд, в данное время движутся сюда.

В моём районе, при деятельной помощи князьцов, число за-вербованных увеличивается. Моя работа не обнаружена и я решил её продолжать, пока есть возможность. Вам следует усилить антисоветскую работу в Майдархане и приступить к активным действиям. Основная ваша задача—уничтожать всех красных, в первую очередь коммунистов и комсомольцев, известных вам в Майдархане. Освободившись от местных красных, вы примите все меры, чтобы задержать любыми средствами советский отряд, возвращающийся из Охотска. Повторяю, закройте дорогу во что бы то ни стало до морозов. Советский отряд не имеет достаточно продовольствия. В составе его есть наши люди. Они вам помогут. Если вы сумеете задержать охотский отряд, красные либо сдадутся, либо погибнут от морозов и голода. Оружие будет вам доставляться через писаря Балкашева известным вам лицом. Ваши заслуги не будут забыты.

Как стало известно, сейчас в Майдархане находится некий чекист Николай Манасов. По нашим данным это опасная фигура. Уберите его немедленно и сообщите об исполнении нарочным.

Господину Бестяеву передайте привет и сообщите всё, что сочтёте нужным».

Письмо было подписано: «Дракон».

Пересмотрев ещё раз все расписки, обязательства, векселя и, не найдя больше ничего, Манасов задумался над письмом.

Итак, майдарханский штаб контрреволюционного заговора уничтожен сегодня целиком. Это победа. Не меньшая победа—находка письма «Дракона».

«Теперь многое становится ясным»,—подумав так, Манасов упрекнул себя в легкомыслии. Далеко не ясным было грозное будущее. Одно только ясно—планы «Дракона» надо разбить, а для этого Майдархан должен ударить с тыла по белобандитской банде. Там будут не четверо тойонов, там потребуются сила, могущая противостоять намуштрованным белогвардейским офицерам. Значит, надо поднимать население, поднимать народ.

«Сибирские партизаны задерживали движение колчаковских дивизий»,—мелькнули в голове Манасова слова учителя-большевика Ивана Ивановича. В Майдархане найдётся достаточно отважных людей. Сумеют ли их поднять молодые большевики?

И опять слова Чинарина встали перед комсомольцем: «Вы, молодёжь, должны и можете сделать больше, чем делаем мы».

Прикрыв тулупом спящего Мишу Аноя, Манасов вышел во двор. Снег уже запорошил трупы заговорщиков. Тяжёлый ветер гнал тучи над голубыми копыями горных вершин. Близко-близко за ними серебряным ручейком змеился Аянский тракт. Оттуда шла беда.

20

В юрте Бибиковых, батраков князья Чымана, прилепившейся на задворках хозяйского дома, шёл семейный спор. Мирей, отец молодого Бибикова, секретаря волрезкома, больше недели уговаривал жену пойти с ним в партизанский отряд. Старая Арсения упиралась. Разумеется, она—за партизан. Николай Манасов знает, что делает. С востока и с запада бредут шайки бандитов. Оставаться в Майдархане опасно, сын—комсомолец, партизан. Белогвардейцы не пощадят родителей. Но как бросить насиженное гнездо, где в тяжёлом труде прожиты долгие годы! Мирей, исчерпав все убеждения, впервые за всю совместную жизнь закричал на жену:

— Ну, и оставайся одна! Раньше хозяев просили: «Бей, только не размахивайся», теперь проси бандитов, чтобы не повесили, а расстреляли...

Эти слова и неожиданный крик мужа, обычно кроткого и послушного, подействовали. Арсения уступила. Для вида она ещё долго перекорялась. Видя, что муж надевает лосёвые дорожные сапоги, Арсения заплакала:

— Оставайся,—повторял Мирей,—заплачешь не так. Ы! если в тайге и умру, так сын у меня рядом. А ты на хозяев не надейся, они тебя от бандитов защищать не станут. Не забудь, что сын участвовал в разгроме банды Аймана! Этого ни ему, ни нам не забудется. А тебе, охотнице, у партизанов нашлось бы дело получше, чем хозяйских коров доить...

Последние слова Мирея окончательно сломили упрямство жены. Уже вдвоём, они захватили свои скудные пожитки и только собрались уходить, в юрту заглянула хозяйка.

— Куда это?—спросила она сердитым голосом.

— Туда, куда нам надо!—также сердито ответила Арсения, приготовившись к словесной перепалке. Ей захотелось раз в жизни, на прощанье, обругать свою госпожу. Но та не стала дожидаться, захлопнула дверь. Арсения яростно топнула ногой и стала осматривать все ли вещи забрала из этой, вдруг опустылевшей юрты. Своё сокровище—жестяную ложку, купленную в прошлом году, Арсения сунула за пазуху. Жестяная ложка—ценность, не то что деревянная или берестяная. Мирей решил унести хозяйский винчестер, бывший у него на временном пользовании. Арсения надела на плечо свою кремнёвку. Из этой древней кремнёвки Арсения много лет, для сохранности шкурки, без промаха била белок в глаз.

Оборотившись не однажды на покинутое жильё, Бибиковы двинулись мимо реки. Старуха утирала рукавом слёзы. В Майдархане она оставила всё прошлое и в нём—могилу трёхлетней дочери.

Красные партизаны Майдархана готовились к выступлению. Более двадцати мужчин и несколько девушек-комсомолок сидели в волостном ревкоме, не раздеваясь, с оружием в руках. Всем хотелось знать, куда и когда пойдут, ожидается ли ещё кто, не слышно ли чего о движении бандитов.

Сведения, которыми располагал Манасов, были не утешительны. В соседний посёлок Эрясит прибыла банда купца Масара. Николай Манасов знал также о событиях в Охотске. При отступлении с побережья красные в спешке, по вине растерявшегося командира, оставили на произвол судьбы посты на золотом приiske. Людей бросили, таким образом, под удар охотских белогвардейцев. Беспорядочное отступление красного отряда по главному тракту открыло белогвардейцам свободный путь на Майдархан. Неопытные, наспех организованные кое-где партизанские отрядики были предоставлены самим себе.

Николай Манасов скрывал от большинства майдарханских партизан, что первым их действием будет отход на реку Аар для сохранения сил. Только штаб знал, что отступление на реку Аар уже подготовлено, предreshено. Но, ещё и не зная о планах своего штаба, майдарханцы о многом догадывались. Невесёлые лица молодёжи говорили об этом. Партизан Уразов, бежавший из посёлка Эрясит после занятия его белобандитами, задал вопрос Манасову:

— Всё ли сделано для того, чтобы оставить Майдархан без потерь снаряжения и людей?

— Если раньше штаб не подготовился, так сейчас и готовить поздно!—ответил за Манасова пожилой, черноусый партизан. В это-то время явились супруги Бибиковы. Приход стариков вызвал оживление. Вот ещё подходят люди! Посыпались шутки. Оба Бибиковы, известные охотники, пришли со своим оружием. Хорошие стрелки всегда пригодятся. Маруся Ордонская и Даша Дыгасова обняли Арсению. Настроение у партизан заметно поднялось. Николай Манасов решил использовать момент. Он ответил на вопрос, заданный Уразовым:—Всё ли сделано для начала действий?

Манасов не хотел сказать: «Для оставления Майдархана». Почему об этом не сказал командир раньше?

Раньше, чем это необходимо, по его мнению, командир может не говорить. Партизанам об этом следует помнить. Вступив в отряд, они стали солдатами и должны доверять своему командиру.

Какова готовность к походу?

Средства передвижения обеспечены. Булука, Молчанов и Миша Аной по поручению штаба побывали на хребтах местности Таан, где расположены оленьи пастбища купца Масара. Оленные пастухи согласились вступить в партизанский отряд. На пастбищах взято столько оленей, сколько потребовалось отряду. Взята вся наличная оленья упряжь и запасные олени для перепряжек. Сейчас олени пасутся всего в пяти верстах от Майдархана. Со стадом находятся пастухи и представители штаба—Яша Молчанов и Миша Аной. Олени выкормлены, все нарты готовы.

Несмотря на убедительность сообщения командира, некоторые партизаны отнеслись к нему недоверчиво. Тем не менее, после выступления Маруси Ордонской, призывавшей отбросить все сомнения и выступать в тайгу, чтобы не попасть в полное окружение,—никто не высказал желания остаться в Майдархане. Манасов стал пересчитывать людей, разбивая их на группы.

Неожиданно на дворе раздались один за другим несколько ружейных выстрелов. Партизаны прижались к стенам. Уразов распахнул дверь на улицу и с криком упал у порога. В окна и в двери летели пули. На затоптанном снегу в просвете дверей был виден часовой, заплативший жизнью за своё разгильдяй-

ство. Выход из дома волостного ревкома оказался закрыт. Пули щепили косяки, врывались в комнату. С хрустом осыпалась глиняная обмазка печки. Николай Манасов, согнувшись, подполз к убитому Уразову, оттащил в сторону труп и захлопнул дверь. Сквозь неё зашипели горошины картечи. Сидор Булука выворотил льдину, заменявшую окно, и наугад стал обстреливать подходы к зданию волостного ревкома. Бибиковы выбили ещё две льдины из других окон и начали помогать Булуке. Стреляя поперёк улицы. Окна в ревкоме, как и во всех майдарханских домах, были так узки, что человеку невозможно просунуть не только туловище, но и голову. Глядя, как Булука, Бибиковы и несколько других партизан поочередно стреляют в окна, словно в бойницы, Николай Манасов натолкнулся на необычную мысль. Приказав непрерывно отвечать на огонь противника через все окна, выходящие на улицу, Манасов стал искать топор. Топора в ревкоме не нашлось, зато под одной нарой валялась поперечная пила. Не сообщив никому о своей мысли, командир кинулся к стене, выходящей во двор, на пустыри. Там было одно окно. Делом минуты было выбить льдину. Этот заменитель стекла в окнах юрт, повсеместно распространённый в зимнее время, легко вставлялся и ещё легче вынимался. Из предосторожности Манасов выворотил льдину внутрь юрты. Затем, высунув голову, оглядел пустырь. От улицы пустырь ограждала плетёная тальниковая изгородь, дальше синели сугробы. Белобандиты, ворвавшиеся в Майдархан, сразу сосредоточились возле ревкома со стороны улицы. Это понял Манасов. Проверив, как ведётся перестрелка, Николай окликнул Булуку и они выпилили кусок бревна в окне, выходящем на пустырь. Пришлось выпилить ещё кусок второго и тогда получилось отверстие, через которое мог пролезть самый толстый человек. Манасов подозвал молодого Бибикова и приказал выйти через пролом, осмотреть пустырь. На всё это потребовалось не более четверти часа. Стрельба с улицы продолжалась, партизаны отвечали, не жалея патронов. Манасов стал поочередно переправлять людей к Бибикову. Сборным пунктом назначалась приметная низина за посёлком.

Скоро ревкомовская юрта опустела. Арсения Бибикова, уходя, бросила свою кремнёвку и захватила винчестер убитого Уразова. Булука с Миреем Бибиковым ушли последними. Николай выпустил несколько обойм из всех трёх окон и полез в пролом

сам. В низине, когда он уже присоединился к товарищам, ветер донёс громкий голос какого-то бандита, предлагавшего зажечь дом. Неизвестно, было ли принято это предложение, стрельба всё ещё продолжалась. Редкие, глухие выстрелы ветер нёс по низине, как отзвуки миновавшей грозы.

Оленные пастухи ничего не могли сообразить, но времени для объяснений не было. Нарты выстроились длинным поездом, запасных оленей подвязали ремнями. Манасов быстро пересчитал и разместил людей.

Молодой Бибиков и Миша Аной поехали в разведку. Яша Молчанов, Булука и оленные пастухи составили группу прикрытия. Остальные уселись по-двое на пустые нарты, часть нарт была нагружена продуктами, одеждой и боеприпасами.

Звёзды на небесных часах показывали полночь. Первая нарта рванулась вперёд и скрылась среди негустого подлеска. Это ушла разведка. Спустя несколько минут, вереницей, с правильными промежутками протянулся по снеговой целине весь караван. Сытые олени бойко тянули нарты. За спиной у Манасова, взявшего в руки олени вожди, сидела Маруся Ордонская. Мимо нарт бежали запорошённые инеем тальники, поскрипывали полозья.

— Прощай, Майдархан!—сказал не оборачиваясь Манасов и почувствовал, как руки Маруси Ордонской обняли его за пояс.

— А всё-таки мы успеем прорваться к речке Аар,—услышал он тёплое дыхание девушки возле своего уха.

— Надо успеть!—ласково ответил Манасов.

Свободен ли путь на речку Аар,—никому не было известно. Неожиданное выступление бандитов в Майдархане могло спутать все планы партизанского штаба. Кровавую игру начали большие силы.

— А где убили марыкчанского милиционера? Где убили Василия Амурского? Отвечай ясно, я не могу ничего понять, что ты бормочешь.

Николай Манасов терпеливо допрашивал старого якута, который от страха не мог связно ответить ни на один вопрос.

В облезлой оленьей дохе и стоптанных унтах якут, видимо, промёрз. Стараясь доказать свою невиновность, невпопад бормотал он какие-то жалкие слова оправдания. Худое жёлтое лицо с ввалившимися глазами тряслось.

— Отвечай, не бойся. Партизаны не обижают никого без причины.

— Я не убивал... Милиционера Амурского вместе с красным командиром убили на Лебягинской станции,—заикаясь, с трудом выговаривая слова, наконец ответил старик.

Допрос происходил на Охотском тракту в холодной грязной юрте, давно заброшенной жителями. Разведка прибыла сюда задолго до отряда. Миша Аной и молодой Бибиков, мчавшиеся впереди партизанского обоза, заметили тёмное облачко в стороне от дороги. Остановив оленей, они пошли на дымок и увидели покосившуюся брошенную юрту. Из её трубы чуть пробивался дым, кто-то старался разжечь камелёк. Аной и Бибиков ползком добрались до юрты. Около столба стояла упряжка худых, загнанных оленей, а в санях спал человек, закутанный меховым одеялом. Сообразив, что на одной нарте больше двух людей не поедет, партизаны кинулись к саням и захватили спящего тойона. Первым делом у захваченного отобрали наган и полный патронташ. Тойон пытался отбиваться, но был связан и остался лежать на нарте. Погонщик оленей, старавшийся растопить камелёк и обогреть юрту для своего пассажира, оказался почтовым ящиком. Он не сопротивлялся и был до крайности перепуган. На допросе ящика поразило, что командир партизанов знает об убийстве марыкчанского милиционера. Между тем, это объяснялось просто. Наган, отобранный у тойона, принадлежал Василию Амурскому. Манасов его сразу узнал. В чужих руках этот наган мог оказаться только в том случае, если его владелец мёртв. В убийстве Василия Амурского сомневаться не приходилось.

— Рассказывай спокойно. Если ты не убивал, тебе бояться нечего!—повторил несколько раз Манасов и похлопал старика по плечу.—Я тебе верю. Как зовут тойона, который захвачен в твоей нарте?

— Хараханов. Он и его люди убили командира Эстрелова и с ним марыкчанского милиционера на Лебягинской станции. Ободрившийся ящик собрался с духом и рассказал всё, что знал.

В районе речки Аар бесчинствовала бандитская шайка, собранная и вооружённая князьдом Зосимой Абылановым. Тойон Хараханов—один из главарей этой шайки. Захватив Лебягинскую почтовую станцию, бандиты перерезали тракт. Командир Эстрелов и милиционер Василий Амурский, ехавшие навстречу Охотскому красному отряду, не подозревая о захвате Лебягинской, зашли в станционную юрту и были убиты засевшими там бандитами.

— Где ты был во время убийства?

— В Лебягинской, у себя в юрте. Я гоняю оленей по тракту.

— Знал ли ты раньше командира Эстрелова?

— Как не знать! После революции, в семнадцатом году, он у нас переписывал людей. Учеником ещё был, в Якутске учился. Тогда я его с месяц возил по переписным делам. Нынче, как поглядел на него, на убитого, сразу признал...

Ямщик сказал, что тойон Хараханов едет в Майдархан. Там он должен по сговору с Абылановым помочь поднять восстание против большевиков. Партизаны, слушавшие допрос, переглянулись. Манасов велел привести Хараханова. В шапке из лисьих лапок, в новенькой полудошке тойон вошёл, озираясь волком. Колючие глаза враждебно прыгали в орбитах.

— Ты будешь Хараханов?

— Я.

Бандит пытался отрицать свою причастность к убийству на Лебягинской станции, а на некоторые вопросы отмалчивался. Но уличённый ямщиком, в конце-концов, бросил запирательство и сознался во всём. Теперь Манасов мог представить всю сложность положения партизан. Охотский отряд шёл без руководства. Отрёпённого от должности и арестованного командира Пыжьянова должен был заменить ехавший из Якутска Эстрелов. Теперь Эстрелов убит. А именно Эстрелов, приняв командование Охотским отрядом, по пути мог соединиться с майдарханцами и включить их в свою группу. Пыжьянов, сдавший Охотск белобандитам и покинувший красноармейские караулы на произвол судьбы на приисках, был наверняка врагом советской власти. Майдарханским партизанам оставался один выход—продолжать борьбу в одиночку, в окружении предателей тойонов и белогвардейских банд.

— Сидор, уведи этого человека. Покончите с ним сейчас же!—приказал Манасов. Булука скомандовал Аною и молодому Бибикову взять винтовки. Упивавшегося тойона вытащили за двери и скоро одиночный выстрел известил об исполнении приговора. Старый ямщик, получивший свободу, не захотел возвращаться в Лебягинскую и попросил принять его в партизаны.

— Может быть, я буду вам полезен и отблагодарю за справедливый приговор,—сказал старик.

— Дарай, помогай! Нам надо добраться до Марыкчана. Ити мы решили по речке Аар. Что скажешь насчёт такой дороги?—Манасов похлопал старика по рукаву.—Или ты знаешь дорогу лучше?

Старый ямщик недоверчиво отнёсся ко всему, намеченному Манасовым. Пути на Марыкчан были закрыты. Около устья речки Аар стоит банда Абыланова. Если же удастся её миновать, то вблизи Марыкчана на всех путях шляется шайка князья Согуйского. «У этого бандита до двухсот человек».—сказал ямщик.

— Какой же ты партизан, если не можешь найти дороги?—полушутя, полусерьёзно упрекнул Манасов. Старик не обиделся и продолжал вслух перечислять реки, тропинки, просеки, по которым можно было бы добраться до Марыкчана более или менее безопасно. После долгих размышлений ямщик вспомнил о какой-то речке Большой Баал.

— Можно ехать так: двадцать вёрст отсюда Большой Баал, дальше по руслу Баала вверх до речки Сурдуя, оттуда двадцать вёрст до Дабана, а там есть безопасная тропа,—перечислял старик.

— За нами идёт погоня. Ты предлагаешь чуть не на триста вёрст топтать снег, прокладывая дорогу врагам. Это не годится. Мы так не уйдём от погони...

— А мы погоню задержим,—к удивлению Манасова уверенно сказал старый ямщик.

План соединения с марыкчанскими партизанами, предложенный стариком, был на первый взгляд фантастичен. Охотник-промысловик, старый ямщик, предлагал заманчивый выход из безвыходного положения. Реку Большой Баал ямщик знал вдоль и поперёк. Знал все особенности зимнего ледостава. Во время сильных морозов прибывающая вода, сжатая ледяными перемычками, местами прорывает лёд и разливается на много-

вёрст, затоняя иногда и берега. Мороз снова берёт свое и сковывает наледь. Но к концу зимы подземная вода медленно поднимает ледяной покров, выпучивает его буграми огромной величины. Ледяные пузыри взрываются под напором воды, матёрый лёд секут щели, и новое наводнение вторично льётся поверх льда. Такие наледы не пройдешь, не проедешь.

Старый якут предложил пройти как можно быстрее участок первой наледи, прорубить лёд и, вызвав искусственный разлив, затопить позади себя дорогу. Обрывистые берега Баала не позволяют обойти разлив. Погоня должна будет вернуться, если не захочет вмёрзнуть в наледь.

Предложив свой план, старик достал тавлинку с нюхательным табаком, набил поочерёдно обе ноздри и с удовольствием чихнул. Партизаны пожелали здоровья хитроумному сотоварищу. Манасов велел перед выступлением ужинать.

После ужина, когда уже начались сборы, к отряду присоединился Яша Молчанов, следивший за движением погони. Он сообщил, что группа бандитов, вымотав своих оленей, остановилась ночевать верстах в трёх. В составе шайки Молчанов насчитал около сорока человек. Известие, привезённое Яшей Молчановым, подогнало партизан. Олени за время стоянки успели отдохнуть и подкормиться. В том же порядке отряд разместился на нартах и тронулся в путь. К вечеру караван достиг речки Большой Баал.

Лёд был гладко выметен ветрами. Старик-ямщик, сидя на первой нарте, крикнул и махнул палкой. Упряжка за упряжкой помчались вверх по зеленоватой, скользкой глади реки Большой Баал. Белые облачка дыхания взлетали над оленьими головами, как пушистые клубки тончайшей ваты. Наледь Большого Баала, зажатая между каменных обрывистых берегов, казалась стеклянной дорожкой, протянутой сквозь тайгу.

— Передайте Ивану Ивановичу... умираю... комсомольцем... верю в нашу победу...

С трудом выговорив несколько бессвязных слов, Геннадий Бологуров закрыл глаза и стиснул зубы.

— Подожди, тебе умирать рано. Не думай о смерти,—ответил тяжело раненому Бологурову молоденький, проворный

якут, фельдшер Маханин. Проворный Маханин успокаивал товарища, не веря самому себе. Сын служителя «анатомки» якутской больницы, окончивший после революции медицинскую школу, Маханин привык видеть умирающих. Состояние Бологурова он считал безнадежным.

Отряд марыкчанских партизан стоял на привале в пустых летних юртах среди соснового бора на берегу речки Аар. Посёлок Марыкчан со вчерашнего дня был во власти белобандитов.

Как же это случилось?

Ещё вчера вечером Иван Чинарин, сидя в своём штабе, принимал донесения разведки о продвижении врага. Всё было тревожно, но ожидать наступления бандитских шаек на Марыкчан не было оснований. Чинарин изучал старую карту Охотского тракта. Из соседней комнаты доносились голоса поссорившихся людей.

— Оноева не троньте, он может взорваться, как пистон, и развалить весь дом.

В ответ дружно рассмеялись, а Семён Оноев с раздражением обругал шутников. Люди скучали от вынужденного безделья. Партизан Уланцев стал высмеивать Костю Амурского, выдумывая небылицы о любви поповской дочери: «Агаша—чем не невеста? Женился бы, Семён, на свадьбу позвал. То-то бы повеселились. Чего смеётесь? Поповна? Пусть поповна!».

— Женись сам, коли тебе приспичило,—беззлобно отвечал Костя Амурской.

— Что твоё, то нам не достанется. А девка, сй-ей, хороша! У неё только половина красоты с фальшью, как у цыганской лошади. Лицо бело—пудра, губы красные—намазка, шея ожерельем закрыта—не разгадаешь, волосы—напомажены. А какая в талии—ни дать, ни взять,—муравьём перетянута!—зубоскалил Уланцев, довольный общим смехом.

Чинарина раздражала болтовня. «Пришли ребята из дальних юрт,—подумал он про Уланцева,—и кроме чепухи разговора не слышат. А мои тоже хорошего примера не подают. Нашли время потешаться».

Ничего особенного в шутках молодых партизан не было, но сегодня Чинарин испытывал весь день какое-то раздражительное чувство. Сердитым голосом он позвал к себе Уланцева и Костю Амурского. Разговоры сразу прекратились. Оба партизана вошли в комнату Чинарина.

Высокий Иона Уланцев вытянулся по-военному. Уланцев доводился Чинарину дальним родственником. Внешностью Иона больше походил на русского нежели на якута. Это был довольно образованный парень, окончивший Дарьянскую миссионерскую школу. Он усердно занимался общественной работой, раньше всех в Дарьяне вступил в комсомол и скоро сумел организовать крепкую ячейку. После возникновения партизанского отряда в Марыкчане Иона Уланцев привёл к Чинарину всю ячейку. Этой группе ребят пришлось дважды отбиваться на пути от наседавших бандитов.

— Ты что, Иона, вздумал сегодня заниматься пустой болтовнёй?—укоризненно спросил Чинарин.—Неподходящее, брат, время!

— Скучно ничего не делать, Иван Иванович,—улыбаясь, отвечал Уланцев, хотя замечание командира заставило его смутиться.

— Скучать не долго. Бери из своего взвода десять человек, ступай сменять заставу на «Духоборке». Пропуск сообщим вечером.

— Слушаю,—Иона перестал улыбаться, повернулся, как полагается, через левое плечо, и вышел.

— Ты, Амурский, бери своё отделение. Сменишь заставу у кирпичного сарая.

В точности повторив движения Уланцева, Костя Амурский пошёл строевым шагом. Захлопали двери. Оставшиеся партизаны беседовали вполголоса.

Около полуночи поступило донесение о наступлении бандитов на заставу Амурского. В это же время началась тревога и на «Духоборке». Чинарин, оставив резервную группу бойцов охранять штаб, с тридцатью стрелками двинулся сам на помощь Амурскому. Конный отряд красноармейцев вместе с их командиром Гусаровым был направлен на «Духоборку». Возле кирпичного сарая Чинарин услышал ещё издали ожесточённую перестрелку. Сухой треск винтовочной скороговорки гулко раскатывался в морозной ночи. Чинарину доложили о тяжёлом ранении бывшего ученика Геннадия Бологурова, но командиру не было времени заниматься ранеными. Приняв команду над всей группой, Чинарин торопился предупредить обход флангов, к чему, видимо, упорно стремились белобандиты. Сосредоточившись в домике церковного сторожа старика Манасова, шайка не жале-

ла зарядов. Жёлтые вспышки выстрелов мерцали непрерывно. В темноте глухой ночи рокотал железный град. Несколько скорчившихся бандитов валялись на сугробах. Несмотря на потери, шайка продолжала наседать. Пуля свалила Чинарина в тот момент, когда он собирался перегруппировать стрелков. Командир не потерял сознания, но без его руководства защита кирпичного сарая стала невозможна. Чинарин велел отступить к штабу.

В комнату, где полчаса тому назад командир пробирал своих бойцов, Чинарина внесли на руках. Где-то между рёбер грызла острым зубом засевшая пуля. На полу и на скамейках лежали несколько раненых, привезённых с «Духоборки». Весельчак Иона Уланцев бредил. Застава у «Духоборки» понесла большой урон. Сеня Оноев на время остановил врагов, израсходовав при этом две гранаты, которые берёт на крайний случай. Штаб очутился в непосредственной близости окружения. Чинарин ясно понимал, что сопротивляться далее в Марыкчане не следует. Надо было спасти людей. Решение было намечено заранее на всякий случай. И этот случай настал. Командование отрядом принял Гусаров. Скрипя зубами от боли, во время переизвязки Чинарин отдал последний приказ—отходить на Дабан и там соединиться с местными партизанами.

Пока Гусаров собирал людей, Сеня Оноев уводил несколько стрелков, державших под огнём дорогу от кирпичного сарая. Внезапно стрельба со стороны бандитов затихла. Сеня Оноев отчётливо услышал вопли старухи Манасовой. Стариков, родителей Николая Манасова, пытали во дворе, возле их избёнки. Пронзительный, захлёбывающийся визг нёсся по пустынной улице. Семёна Оноева передёрнуло нервной дрожью. Сначала он хотел броситься на помощь старикам один, потом побежал к Гусарову. Тот поколебался с минуту.

— Поздно помогать старикам. Если даже пробьёшься, они уже будут убиты. Без потерь к избе не дойти. Собирай бойцов, сейчас оставляем посёлок.

Не так-то просто было отступить! Под огнём пришлось ловить артачившихся, перепуганных коней. Отвечая на огонь, надо было укладывать снаряжение и седлать коней. Боевая наука познавалась с кровью и потом. Начало светать, когда партизанский отряд Марыкчана покидал родной посёлок. Ударная конная группа долго вела перестрелку на окраинах. Но бандиты не

собирались сегодня преследовать разбитых партизан. Овладев посёлком, они, видимо, откладывали это на будущее.

— Вёрст на семь позади никого не видно,—ответил на вопрос Сени самолично прикрывавший отступление Гусаров. Лицо этого русского командира не показывало никаких признаков смятения. Сплюнув дотла выкуренный мундштук папиросы, Гусаров подгонял растянувшиеся подводы. Оноев стал ему помогать.

Целый день, без привала, продолжался горький путь отступления. Усталые лошади ржали, тяжело раздувая обмёрзшие ноздри. Весь день свистел низовой ветер, сосны, покачиваясь и скрипя, сыпали серебряные опилки на головы иззябших людей. Равнодушно дышали холодные широкие пади и узкие долины.

Пустив махом коня, Сеня Оноев объехал своё отделение. Дарьянские комсомольцы, потерявшие своего секретаря и начальника, ехали мрачные. Тело Ионы Уланцева пришлось оставить в Марыкчане. Было отчего грустить дарьянцам.

На снях, где везли раненых, сидел фельдшер Маханин. Оноев подъехал к нему.

— Как Бологуров?

— Бологуров умер,—сурово ответил фельдшер.

Сердце партизана кольнула острая тоска. Вот и Геня, Геня Бологуров умер. Тот самый Геня, с которым росли, учились, баловались, Геня, который помогал расклеивать первые прокламации,—умер!

Сдержав поводьями коня, упершегося в высокую спинку проезжавших саней, Оноев поднял тарбагановую доху, закрывавшую лицо какого-то раненого. Кого везут в этих широких снях? Оноев вспомнил: эти сани он недавно реквизировал для отряда у попа Иосифа. Голову неподвижно лежавшего раненого наглухо закрывала оленья шапка. Оноев приподнял её и встретился с глазами Чинарина.

— Иван Иванович, как себя чувствуете?

— Пошли мне Костю Амурского,—вместо ответа сказал Чинарин изменившимся, дребезжавшим голосом.

Иван Иванович Чинарин был хорошим учителем, прекрасным агитатором, честным большевиком. Военное дело он совершенно не знал и лишь обстоятельства вынудили его возглавить вооружённые силы Марыкчана—партизан и присоединившуюся к ним небольшую группу красноармейцев. После отправки в

Якутск предателя Пыжьянова, командование охотским отрядом принял на себя Каратаев, назначенный на эту должность областным военкоматом. Каратаеву пришлось сразу двинуться в поход по тракту, перерезанному бандой Согуйского. Вершить военные дела в районе Марыкчана остался Чинарин. Отступление, гибель молодых комсомольцев в первой схватке—эти события тяжёлым грузом сдавили мысли раненого Чинарина. «Коля Манасов, окружённый в Майдархане, конечно, погиб,—думал Чинарин.—Здесь убиты Бологуров и Уланцев... Жив ли Елисей Бурский—неизвестно. А если жив, довезёт ли он до Якутска арестованного Пыжьянова?»

Расспросив подъехавшего Костю Амурского о движении колонны, Чинарин стал дожидаться привала. Мерно шумели ветви лиственниц, сани покачиваясь плыли в туман. Сквозь полудремоту командиру послышался лай собак. Отряд подъезжал к жилому месту. Несколько юрт дали знать о своей близости запахом дыма, низко расстилавшегося под пологом тумана.

Фельдшер Маханин, подъехав пораньше, развёртывал лазарет в самой большой юрте. Напрасно он уговаривал Чинарина лечь вместе с ранеными бойцами. Командир велел ехать к дому, где расположен штаб. Там двое бойцов помогли ему выйти из сани.

Пока партизаны располагались на отдых, фельдшер осматривал своих пациентов, а коноводы расседлывали лошадей. группа разведчиков Оноева добралась до речки Аар. Дорога была пуста. За рекой чуткий Оноев услышал далёкий скрип снега. Кто мог ехать поздним часом по безлюдной реке? Оноев не долго сомневался. Это могли быть только бандиты. Вслушиваясь привычным ухом, разведчик определил—идут два или три коня. У Оноева было четверо бойцов и он решил попытать счастья. Захватить вражеских разведчиков всегда заманчиво. Партизаны спрятали стреноженных лошадей в кустах. Трёх партизан Оноев поставил внизу, у самого берега; четвёртого бойца, Мохсоголова, известного своей ловкостью, Оноев взял с собой. Оба залегли в тальниках на обрыве, нависшем над узкой лентой дороги. Мохсоголов, пощипывая ледяные сосульки, нарощие на усах, первым увидел силуэты двух всадников. Спустившись к реке, всадники остановили коней и о чём-то заговорили. Потом один медленно переехал ледяную извилину

Аара и стал подниматься на берег. Второй всадник не двигался. «Обоих не захватить»,—решил Оноев и не раздумывая спрыгнул на дорогу перед самым носом взметнувшейся на дыбы лошади. Узда вражеского коня плотно осела в напружиненной руке Оноева. Всадник, одетый в оленью доху, соскочил наземь и поднял ружьё. Выстрелить он не успел. Ловкий Мохсоголов вцепился в него сзади и повалил. Оноев вырвал оружие. Пленному скрутили руки. Стук копыт на том берегу оповестил о бегстве второго неизвестного.

— Откуда путь держишь?—спросил пленного Мохсоголов.

Оноев, держа под уздцы захваченную лошадь, с любопытством всматривался в незнакомое лицо.

— Откуда ехал, там не остался,—резко ответил пленный.

— Ну, ну, не очень храбрись. В штабе заговоришь по-другому,—с угрозой вмешался Оноев.—Эй, ребята, веди коней!

Партизанская группа, окружив пленника, посаженного на его собственную лошадь, рысью двинулась обратно. В штабе фельдшер заканчивал перевязку последнего пациента—Чинарина. Пленника втокнули в юрту и подвели к наре, где, опираясь на подушку, сидел командир. Оноев доложил о результатах разведки. Сообщение о бегстве второго всадника не заинтересовало Чинарина. Его внимание было неприятно поражено видом пленного бандита. Статный юноша, лет двадцати, узкоглазый, но с приятными чертами лица, пленный держался спокойно и даже с гордостью. «Что тянет такого парня, видимо не из богатой семьи, к бандитам?»—размышлял Чинарин. Между тем фельдшер, беспокоясь за Чинарина, стал выговаривать Оноеву:

— Зачем вы сюда привели, передали бы Гусарову и пусть с ним расправляется. Ивану Ивановичу надо отдохнуть. Ввалились целым взводом. Товарищ Чинарин, велите им убираться...

Пленник вздрогнул.

— Постойте, постойте! Как это? Вы—Иван Иванович Чинарин, председатель Марыкчанского ревкома?—голос пленного стал почтительным.

— Ну да, ты попался к партизанам Чинарина! От этого тебе лучше не будет,—сердито заговорил Сеня Оноев,—ты назови себя!

— Если и вижу перед собой товарища Чинарина, то он знает моего друга Николая Манасова,—не обращая внимания на угрожающие слова Оноева, молвил загадочный пленный.

— Где ты встречал Манасова?

— Этого я не скажу, пока не докажете мне, что вы—Чинарин.

— Говори открыто. Я действительно—Чинарин, и ты в плену у марыкчанских партизан...

Пленный, очевидно, был не из легковых. Подозрительно оглядывал он раненого Чинарина и окружавших его партизан. Сомнения и надежды отражались на его покрасневшем лице.

— Пока я не уверюсь, что вы красные, о Манасове ничего не скажу. А о себе скрывать не стану. Я—партизан из майдарханского отряда.

Услышав, что пленный из Майдархана, Костя Амурский вспомнил о Сугунове, майдарханском милиционере. Случайно попав в окружение, Сугунов вступил в отряд марыкчанцев. Вызвали Сугунова.

— Мишка Аной!—закричал Сугунов, только войдя в дверь и взглянув на мнимого бандита.—Откуда? Как майдарханцы? Где Манасов?

Обрадованный и окончательно уверившийся в том, что он в чинаринском отряде, Миша Аной подробно отвечал на бесчисленные вопросы.

Оказалось, отряд Манасова, после отхода по речке Аар, сумел уйти от противника и стоял лагерем совсем неподалёку. Чинарин выделил людей, которые должны были поехать вместе с Аноем к Манасову и привести сюда майдарханский отряд.

Отправив людей, Чинарин успокоился. Соединение обоих отрядов было достигнуто, правда, по чистой случайности, но скорее, чем предполагали планы марыкчанского, да, вероятно, и майдарханского штабов. Так или иначе, теперь можно было решить вопрос о совместных действиях. Спустя два часа, топот коней, людские крики и непрерывный визг полозьев под окнами штабной юрты дали знать дремавшему Чинарину, что майдарханские партизаны прибыли. В штаб зашёл Оноев.

— Иван Иванович, не спите? Манасов хочет узнать, когда может вас увидеть?

— Что ж ты спрашиваешь, зови скорее!

В запорошенных снегом мохнатых дохах на пороге юрты появились двое. С Манасовым вошла молодая девушка. Сердечно поздоровавшись со своим другом и учителем, Николай Манасов познакомил:

— Маруся Ордонская, завхоз нашего отряда.

— Здравствуйте, товарищ Маруся,—улыбаясь, пересиливая боль, протянул руку Чинарин. Он сразу догадался: для его ученика девушка не просто «завхоз нашего отряда».

Несмотря на воркотню фельдшера, Чинарин велел пускаться к себе всех. Штабная юрта скоро превратилась в гудящий муравейник. Скинув шубы и дохи, повсюду расселись молодые партизаны обоих отрядов. У всех было радостно на душе. Первая цель, к которой с такими трудностями рвались большевики Марыкчана и Майдархана, была достигнута. Силы красного сводного отряда удвоились.

Рассказав о своей работе в Майдархане, Манасов представил Чинарину героя своего удачного похода—старого проводника.

Благодаря его выдумке—прорубить лёд и вызвать искусственную наледь, закрывшую путь шайке, майдарханцы спокойно прошли по всей речке Большой Баал и вышли к Аару.

Рассказ Чинарина был не так бодр. Манасов узнал о гибели младшего из первой четвёрки марыкчанских комсомольцев—Гени Бологурова и о смерти Уланцева. Напоследок Чинарин намекнул, что родители Коли захвачены бандитами и, по всей вероятности, тоже погибли.

Невесёлые новости сообщил своему воспитаннику учитель. Радостная встреча закончилась грустной беседой. Чтобы рассеять подавленное настроение осиротевшего ученика, Чинарин приказал ему совместно с Гусаровым принять руководство обоими отрядами и готовиться к походу на Дабан. Выступление назначили на полночь.

Объединив разрозненные партизанские группы, сводный отряд шёл через таёжные глухомани, пересекал мёрзлые болота и пустынные снеговые долины. Стояли тёмные зимние дни. Грузные туманы вплотную прижимались к замёрзшей земле. По следам отряда долго клубился пар от дыхания людей и животных. Олени, нарты, лошади, сани, всадники,—все были укутаны лёгкой дымкой испарений. Привычные к холоду люди не замечали погоды. Они торопились к Дабану. Въезжая в широкую долину, за которой начинался горный перевал, Манасов узнал мест-

ность, по которой когда-то он впервые ехал в Дабан агитировать верующих на постройку школы вместо церкви.

Охотский тракт принимал на себя партизанский поток. По сведениям Чинарина, в пяти верстах от Дабана, в долине, носившей странное имя «Поющая песню», должен был находиться лагерь белобандитов. Однако разведка установила, что долина пуста, а на подступах к Дабану происходит передвижение конных и пеших людей. Манасов остановил колонну и посоветовался с Сидором Булукой. Выехав на тракт, можно было попасть в перехват. О силах и расположении противника данных не имелось. Положение самого Дабана тоже оставалось неизвестным. Кто там—красные или белобандиты?

Задержав отряд около тракта, Манасов решил сам разведать положение. Вдвоём с Булукой они пробрались на тракт. Игольчатая пороша, затянувшая лёгким налётом полотно дороги, была истоптана следами многих десятков коней. Всё говорило о передвижении врагов к Дабану.

— Боюсь, не захвачен ли Дабан. Следы, правда, ещё свежие, но по тракту бандитам некуда идти, иначе как туда...

— Что же будем делать мы?—спросил Булука.

— Это надо решить, посоветовавшись с Чинариным и Гусаровым.

Гусаров ожидал Манасова без всякого нерпения. Казаюсь, этот красный командир лишён способности волноваться. Вместе с красноармейцами ударной группы Гусаров стоял в авангарде колонны.

— Понятно,—сказал Гусаров, выслушав предположения Манасова.—Шайка пошла к Дабану. Но дотуда ещё десять вёрст. Где сейчас бандиты? Где наш дабанский гарнизон? Этого мы не знаем. Я думаю, надо устроить колонну на отдых в каком-нибудь удобном местечке, а дальше будет видно, как и что. Спешить пока некуда.

Манасов согласился. По снежной целине отряд подвели к пустовавшим юртам займки бывшего дабанского головы Островца. Оттуда до Дабана насчитывалось не более двух вёрст. Конные разведчики, по два—по три, полетели на поиск по всей округе. Отряд Чинарина прощупывал местность, покинутую белыми.

В этот день командир дабанского партизанского гарнизона Марьяс Искандеров поздно вернулся с обхода застав. Исканде-

ров сильно продрог. Татарин по национальности, уроженец далёкого юга, он не привык к суровой якутской зиме, а в последние недели в Дабане стояли большие морозы. Греясь около раскалённой печурки, Искандеров поглаживал иззябшие руки. Чисто выбритый, с коротко остриженными волосами, он походил бы на якута, но глаза у него были большие, не якутские и не татарские. По внешности Искандерову можно было дать больше его тридцати лет. Почти треть жизни этому человеку пришлось не выпускать из рук винтовки. Родился он за тысячи вёрст, у южного моря. Сариф Аягузов, отец его, кошкокат по ремеслу, после рождения сына нанялся в пастухи к местному мулле. Больная мать Марьяса умерла, когда он только начал ходить. Мальчуган рос под присмотром родственников. С отцом приходилось встречаться не часто.

«Пастух есть пастух и его место со стадом»,—повторял Сариф Аягузов слова хозяина, встречаясь с сыном.

Из детских воспоминаний в памяти Марьяса Искандерова запечатлелся один страшный день. Соседняя казачья деревня, враждовавшая с татарами, пришла рубить мост через овраг. Овраг был спорным местом между деревнями. Марьяс издали видел дикую сцену кровавой драки и отца, отбивавшегося дубиной от блестевших на солнце лезвий то олов. Через сутки в деревню явилась полиция. Несколько односельчан и отец Марьяса были арестованы и бесследно исчезли. Так Марьяс Искандеров остался круглым сиротой. Несколько лет прожил он у чужих людей. По счастью, эти люди оказались настолько добры, что Марьясу удалось даже поучиться в начальной школе. Там он был записан под фамилией своих благодетелей—Искандеров. После школы Искандеров работал подёнщиком в родной деревне, пока не грянула русско-германская война. В серой шинели, в солдатских сапогах зашагал Марьяс Искандеров по кровавым полям сражений. Он видел и разгромленные немцами польские деревни и выжженные австрийцами посёлки галицийских хлеборобов. В феврале семнадцатого года, находясь в карауле у арестного помещения, Искандеров услышал о свержении царизма. Он раскрыв двери арестованным, выпустил солдат, ожидавших полевого суда, и ушёл сам. Куда? Конечно, в родную деревню. Но добраться туда не удалось. Россия кипела, как огромный котёл. Помотавшись по многим городам и сёлам, Искандеров в Октябре вступил добровольцем в Красную Гвардию. Дальше начались месяцы и

годы битв с белыми, зелёными, белозелёными и другими мастьями контрреволюции.

С отрядом мадьяр-большевиков Марьяс приехал в Сибирь. Иркутский военкомат перебросил его в Якутск, а Якутск—в Дабан. Здесь он должен быть военным комиссаром, а стал партизанским командиром.

Вспоминая о своей жизни, Марьяс Искандеров отдыхал на узкой скамейке возле печки. В деревянном просторном доме, занимаемом дабанским штабом, всюду топилась печи, хлопали двери, глухо гудели голоса партизан. Со дня на день ожидалось наступление бандитов, и люди ночевали в штабе или в соседних с ним юртах. Искандеров привык к сумятице, днём и ночью гудевшей в коридоре, и долго не обращал внимания на чей-то упорный стук в дверь. Без разрешения вошёл завхоз отряда Петушков. Завхоз частенько надоедал Искандерову, требуя от него материалов для пошивки матрацов. Петушков собирался наготовить этих спальных принадлежностей для будущего госпиталя, по меньшей мере, на сто коек.

— Ну, чего тебе? Опять с матрацами?—неприветливо встретил завхоза Искандеров.

— Товарищ Искандеров, командир второй роты Велосов обещает меня расстрелять. Он требует хлеба по норме. А где я возьму эту норму? Не успеваем выпекать,—обиженно заговорил Петушков.

— Хлеба надо выпекать, сколько нужно. Это твоё дело, за него с тебя и спрашивают.

— А где я буду выпекать? Пекарных печей всего-навсего две, да и хлебопёков двое. Прошу, прошу, чтобы дали людей,—не дают. Якутские женщины печь хлеб не умеют, поискали бы среди красноармейцев. Может, найдётся пекарь.

— Ищи людей. Пеки хлеб день и ночь, да чтоб командиры не жаловались на нехватку хлеба. Разрешаю взять в хлебопёки одного красноармейца, если найдётся умеющий. Ступай!

Обиженно моргая, Петушков хотел что-то возразить, но раздумал и повернулся выйти. В дверях завхоз столкнулся с каким-то стариком. Оправив на себе овчинный полушубок, старик снял шапку. Седая голова и реденькая бородка показались Искандерову знакомыми.

— Товарищ командующий,—хрипло забасил старик,—твои солдаты обижают. Окажи милость, защити.

— Кто тебя обидел? Чем?—Искандеров отошёл от печки и сел за стол. Старик отвесил Искандерову поклон и, как заправский жалобщик, обращающийся к судье, принял почтительную позу. Говорил он чистым русским языком.

— Нанимался я печи класть в новой школе. Всё лето кирпич готовил. Семь тысяч штук обжѐг. А твои солдаты не спрося кирпич на колокольню таскают. Окна там закладывают, укрепленья строят. Пулемѐт, что ли, там поставили. Ну, моѐ дело сторона! А зачем кирпич без спроса брать? Да ещё огород у меня развалили, коней туда за изгородь напустили. Это как? По-партизански, да? Я в каторге, да в ссылке двадцать три года бедую, сын в партизанах в Бояркинской слободе у командира Бройдо, а меня здесь свои, красные, грабят. Да ещё смеются, дескать,—татарин, помалкивай...

— Разве ты татарин?—перебил по-татарски Искандеров.

— Татарин,—обрадовался старик, услышав звук родной речи, и стал уже по-татарски продолжать свои жалобы. Искандеров не любил жалобщиков и тёплое чувство к земляку, возникшее было при разговоре на родном языке, растаяло, сменившись равнодушием.

— Не время для жалоб, старик. Кирпич твой взят для партизанского дела, потом его тебе возвратят. А коней я велел всех согнать поближе к штабу. Ты, кажется, не белобандит, бедняк, должен понять, за кого мы боремся.

Но старик не унимался.

— Полсвину побыют, пока на колокольню стаскают. Командир Кожухов до тебя был, тоже утешал, терпи, говорит, скоро порядок будет. А вместо порядка—грабѐж.

— Тебя не из Казани за конокрадство на каторгу послали?—сердито сказал Искандеров. Старик гордо выпрямился.

— Сариф Аягузов кражами не занимался! За правду, за святое дело в каторгу меня послали...

Искандеров удивлённо встал из-за стола. Старик стоял не шевелясь. В сухой, сморщенной руке дрожала меховая шапка. «Не может быть, чтобы это был отец,—думал той порой Искандеров.—Лицо чем-то напоминает, но отец моложе. Хотя, двадцать три года, каторга, Сибирь,—состарят кого хочешь раньше срока». Думая так, Искандеров решил открыть себя.

— Не знал я, что человек, защищавший двадцать три года назад деревенский мостик, не побоявшийся казацких топоров, такой человек откажет в помощи народным бойцам в Якутии...

У старика раскрылся рот, задрожали колени, шапка выпала из рук. Глаза с жадной надеждой пробежали по лицу Искандерова.

— Ты кто?

— Я сирота, у которого отец когда-то был настухом кизлярского муллы.

— Марьяс!—хрипящим шопотом проговорил старик.

— Да, я Марьяс Искандеров, по отцу Аягузов,—сдерживая волнение, отвечал красный командир.

Старику хотелось обнять сына, но он не посмел. Старческие рыдания душили Сарифа Аягузова.

— Сын, сын, сын!—повторял он по-татарски, по-якутски и по-русски. В дверь загрохотали нетерпеливые стуки.

— Командир, бандиты наступают!

Искандеров бросился к полушубку, схватил маузер. В коридоре слышались крики бежавших людей.

— Откуда идут?

— С летних выпасов!

— Много?

— Кто считать станет...

На дворе поросил снежок. Искандеров прыжком заскочил в седло и огрел плетью ошалевшего жеребца. На восточной окраине Дабана ухали винтовки. С колокольни огненным языком хлопала пулемётная очередь. Со стороны летних выпасов наступающие вели редкий, но безостановочный огонь. Деревянные осколки сыпались с заборов и стен домов. Галопом пролетел командир к восточному краю посёлка. Ротный Велосов встретил его у баррикады, перегородившей тракт на въезде в Дабан.

— Как у тебя?

— В порядке,—отвечал Велосов, показывая на партизан, занятых перестрелкой.

— Смотри, держись!

— Выстоим!

Искандеров повернул коня и поскакал на другой конец. Подъезжая туда, он услышал стрельбу на южной окраине. Бандиты наступали с трёх сторон. Мимо Искандерова пробежал со своим помощником завхоз Петушков. Оба спешили к дому, где

располагался госпиталь. На согнутых спинах бежавших громоздились новёшенькие матрацы. «Ловко,—усмехнулся командир,—не забыли матрацов». Его порадовало, что люди занимают места по боевой тревоге толково, исполнительно, без понуканий. Нарастающий рокот ружейного огня говорил о стойкой обороне. Лихорадочной стрельбы со стороны партизан не было. А всё-таки белобандиты подошли к посёлку вплотную довольно быстро. Около завала, прикрывшего западную окраину, под Искандеровым убили лошадь. Конь ничком упал на землю, едва не задавив наездника. Подняв маузер, Искандеров подбежал к пулемётчику. Тяжёлый «Кольт» молчал.

— Почему не стреляете?

— Ленту перекосило, так её перетак,—ругался пулемётчик, окоченевшими пальцами копясь в затворе.

«Максим», установленный на колокольне, работал с чёткостью. Искандеров разозлился, оттолкнул пулемётчика и взялся за дело сам. Со стороны наступающих раздались крики «ура», передовая цепь бандитов поднялась и побежала в атаку. В эту минуту Искандеров выправил перекос и лёг за щиток. Срезанные настильным огнём, посыпались чёрные фигуры наступавших. Вместо криков «ура» слышались вопли. Атака белых сорвалась в самом начале. Искандеров передал «Кольт» пулемётчику, поговорил с командиром первой роты и, наказав ни в коем случае не подпускать врага близко, побежал к церкви. Старая дабанская церковь стояла в середине посёлка. Под самыми колоколами здесь было построено пулемётное гнездо. Искандеров хотел зайти к пулемётчикам, но из широко распахнутой церковной двери навстречу ему под конвоем вывели запыхавшегося якута. Завхоз Петушков, неизвестно почему очутившийся в роли конвоира, доложил, тыча прикладом в захваченного человека:

— Иннокентий Харачаев, председатель поселкового ревкома. Арестовали по распоряжению уполномоченного Чека товарища Тогузовского.

— За что?

— Пытался взорвать гранатой лестницу на колокольню. Товарищ Тогузовский...

— Ведите! Потом разберусь!

Искандеров обошёл всю линию обороны и снова очутился на восточном конце Дабана. Здесь дела повернулись плохо. Цепь белобандитских стрелков прорвалась и засела в низинке, у само-

го въезда в посёлок. Выбить оттуда противника Велосов не решился, он просил помощи резерва. Правая рука Велосова висела на шарфе. Командир второй роты остался в строю и не пошёл перевязываться. Искандеров не стал его ругать, как сначала намечалось.

— Сами справитесь, резерва не дам. Эй, готовься!—закричал Искандеров, перебегая по цепи партизанских стрелков. Стрельба прекратилась. Красные готовились в контратаку. В низинке, где сидели белые, творилось что-то непонятное. Загремели выстрелы откуда-то издали, потом послышались крики: «Стой! Не стреляй! Свои, свои!» Но выстрелы в тылу белобандитов учащались.

Не долго думая, Искандеров приказал возобновить огонь. Бандиты, засевшие в низине, закричали ещё громче. Их расстреливали с двух сторон.

— На пригорке появились какие-то люди, ведут бой с беляками. Неладно что-то у них в тылу,—сказал Велосов.

Разрозненные цепочки белобандитов вперебежку отступали по зарослям к тайге. Связные сообщали об отступлении беляков от западной и южной окраин. Кольцо окружения Дабана распалось. Искандеров ничего не мог сообразить. Пулемёты замолчали. Одиночные выстрелы винтовок и ружей постепенно затихли. Дабанский командир готовился высылать разведку. Она оказалась ненужной. Громкий голос с бывших вражеских позиций прокричали по-русски:

— Товарищи дабанцы! Слушайте! Мы—представители Марыкчанского сводного отряда красных партизан! Пошлите нам человека для переговоров.

Искандеров не мог решить: провокация это или действительно каким-то чудом в Дабане очутился марыкчанский отряд. Велосов тоже колебался. Вызывающие парламентаря поняли нерешительность дабанцев. Тот же громогласный голосище отчётливо прогремел:

— Ладно! Не бойтесь! Не стреляйте! Я, красный командир Гусаров, сам иду к вам. Со мной один боец. Не опасайтесь!

Дабанцы всё-таки опасались. Навстречу двум вышедшим из зарослей фигурам пошёл Велосов со своим пулемётчиком. Лунный диск, прорвавший туман, осветил голубую поляну, на которой сошлись четыре человека. Искандеров глядел, всё ещё не веря глазам. Обменявшись рукопожатиями, вся четвёрка шла к нему, посмеиваясь и оживлённо разговаривая.

— Свои, товарищ Искандеров,—предупредил Велосов. Но Искандеров, вспотев от радости, уже протягивал руки высокому детине в красноармейском шлеме. Люди были ему знакомы. Все-го месяц назад они виделись в Марыкчане.

— Здравствуйте, дорогой товарищ Гусаров! Как же это вы бросили Марыкчан?—шутил Искандеров, обнимая гостей.

— А вот так и оставили. Вас поглядеть захотели!—отвечал Гусаров.—Тебе помогать пришли, да, кажется, во-время поспели...

Дело объяснилось просто. Разведка марыкчанцев, двигаясь по следам белобандитов, решивших овладеть Дабаном, услышала перестрелку и сообщила своему штабу. Чинарин и Гусаров реши-ли ударить по белякам с тыла. Операция удалась блестяще. Уверенные в своих силах, увлекшиеся боем белобандиты попали между двух огней и, отступив с большими потерями, разбежались по тайге. Так красный посёлок Дабан стал местом встречи трёх отрядов. Партизаны становились внушительной силой на Охотском тракту.

24

Пурга швыряла горсти снега в окна дабанского штаба. Слово крупницы соли, с дребезгом ударялись сухие снежинки в рамы, в стены, шуршали в трубах печей. В прорывах туч иногда открывались звёзды, они мерцали, как будто раздуваемые ветром, и снова тухли.

В комнате, освещённой одной стеариновой свечёй, заседали командиры партизанских отрядов. На узком дощатом столе стояла медная чернильница, давно пустая. Писать было некому и нечего. Все дела в то время решались чаще всего на словах. Из рук в руки переходила засаленная, грязная полоска бумаги. Командиры изучали карту реки Аар, грубо нарисованную домо-рощенным топографом.

Председательствовал Марьяс Искандеров. Выступление сводного отряда для активных действий было решено. Споры шли о том, в каком направлении тракта развивать операции. Командир первой роты Семигук, молоденький, кудрявый, щеголеватый, заломив папаху, долго отстаивал восточное направление. По его мнению, надобно было двинуться на Бояркинскую слободу. Конечно, дорога трудная. Но там в окружении отряд Бройдо. Соеди-

нившись с ним, Семигук предлагал создать укрепленный район и ожидать лета. Было известно, что красный полк под командой «дедушки», Нестора Каландарашвили, двинулся в Якутию с юга.

— Товарищ Семигук говорит правильно, — поддержал командир второй роты Велосов. Рука у него была аккуратно забинтована и висела на полотняной перевязке. Марьяс Искандеров хмуро слушал высказывания своих командиров. Он ожидал, что скажет Гусаров. Тот не торопился. Мнение начальника марыкчанского сводного отряда волновало Искандерова. У него вопрос был давно решён. Гусаров долго рассматривал карту, потом, разложив её на столе около свечки, измерял циркулем, качал головой. Высказались все, а он всё ещё что-то подсчитывал, раздражая своей медлительностью Искандерова. Возражать дабанским командирам Гусарову не очень хотелось, а план у него вырисовывался иной. Гусаров стоял за западное направление похода. Решившись защищать свою мысль, он стал высказываться, старательно подбирая доказательства. Оба пути связаны с препятствиями, везде придётся двигаться с боями. На восточной стороне тракта особенно беспокоила Гусарова большая шайка корнета Коробейникова. Без большого боя встреча с Коробейниковым не обойдётся. Не исключена возможность, что Бояркинская слобода в руках белых. Где тогда будет базироваться сводный отряд?

— Что ты предлагаешь, сквозь землю провалиться нам что ли? — сердито выплюнул недокурную папиросу Велосов.

— Проваливаться не надо, — ответил невозмутимый Гусаров, — надо двинуться на запад и вернуть Марыкчан...

План Гусарова был таков. По дороге на Марыкчан основные силы бандитов разгромлены и не успели ещё оправиться от недавних поражений. Мелкие столкновения для сводного отряда не страшны. Банда Абыланова, осевшая в Марыкчане, тоже пока не в состоянии серьёзно сопротивляться объединённым отрядам. Захват Марыкчана, по мнению Гусарова, открывал путь к озеру Юнгюлю, где охотский отряд Каратанова сражался с бандой Согуйского. Соединившись с Каратановым, Гусаров предлагал укрепленный район создать в Марыкчане. Отсюда, скользя значительные силы белобандитов на большом протяжении тракта, можно помогать Якутску. Последнее обстоятельство Гусаров подчеркнул. Пока подойдёт полк Каландарашвили, Якутску надо помогать.

Слушая Гусарова, дабанский командир морщился всё больше и больше. По праву председателя он взял на себя итоговый вывод.

— Товарищ Гусаров предлагает нам захватить Марыкчан. Я считаю это преждевременным, безнадёжным делом. Можно не сомневаться, зная Абыланова, что в случае нашей удачи он сожжёт весь Марыкчан и оставит нам только пепел. Но, допустим, мы смогли овладеть Марыкчаном и Абыланов не успеет сжечь дома. Подумал ли товарищ Гусаров о продовольствии и фураже? Запасы в Марыкчане безусловно, разграблены, да немного их и было. Особенно нас ударит отсутствие сена, его придётся возить издалека, добывать каждый стог и вывозить с боем. Кони — наша сила. Куда мы двинемся без лошадей и оленей?.. А доставка продовольствия? Его тоже пришлось бы возить за многие вёрсты. Иное дело с походом на восток. Есть данные, что Бояркинская в руках красных, и мы будем там, как дома. Соединившись с отрядом Бройдо, мы ещё увеличим партизанские силы. Далее, в Бояркинской слободе большие запасы продовольствия, собранного по продразвёрстке. Хлеб, мясо, масло! Запасы фуража там почти не тронуты. Да и во всех окрестностях хорошие пастбища. Мы сможем продержаться там любое время, до прибытия красных регулярных войск с юга. Тогда мы выполним своё задание, подорвём белый тыл. Товарищ Гусаров должен присоединиться к мнению большинства,— закончил речь дабанский командир.

— Что же, я не ставлю своё личное мнение против большинства,— ответил Гусаров. Решение было принято. Выступление отрядов назначили на утро. Искандеров оторвал клочёк старой газеты, покрывавшей стол, и угостил всех крупнорезаной махоркой-самосадам. Командиры закурили, стали одеваться.

— Слушай, товарищ Искандеров, за что у тебя арестован председатель местного ревкома?— спросил Гусаров, застёгивая полушубок.— У меня бойцы шумят по этому поводу.

— И у меня тоже,— вставил слово Семигук.

— Не разобрался ещё. Харачаева арестовали по распоряжению уполномоченного Чека. Говорят, пытался взорвать пулемётное гнездо во время налёта бандитов. Хорошо, что напомнили. Я здесь человек новый, местных работников знаю плохо. Надо выяснить...

Искандеров не закончил. Распахнув дверь, в комнату вбежала девушка в халате, запачканном тестом. Руки её были покрыты

слоем мучной пыли. Потирая озябшие на улице уши с дешёвенькими серьгами, девушка обратилась к Искандерову:

— Кто тут главный? В пекарне беда!

— Что за беда? Хлеб подгорел?—усмехаясь, спросил Искандеров.

Дело оказалось посерьёзнее хлеба. Командиры не верили себе, таких вещей не случалось в дисциплинированных красных отрядах. То, что говорила девушка, можно было назвать бунтом. Вооружённые люди ворвались в пекарню, схватили завхоза Петушкова, свалили без всяких разговоров на пол, обыскали, отобрали револьвер и куда-то увели. Среди нападавших был только один, которого девушка знала в лицо. По описаниям—это был Манасов.

— Не знаю, как его фамилия, марыкчанский парень, за начальника у них ходит,—говорила девушка, оправляя растрепавшиеся волосы мучными руками.

— Где сейчас Петушков?—с досадой спросил Искандеров.— Ты не видела, куда его повели?

— На улице было много партизан. Среди них стояли Иван Бахов, чекист Тогузовский и Кочергин—пулемётчик. Их, кажется, тоже арестовали эти марыкчанские парни. Куда поведут, не знаю. Иннокентий Харачаев там стоял. Отпустили его из-под ареста.

— Товарищ Гусаров, в твоём отряде бунт?—спросил Искандеров, расстёгивая кобур маузера.

— Не горячись. Я сейчас наведу порядок.

Гусаров исчез за дверью. Искандеров приказал своим командирам отправляться будить людей. Командиру второй роты Велосову он поручил прислать немедленно десять красноармейцев в распоряжение штаба. Встревоженные, недоумевающие командиры ушли. Искандеров оделся, осмотрел оружие и, ожидая бойцов, раздумался о непонятном происшествии. Проездом в Дабан Искандеров останавливался у Чинарина и слышал от него хорошие отзывы о Николае Манасове. Этот парень вчера делал доклад о работе комсомола в объединённых отрядах и понравился дабанскому командиру своей рассудительностью. Тут Искандеров припомнил, что Манасов не только агитатор, а организатор майдарханского отряда. «Нет, такой парень не станет бунтовать, я зря так подумал,—сказал сам себе дабанский командир.—Что-

нибудь неладное наделал Петушков. Опять, наверное, с хлебом. Пустой скандал, вечно этот завхоз не ладит с командирами».

— Ты что, в халатишке сюда и прибежала?—Искандеров словно впервые заметил, что девушка из пекарни пришла с улицы в рабочем наряде.

— Когда было одеваться? Всё в пекарне перевернули, как хватали Петушкова. Думала, стрелять станут.

— Как твоя фамилия?

— Аягузова.

«Так вот какая у меня сестра в Сибири выросла»,—окинул девушку пристальным взглядом Искандеров и новое чувство—старшего брата—наполнило его непривычной мягкостью.

— Ступай домой. Надень доху, потом пришьлешь. Студёно на улице.

Девушка поколебалась, но покорно взяла собачью доху, валявшуюся в углу, укрылась с головой и ушла. Через минуту в дверь стукнули прикладом.

— Входи!

Зашёл румяный с мороза красноармеец. На коротком полушубке блестели снежинки. Сверкающий английский патронташ туго обтягивал поясницу.

— Старший по наряду! Десять бойцов второй роты явились в ваше распоряжение.

— Располагайтесь в комнате напротив. В коридоре поставь часового.

— Слушаю, товарищ командир.

Гусарова, явившегося с Манасовым, дабанский командир встретил, как будто ничего не случилось. Он даже усадил Манасова рядом с собой.

— Ну, садись, садись, молодой командир. Что там случилось с Петушковым?

Искандеров настроился шутливо и покровительственно. Самовольство Манасова он объяснял молодостью, горячностью и больше не собирался обескураживать симпатичного парня обвинением в бунте. Манасов держал себя, как подобает со старшим командиром, почтительно. Для начала он извинился за самовольные действия, а потом объяснил их.

Дело, закончившееся в пекарне, началось в пяти верстах от Дабана. По поручению Гусарова, Манасов с четырьмя бойцами разведывал тропы по речке Кулукан. Было предположение,

что в этих местах, минуя тракт, бандиты западных районов имели связь с шайкой Коробейникова. Разведка не достигла успеха. Возвращаясь, красноармейцы всугнули косяк лошадей, пасшихся на подножном корму. Якутские лошади, подобно оленям, привычно копытили снег и добывали перемерзшую траву широкой поляны. Не желая разгонять испуганных лошадей из косяка, Манасов остановил разведчиков, чтобы кони успокоились. Это происходило уже около самого тракта. Когда успокоенный косяк пересёк дорогу, снова направляясь к пастбищу, одному из красноармейцев показалось, что по тракту идёт пеший человек. Это было неправдоподобно. Одинокий пешеход на пустынном зимнем тракту! Манасов велел бойцам залечь возле дороги. Действительно, какая-то смутная белая тень несколько раз появлялась на тракту и снова исчезала. Потом тень вышла на тракт вблизи разведчиков и двинулась, останавливаясь, словно прислушиваясь, мимо. Тень оказалась неизвестным в белом коленкоровом халате. По знаку Манасова партизаны разом вскочили, и ночной путешественник очутился в крепких руках, не имея возможности даже пошевелиться. Впрочем, он не сопротивлялся.

— Не давите меня,—сказал он простуженным шёпотом,—я свой, я человек Дракона!

При этом имени Манасов велел освободить руки задержанного.

— Вот вам письмо, прочтите, передайте, куда надо!—неведомый человек снял заячью шапку, отодрал нижний мех и вынул пакет. Манасов взял. Партизаны, ничего не подозревая, стали смеясь расспрашивать неизвестного, кто такой Дракон и как он не замёрзнет в таких холодных краях. Человек в коленкоровом халате, принимавший партизан за своих, ответил:

— Все вы, наверное, знаете Дракона, это Петушков. Сейчас он завхозом у дабанского комиссара.

Не скрываясь, незнакомец назвал и себя. Он—Алексей Тупсагаев, сын князья Юрдырхая. Не сразу поверил Тупсагаев, что он попал в руки красных. Порядочно перетрусив, вымаливая себе жизнь, бандитский связной показал на допросе, что на этом развилке дорог давно происходят встречи связных белобандитских шаек.

Тупсагаева доставили в Дабан. Здесь Николай Манасов продолжал допрос и выяснил из письма, каким способом человек, именовавший себя Драконом, сообщал партизанские военные тай-

ны белогвардейскому офицеру Кирикову. По заданию последнего, Петушков осенью приехал в Дабан. Бывший председатель местного ревкома Иван Бахов оказал содействие Петушкову, устроив его завхозом. Сегодня Петушков должен был послать Кирикову новые сведения о положении в Дабане. Чтобы не потерять времени, Манасов решил немедленно арестовать Петушкова. При обыске у последнего было отобрано письмо, назначенное к доставке Кирикову.

Манасов положил оба письма на стол. Закусив губы, Искандеров стал читать письмо Петушкова. Изменник оказался у него в отряде. Завхоз подробно сообщал Кирикову о последних дабанских событиях.

«Победа была уже обеспечена,—писал Дракон,—но случайно подошедший марыкчанский сводный отряд сорвал атаку». Дальше следовали цифры потерь белобандитов, сведения о численности марыкчанцев, оружия, коней, приводились данные о раненых и убитых. Дракон также сообщал о себе и своих действиях. В разгаре боя он готовился подорвать пулемётное гнездо партизан на колокольне,—граната не взорвалась. Дракону удалось вывернуться, обвинив в покушении ревкомовца Харачаева. Кроме того, в дело удалось замешать чекиста Тогузовского, поверившего доносу Петушкова. Петушков-Дракон рассчитывал, что с помощью лжесвидетельских показаний Ивана Бахова ему удастся добиться осуждения и расстрела Харачаева. В заключение Дракон советовал перерезать дорогу на Бояркинскую слободу, так как партизаны собираются куда-то выступить. «Точное направление,—писал Петушков,—мне пока неизвестно, но, вероятно, на восток».

Прочитав письмо, Искандеров покачал головой и стал читать второе. Лицо Искандерова судорожно дёргалось. Кончив чтение, он встал, придавил конверты полевой сумкой и подошёл к Манасову.

— Извини, и прими благодарность от дабанского отряда. Ты поступил, как следовало опытному командиру и настоящему бдительному большевику.

— Да, наш марыкчанский бунтовщик заслужил благодарность,—подтвердил Гусаров, закуривая махорку.

— Но почему, дорогой мой товарищ Манасов, ты арестовал чекиста Тогузовского и пулемётчика Кочергина?—спросил Искандеров.

— Потому, что Тогузовский, не проверив доноса, дал разрешение на арест председателя ревкома Иннокентия Харачаева. Надо ему было быть осмотрительнее, не доверять случайным людям, вроде Петушкова. О Тогузовском поэтому, когда будет возможность, я ещё поставлю вопрос в Якутске. Я сам—чекист. А Кочергина велел задержать за участие в аресте Харачаева. Этого можно отпустить.

— Ну, ладно, убедил во всём,—повеселел Искандеров.— Давай распорядись, пусть приведут твою добычу. Дело надо кончать без проволочек.

В комнату вошёл Иннокентий Харачаев. Он поздоровался с командирами.

— Как мне себя считать: под арестом или свободным?—спросил он.—У меня работа стоит...

— Свободным, товарищ Харачаев, свободным,—приветствовал его Искандеров.—Только скажи, зачем ты прятался возле колокольни, когда была брошена граната?

Оказывается, Харачаев, проходивший к своему дому, слышал, как по лестнице с колокольни, открытой настежь, кто-то бежал с криком: «Спасайся, гранаты рвут!» В кричавшем он узнал Ивана Бахова. В этот момент выскочивший из дверей Петушков набросился и скрутил ему руки с помощью Бахова. Пулемётчикам, сбжавшим вниз, Петушков сказал, что захватил Харачаева потому, что никто, как он, бросал гранату на колокольню. Пулемётчики едва не пристрелили Харачаева. В это время появился Тогузовский и, выслушав Петушкова, распорядился об аресте оклеветанного.

— Мне и слова не дали выговорить,—Петушков бил по лицу.

— Впредь будешь расторопнее, ты должен был арестовать Петушкова, а вышло наоборот. Какая у тебя, говоришь, работа стоит?

— Сани ремонтирую.

— Поспеси с ремонтом, чтобы к утру были готовы!—напутствовал Искандеров человека, едва не ставшего жертвой белобандитской провокации.

Петушков запирался долго. Только очная ставка с Тупсагаевым заставила его признаться. Подтвердив показания Тупсагаева и подлинность писем, Петушков замолчал, когда его попросили рассказать о себе.

— Да ведь нам не очень надо твое признание. Ты пойман и

уличён. С этим делом кончено. Нам интересно одно: зачем ты ездил в Охотск?—сказал Искандеров.—Впрочем, не хочешь—не надо...

Тогда Петушков заговорил:

— Я из духовной семьи. Учился в Петропавловске-на-Камчатке. Потом познакомился с контрабандистом, купцом Бударовым. Стал его помощником. Жили в Охотске. Три раза ездили вместе в Японию. В Июкогаме подружился с одним самураем. Самурай скупал контрабандную пушнину. После революции самурай побывал в Охотске. Просил меня помогать борьбе против русских большевиков... Говорят, нынче самурай умер.

— Понятно!—перебил Искандеров разговорившегося шпиона.—Остальное нам известно. Утешать тебя не стану. Скоро ты увидишься со своим самураем...

Было уже близко утро. Командиры разошлись по своим частям, где заканчивалась подготовка к походу. Одетые по-дорожному красноармейцы и партизаны заполняли улицы посёлка. Из госпитальной юрты выносили раненых. В сани с высокой спинкой укладывали Чинарина. Он не мог передвигаться, его вынесли на носилках. Николай Манасов и Костя Амурский уложили своего начальника на сено и накрыли меховым одеялом. В эти же сани садилась Маруся Ордонская. Манасов поручил ей во время похода лично следить за состоянием Чинарина.

Подводы с ранеными двинулись после передовых частей. На ящиках с медикаментами проехал фельдшер Маханин. Со двора пекарни выкатился воз с кухонной посудой. Коней вёл под уздцы старик Сариф Аягузов. Он остановился, пропуская ударную группу всадников Гусарова. Белая снеговая пыль столбом поднималась за последним рядом. Обгоняя всех, проскакал Иннокентий Харачаев, назначенный проводником колонны. За ночь он успел починить все сани. Колонна партизан выступила в поход звеньями, между которых ехали подводы, пулемёты, военный груз и фураж. Сариф Аягузов, забыв о своих кирпичах, ругал кашеваров, плохо привязавших квашонки. Неожиданно он услышал над собой татарскую речь. Натягивая поводья, возле него ехал Искандеров.

— Опять, старик, шумишь?

— Плохо подвязали посуду, не пришлось бы перевязывать в дороге,—отвечал Аягузов, влюблёнными глазами уставясь на сына. Марьяс сидел в седле, как вкованный. Позвякивала шашка,

лакированная кобура маузера висела на бедре. Отцовское сердце радовалось. Нашёл сына, и какого сына,—богатыря!

— Воюй, воюй, да потише, отец!—ласково проговорил Марьяс и пустил коня рысью. Голова партизанской колонны выходила за восточную околицу Дабана.

25

Зосима Абыланов скучал. Никогда ему не было скучно в Марыкчане. А вот заскучал. Раздувая плоские ноздри, он бродил по комнате, изредка заглядывая в окно. Две женские фигуры, под руку двигавшиеся пустоватой улицей, привлекли его внимание. Абыланов ухмыльнулся и стал натягивать приветливую улыбку на своё, обычно безразличное ко всему, лицо.

— Приятно встретиться с вами, решили зайти навестить,—запела здороваясь Дорофея Яснецкая. Спутница попадьи Дорофен, рослая жена Адама Будашевского, сладко улыбалась.

— Очень, очень рад,—кланялся Абыланов гостям.

Писарь Багыр, сидевший по обязанности в кабинете и изнывавший от безделья, оживился. Взяв какое-то письмо, он стал его читать, украдкой поглядывая в сторону женщин. На него не обращали внимания.

— Вот, мой дорогой, принесла вам маленький подарок. Перебирала сундук и нашла на дне последнюю пачку,—Ирина Васильевна Будашевская положила на стол яркую коробку папирос.—Вы любите покурить, хотела сделать вам удовольствие.

— Спасибо, спасибо! Давно папирос не имею. Курю листовой табак.

Раскуривая папироску, Абыланов стал жаловаться на трудности жизни и на марыкчанскую скуку. Гости поддакивали. У них было достаточно своих горьких жалоб.

— Ждали вас, ждали, а вы два дня к нам не показываетесь,—кокетливо переменяла разговор Ирина Васильевна.

— Не поверите, каждый день собираюсь, но скучнейшие дела не дают возможности.

— Скучнейшие дела можно отложить, выбрать свободную минуту. Когда по-людски жили, без этих большевистских партизан, ваш отец дружил с моим мужем...

— И к нам забыли дорогу. У нас Маша хворает,—Дорофея Яснецкая старалась поддержать разговор.

— Посвободнее буду, надоем вам.

— Что вы, что вы!—заворковала Ирина Васильевна.—Кстати, я зашла замолвить словечко за одного арестованного.

— Это за кого же?

Ирина Васильевна сделала самую кокетливую улыбку. Когда-то красивая женщина не хотела мириться со своим увяданием. Ей казалось, улыбнись она и для неё любой человек,—не только якутский князец,—сделает всё. Вчера Сардыхан, преданный многолетний батрак Будашевского, упал в ноги Ирине Васильевне и со слезами просил спасти сына. Ирине Васильевне пришла фантазия облагодетельствовать своего раба и, попутно, использовать случай навестить Абыланова. После захвата Марыкчана, Зосима Абыланов становился знаменитым человеком. На него была вся надежда бывших хозяев посёлка, окрестных тойонов, кулаков, торгашей и духовенства.

— Я прошу за сына нашего батрака Сардыхана, за Елисея Бурского.

— Вот за кого!—улыбка исчезла с лица Абыланова. Ирина Васильевна заметила это и продолжала атаку. Жеманясь, она объясняла ему, что у неё доброе сердце. Сардыхан работал у отца Зосимы Наумовича, человек смирный, услужливый, верующий в бога. Сын у него попал под дурное влияние большевика Чинарина и случайно очутился в комсомольцах. Чинарин соблазнил Елисея Бурского с помощью дьявола, это само собой понятно, так как все большевики связаны с преисподней. Надо спасти молодого юношу и обратить его на добрый путь.

— Позвольте, позвольте, Ирина Васильевна! Бурский был начальником милиции при большевиках, помните вы это? По его доносу были первые аресты наших людей в «Духоборке». Разве вы забыли? Как можно освободить такого человека?

Абыланов начинал сердиться. Ирина Васильевна не отступала. Она знает: за кого можно просить, за кого нельзя. Не он донёс о собрании заговорщиков в «Духоборке». Это выдумка лицемерки, жены Прокосова. Заговорщиков выдал Колька Манасов. Он сидел, спрятавшись в сарае, он знал о собрании и донёс своему учителю Чинарину. Вот если бы дело касалось таких потерянных людей, как Чинарин и Манасов, она бы слова в защиту не молвила, пусть бы их жгли живыми.

Зосима Абыланов стал ворошить волосы. Ирина Васильевна блистала красноречием.

— Хорошо, я велю освободить Бурского,—заговорил хозяин, снова стараясь улыбнуться.—Я лично считаю его опасным для нас человеком, но если вы просите за него—извольте!

— Спасибо, ах, спасибо, мой дорогой! Я знаю, что у вас доброе сердце, и вы не откажете женщине. Я знаю Елисея, если он ещё что-нибудь выкинет такое вредное, то ведь он у вас в руках.

— У меня тоже есть к вам просьба, Зосима Наумович. Я тоже прошу за одного человека,—засмеялась попадья Дорофея.

— А вы за кого?—с кислотовой гримасой спросил Абыланов.

— Сами знаете. У вас арестован Роман Татыйак. Помните, как он в церкви обругал отца Герасима? Во время богослужения, заметьте! Говорят, он юродивый, дурачок! Такие дурачки опаснее умных. Говорят, он подстрекал к бунту, за то и арестован. Пришла я попросить, нельзя ли избавиться от Татыяка... раз и навсегда...

— Исполню вашу просьбу, матушка Дорофея. Будьте спокойны...

Посидев ещё для приличия, гости ушли. Абыланов облегчённо вздохнул и, поправив револьвер, висевший у него на лакированной портупее, приосанился. Зосима Абыланов хотел казаться себе и другим настоящим военачальником.

— Эй, наливай-ка, чего глаза таращишь!—приказал он писарю. Багыр, давно дожидавшийся этой команды, мигом соскочил с места и, распахнув шкаф, достал начатую бутылку водки. Зосима Абыланов медленно выпил полный стакан.

— Хлебни!—сказал он Багыру.

Тот не заставил повторять приглашение и залпом проглотил свою долю. Бутылка исчезла в шкафу. Начальник и подчинённый одновременно откашлялись. Потом закрипела дверь, и появилась опухшая физиономия Тыкарая. Он носил громкий титул «начальника охраны».

— Нарочный приехал. Из летучего отряда. Пустить?

— Пусти.

Тыкарай вошёл в комнату и следом за ним ввалился сгорбленный старикашка в лохматой дохе с облысевшими по-

лами, в унтах из конских лап. Порывшись за пазухой, старикашка вытащил пакет.

— Получите,—низко кланяясь, просипел он.

— Пойди в юрту охраны, погрейся,—разрешил Абыланов, принимая бумажный, перетянутый бечёвкой свёрток.

Старикашка выскользнул, как серая мышь. Писарь Багыр насторожился. Обычно Абыланов читал письма вслух. На этот раз, разложив письмо на столе и пробежав по нему глазами, Абыланов крикнул, будто поперхнувшись. Толстые губы его отвисли. Не дочитав письмо до половины, Абыланов стукнул кулаком по столу. Багыр вздрогнул. Новости были явно нехорошие. Нетерпеливый писарь, прикусив губу, удержал вопрос. Плоское лицо Абыланова затряслось от гнева.

— Мерзавец! Негодяй! Ведь условились, что надо перехватить дорогу.—И, повернувшись к писарю, пояснил:—Кириков вчера совершил нападение на Дабан.

— А что там случилось?—поспешно спросил Багыр.

— То и случилось... Отступившие отсюда красные марыкчанцы ударили в разгар перестрелки с тыла. Кириков бежал с большими потерями.

— Значит, красные марыкчанцы соединились с партизанами Дабана?

— Не только марыкчанские, ещё и отряд из Майдархана соединился с красным Дабаном. На оленях пробились откуда-то. Кириков, разиня, глупым своим бахвальством наделал делов. Силы партизан теперь утроились...

Багыр по-настоящему струхнул. В захмелевшей голове завертелись думы,—не сегодня-завтра быть беде.

— Марыкчанские большевики прорвались, убежали. Майдарханцы прорвались, убежали,—заговорил писарь,—в Дабане, выходит, целая красная армия готовится. Что же господин Кириков смотрит?..

Абыланов, радуясь случаю выговориться на тему, непосредственно задевавшую его тщеславие, охотно ответил на вопрос Багыра длинной речью. Обругав Кирикова и подчёркивая свои знания военного дела, Абыланов даже преувеличил успехи партизан. Да, теперь в Дабане объединившиеся партизаны—угроза не только Марыкчану. Ещё хуже будет положение, если партизаны додумаются пойти в Бояркинскую слободу. Этого надо ждать. У

партизан во главе стоят большевики и комсомольцы. У них есть отряд русских красноармейцев Гусарова. Все они спаяны дисциплиной, хорошо вооружены. Запасов продовольствия и фуража у них достаточно. Если, ко всему этому, они захватят Бояркинскую слободу, то... А этот дурак Кириков, ещё офицером называется, вместе с разбитым отрядом оказался по эту сторону Дабана. Теперь он может, разве что, двигаться следом за красными. Корнет Коробейников засел между Дабаном и Бояркинской. Но он не ожидает такой большой группировки красных и вряд ли сумеет задержать. Присоединение Бояркинского отряда красных к этим трём—провал всех планов Ленских операций. Окружившие Якутск белые отряды без помощи могут протоптаться всю зиму на одном месте. Весной из Иркутска нагрянут красноармейские части с артиллерией, тогда конец всему. Проклятый Кириков! Не хватило выдержки: разбивать партизан поодиночке. Ему нужны молниеносные победы. Вот и напобедился. Согуйский—тоже бездарь! С лучшими силами не задержал красных у озера Юнгюлю.

— Согуйский умеет хорошо резать безделушки из мамонтовой кости. На другое он не способен,—подхалимствовал Багыр, зажигая свечу, хотя в комнате было ещё светло.

— Зосима Наумович, надо бы сегодня покончить с Иннокентием Тускаевым.

— Покончим, время есть. Надо сначала узнать у него, где лежит свинец. Свинец для нас сегодня дороже золота. Кнутом не добились, надо лаской попробовать.

— Не узнал бы Евграф Евграфович. Узнает,—приедет. А родительское сердце вдруг не выдержит? Скорее надо с ним кончать.

— Покончим, говорю. Поди, закажи в кухне самовар.

Абыланов стал собирать со стола бумаги. Писарь хотел ещё что-то сказать, но, взглянув на Абыланова, передумал и заковылял кривоватыми ногами к двери.

Пять комнат этого зимнего просторного дома были битком набиты арестованными. Абылановская банда, после оставления Марыкчана красными, спешила показать себя. Двое суток из посёлка и окрестных заимок тащили и гнали сюда людей, запо-

дозренных, оговорённых, захваченных случайно. На полах комнат была раскидана солома.

Елисей Бурский, захваченный на тракту вблизи Марыкчана, лежал среди других арестованных, стараясь согреться. Накрывшись истрёпанным пальтишком и поджав ноги, Бурский не шевелился. Рядом с ним сидела Екатерина, мать Николая Манасова. После убийства мужа, происшедшего у неё на глазах, Екатерина не переставала плакать. Кто-то сказал ей, что при отходе майдарханского отряда убит и её сын. Теперь, сидя на соломе, Екатерина впала в оцепенение. Сквозь спутанные волосы, упавшие на лицо, тускло блестели глаза. Изредка Екатерина вытирала слёзы волосами. На её горе никто не обращал внимания. У всех здесь было слишком много своего горя, с которым ещё не успели освоиться.

Один дурачок Татыйак был спокоен, он решительно ничего не соображал. Сидеть в каталажке ему приходилось не впервые. Временами дурачок хохотал, временами тупо оглядывал соседей. Большинство из них были Татыйаку знакомы. Старик Оноев сидел возле слепой жены, сильно избитой бандитами. При аресте слепая наговорила много дерзких слов, за которые едва не заплатила жизнью. Это не усмирило её. Перебирая пальцами трухлявую солому, слепая время от времени ругалась.

— Мы с Татыйаком в большевики попали! До чего дело дошло, а? Что дальше будет? Рот раскрыть добрым людям не дают начальнички новые! Ваську Амурского убили! Старика Манасова убили! Картёжник Тыкарай начальником заделался, а? Мне, слепой старухе, рёбра ногами топтали...

Дверь распахнулась, и слепая старуха на минуту замолчала, прислушиваясь. В комнату сильным ударом из коридора втолкнули Иннокентия Тускаева. Разорванная в клочья одежда, кровоподтёки на лице, — без слов сказали, откуда он пришёл.

— Кого это привели? — спросила слепая старуха. Она ждала обычных при появлении нового арестованного разговоров, жалоб, стонов. Но, поражённые видом Тускаева, люди молчали, а сам он, не проронив ни звука, разостлал лохмотья возле Елисея Бурского и сел, вытянув ноги.

— Кешу привели. Сынка князька Евграфа, — тихонько шепнул слепой жене боязливый Оноев. Елисей Бурский зашевелился, поднял голову из-под пальто.

— Попался и ты? Плохо, брат, плохо, — сказал Бурский.

— Елисей Егорович! И ты здесь? Тут хорошего мало, да ничего не поделаешь...

В начале осени Тускаев с пятнадцатью бойцами выехал на прииск Болбук. На руках у него был приказ Якутского военкомата: вывезти в город запасы свинца, спрятанные рабочими при наступлении белых. Секретная экспедиция Тускаева случайно стала известна бандитам, тщетно искавшим свинец в течение нескольких месяцев. За красным стрядом началась слёжка, кончившаяся форменным боем. Большая часть красноармейцев была убита в перестрелках, остальные с Тускаевым были ранены и захвачены в плен. Красноармейцев белобандиты расстреляли, а командиру выпала более горькая доля. Долго его допрашивали, выведывая местонахождение спрятанного металла. Тускаев, единственный из отряда, знавший место, отговаривался незнанием. Его пытали. Он выдержал с честью дикие побои. Убить его бандитам было невыгодно, они не теряли надежды так или иначе найти свинец. Абыланов рассчитывал: рано или поздно Тускаев не выдержит. Зосима Абыланов лично занялся в последние дни допросами Иннокентия Тускаева и тот не ждал для себя ничего хорошего.

История пленения Елисея Бурского оказалась более проста. Доставив благополучно арестованного охотского предателя Пыжьянова в Якутск и сдав куда следует, Бурский заторопился обратно. Полагая, что возле озера Юнгюлю держатся красные и в Марыкчане он снова соединится со своими, Бурский гнал ямщика днём и ночью. Измотавшись в дороге, он заснул, приближаясь к Марыкчану, считая себя уже вне опасности. За утерю бдительности Елисей Бурский потерпел тяжкое наказание. Пронснул он связанным бандитами.

Слепая старуха слушала разговоры пленных, не перебивая. Но стоило только им замолчать, она засыпала Тускаева вопросами. Тот не успел всего ответить. Начальник охраны, картёжник Тыкарай, помахивая винчестером, зашёл в комнату и торжественно проорал:

— Тускаев Иннокентий! Бурский Елисей! Татыйак Роман! Жив-ва! Одевайсь! Пойдёте в штаб!

— Понятно, господин начальник!—ответил за всех Тускаев, поднимая свои лохмотья и поглядывая в распахнутую дверь. За нею поблескивали стволы винтовок. Елисей Бурский натянул

рваное пальто и двинулся к выходу. Татыйак остался сидеть попрежнему, не понимая общего смятения.

— Ты! Шевелись, одевайся!—Тыкарай пнул валенком ухмыляющегося дурачка. Екатерина вскрикнула. Ей показалось, что ударили её.

— Идите, голубчики, идите. Прощайте! На том свете, даст бог, свидимся,—заговорила слепая старуха. Тыкарай пихнул её в грудь стволом.

— Молчи, слепуха! Мало тебе за болтовню попадало. Ещё хочешь?

Старик Оноев, не зная как остановить жену и спасти от лишних побоев, накрыл её с головой полушубком. Слепая умолкла. Татыйак поднялся, накинул на плечи доху и, хихикая, пошёл к двери. Перед уходом Тускаев успел сунуть кисет с табаком в руки Екатерины.

— Мне больше не понадобится, а ты, может, покуришь...

Старая Екатерина кивнула головой, она плакала, прижимая кисет к груди.

Арестованных вели гуськом. Впереди шёл князецкий сын, ставший большевиком; последним подпрыгивал, кривлялся Татыйак. В штабе Бурского и Татыйака заперли в комнате дежурного, а Тускаева провели в кабинет. Там за длинным столом в табачном дыму сидели новые правители Марыччана. Тускаеву подали стул.

Приветливо улыбающийся Абыланов, переглядываясь с насупившимися главарями шайки, вежливым голосом объявил:

— Брат Тускаев, мы решили простить тебе вину перед богом и родиной. Твоё поведение теперь должно решить твою будущность. Ты приходишь из хорошей семьи, твой долг помочь нам. Ошибка поправима, забудем твою ошибку. Здесь все свои люди. Скажи нам только одно: где спрятан свинец?

Иннокентий Тускаев выпрямился. «Вот он, конец!»—мелькнуло в голове. Эти люди всё ещё считали его своим, считали способным на предательство, на измену тому, что уж давно стало дороже жизни.

— Более того, что я говорил, мне сказать нечего.

— Не спеши, не говори дерзостей. Мы их от тебя наслышались много,—миролюбиво продолжал свою речь Абыланов,—подумай не о нас, о себе. Ты сын человека, снова пришедшего к власти. Красные: всюду разгромлены. Князец Евграф Евграфович не

отрёкся от своего сына. Не отрекайся и ты от родства крови. Не хочешь быть в наших рядах, хорошо. Мы отпустим тебя, куда хочешь. Мы не требуем от тебя никаких сведений ни о ком. Ты можешь даже вернуться к красным, им тебя не в чем будет обвинить. Скажи, где свинец?.. Всё равно мы его найдём. Из двух зол выбирай меньшее. Укажи, где металл. Он нам нужен, не скрывай. Или...

Зосима Абыланов чмокнул губами. Тускаев встал со стула и ответил ровным голосом:

— Я выбираю из двух зол меньшее. Я вам верю, господин Абыланов. Свинец вам дороже моей жизни. Моя жизнь для нашего дела всё-таки дешевле свинца. Из двух зол беру меньшее. Предателем я не буду, господин Абыланов, свинец вы не найдёте!..

Сидевшие за столом люди глядели теперь не на Тускаева, а на Абыланова. Перекосившись, Зосима Наумович тоже встал со стула.

— Господа, имеете ли вы вопросы к этому подлецу?

— Позвольте, Зосима Наумович,—выскользнул дрожащий тенорок писаря.—В 1917 году я работал в городской управе. Я видел тебя якшающимся с большевиком Орджоникидзе. Не от него ли, этого большевика, сын князья Тускаева научился изменять своей родине? Не хочет ли якут, сын Тускаева, продать отца и Якутию русским большевикам?

— Да, у большевика Орджоникидзе я научился отличать истинных сыновей народа от сыновей торговцев и князьцов, готовых продать Якутию кому угодно...

— Замолчи, ублюдок! Мы кончили с тобою все разговоры!— бешено закричал Абыланов и, вытащив револьвер, ударил Тускаева по голове. Начальник охраны Тыкарай поднял винчестер, но стрелять не решался, так как Тускаев схватил тойона за руки. Враги сцепились по-якутски, словно пробовали силы в борьбе на весеннем празднике. Опрокинутый стул с дребезгом покатился в сторону.

Елисей Бурский, сидевший в соседней комнате, услышав шум, сжал кулаки. Несколько минут назад Тыкарай сказал ему, что по просьбе отца и благодаря заступничеству жены Будашевского он будет сегодня освобождён. Елисей Бурский решил принять милость. Освободившись, он думал найти возможность бежать к партизанам и продолжать борьбу. К чему отказываться от

жизни? Шум в комнате опрокинул все раздумья Бурского. Он знал,—за стеной убивают Иннокентия Тускаева, убивают товарища. Рванув дверь своей темницы, Елисей Бурский сорвал её с крючка и, проскочив коридор, влетел в соседнюю комнату. Абыланов, Багыр и ещё несколько людей топтали сбитого с ног Тускаева. Не раздумывая, Бурский вцепился в чью-то толстую, противно мягкую шею. Грохнули два выстрела. Простреленные головы Бурского и Тускаева легли рядом на затоптанном, грязном полу. Зосима Абыланов, размахивая дымящимся маузером, пинал ногами опрокинутый стул.

— Выбросить во двор!—рычал Абыланов, не видя как встреченные выстрелами четыре охранника вошли в комнату, подталкивая Татыйака. Увидев мёртвых, слабоумный встал на колени и поцеловал кровавые головы недавних товарищей по заключению.

— Выбросить всех и этого во двор,—брезгливо повторил Абыланов. Его трясло и тошнило от вида крови. Один из конвоиров взял Татыйака за плечо.

— Куда, куда? Я хочу к ним,—жалобно заговорил Татыйак, показывая рукою на убитых. Конвоиры рванули его замызганную доху и, сразу став послушным, слабоумный заплясал, притоптывая ногами. Писарь Багыр свёртывал в трубку новый сафьяновый ремень. Он успел его снять с пояса Елисея Бурского.

Колючий снег скрипел, подобно белой саранче покрывая широкую долину. Тёмный зимний туман низко висел над запорошёнными березняками. Передовые дабанского отряда галопом спустились с пригорка и, не сдерживая коней, круто влетели в Бояркинскую слободу. Скоро разъезд вернулся к головному отряду медленно продвигавшейся колонны. Иннокентий Харачаев выполнил важнейшее задание—благополучно довёл партизан до слободы. Разрозненные заслоны бандитов, стоявшие кое-где на тракту, даже не узнали о продвижении красных. Как только разведка нащупывала бандитские заставы, вся колонна сворачивала с тракта в тайгу. Руслами застылых рек, узкими горными ущельями, по забытым тропинкам зверобоев Харачаев вёл партизан обходом. Миновав опасные места, колонна снова выходила на тракт. Про-

тивник потерял возможность следить за неуловимыми партизанами. Немыслимым делом казались обходы тракта значительными группами конных и пеших людей. И, тем не менее, с помощью Харачаева дорога до Бояркинской слободы была пройдена без боёв. Красные сохранили силы и боеприпасы.

Последним препятствием был отряд корнета Коробейникова. Захватив горное ущелье, сквозь которое узкой лентой, подобно ручью, тракт выходил к Бояркинской слободе, корнет Коробейников считал свой отряд стеной на пути к востоку. Это так и было. Сплошные горные кряжи, сходящиеся здесь узлом, исключали обход. Искандеров, руководивший походом, держался мысли о неизбежности боя. На совете командиров групп иных мнений не было. Но старик Харачаев удивил своей находчивостью и на этот раз. Военная хитрость Харачаева была не совсем проста, но и не так сложна. Смекалистый партизан предложил втянуть всю колонну по узкому руслу речки Силлимэ в горы. Часть конницы, по предложению Харачаева, должна сделать небольшой ложный марш в сторону Якутска, а затем вернуться обходом к своим, на речку Силлимэ. Харачаев полагал, что, узнав о марше красных к Якутску, корнет Коробейников не удержится, выйдет со своих позиций следом. Когда он минует устье Силлимэ, партизанская колонна втягивается на тракт и проходит через ущелье к Бояркинской слободе. Если Коробейников поверит, что красные, испугавшись его, повернули на Якутск, он не скоро откажется от преследования.

Корнет поверил и попался на удочку. Выйдя из горной долины, он погнался по тракту за несуществующими красными. Белогвардейский стратег понял свою ошибку, когда партизанская колонна входила в Бояркинскую слободу.

Люди входили в Бояркинскую победителями. Позади остались утомительные, бесконечные переходы. Не пугала больше глухоманная, дикая тайга, обжигающий дыхание мороз, назойливый ветер. Впереди—отдых, тепло, встреча с боевыми товарищами. Весело цокали копыта всадников. Размашистее шагали олени. Женщины, сидевшие в санках, будили детей и показывали им длинные ряды дымных, светящихся столбов над улицами слободы. Раненые и те, подняв головы, глядели вперёд, в туманную сугуту.

Командир первой роты Семигук, встреченный тремя местными жителями около слободы, галопом летел впереди колонны.

На бояркинских улицах среди приземистых домов русского типа, построенных потомками переселённых сюда когда-то старообрядцев, было многолюдно. У всех ворот стояли толпы обывателей. Необыкновенная картина движения партизанской армии развёртывалась перед глазами бояркинцев. Заиндевевшие, белые ветви—качались рога оленьих упряжек. Окутанные изморозью фыркающие лошади тянули десятки саней. Пешие и конные партизаны лавиной заполняли тихие улицы слободы. Как было не дивиться бояркинским жителям, никогда не видавшим такой массы людей.

Большинство бояркинских жителей были объякученными русскими. Одевались они по-якутски, разговаривали по-якутски, жили и работали как природные якуты. Среди этой, почти сплошной бедноты, попадались зачастую Макары, описание которых напомнило бы королёнковского Макара, неудачника. Но объякутившись, бояркинцы сохранили многие русские обычаи, сохранили русские старинные песни, не разучились плясать русские пляски и, если им случалось драться с якутами, они были не прочь погордиться русскими предками, хотя находились в той же кабале, что и коренные жители этих отдалённых мест.

Партизанский штаб разместился в одном из самых больших в слободе доме купца Черняева. Толпа спешившихся бойцов заполнила двор. Командир бояркинской конной группы, чех Гайрад, размещал гостей. Гайрад выделялся из всех партизан своей коричневой кожаной курткой и саблей с ручкой в медной оправе. Но обыватели слободы с большим интересом глядели на приезжих. Они не блистали щеголеватыми костюмами, но внушали уважение своим видом людей, прошедших действительно тяжёлые пути. Люди и кони были покрыты смерзшимися сосульками, бахромою инея, как сказочные легендарные хозяева зимних лесов.

Настя Аргунская стояла в толпе бояркинцев. Не отрываясь, глядела она на живой поток, бурливший на улице. Кутаясь в рваную телогрейку, Настя не замечала мороза. Столько новых лиц! И почему-то все эти приезжие глядят весело, все знакомы друг с другом, все заняты своим непонятным делом. В сердце Настя Аргунской шевельнулась зависть. Счастливые люди—партизаны! А ей нет счастья. О всех партизанах идёт хорошая слава. Про Настю никто хорошего слова не сказал. И не скажет. Кто будет говорить хорошее о девушке, потерявшей честь и стыд?

С четырнадцати лет Настя ходила сиротой, отец и мать умерли в одно лето. Бояркинская попадя взяла девушку подростком в прислуги, а поповские сыновья обеславили её имя. Красивая батрачка стала «гулящей Настей». А она красива! Когда она смеётся, видно, какие у неё чудесные ясные глаза. Губы у неё тугие, алые. Светлые пышные волосы украшают круглое розовое лицо. Русская и якутская кровь смешались в жилах Насти Аргунской. Недаром в Бояркинской говорят, что Настя была бы первой красавицей, если...

Общее радостное возбуждение захватило всё-таки и «гулящую Настю». Жители устремились на площадь—там начинался митинг. Побежала и Настя. Растрёпанные, рваные голенища старых валенок захлопали по ногам. Настя приостановилась, запахнула телогрейку, пошла шагом. Радостная вспышка потухла.

— Тима, залезай, погляди, откуда растянулась конница?— кричал мальчик, сидевший на полуразрушенной крыше одного дома.—Сколько их ещё?

— От тальниковой роши, и конца не видать!—отвечал другой мальчуган, поднимаясь к самой трубе на соседнем доме.

Крики ребят подтолкнули Настю, она спясть заторопилась. На площади было много людей. Партизанская колонна стягивалась к центру посёлка. Площадь быстро наполнялась всадниками. Большинство партизан было одето в гражданское платье, но все с оружием. Аргунская жадно глядела на молодые лица бойцов. Среди них были совсем мальчишки, и Настя со стыдом подумала, что такие ребята, наверное, не захотят на неё даже поглядеть. «Они борются за народ, за свободу, а я что?.. И зачем я сюда пошла?»—подумала Настя.

— Эй, Настюха, давай, спляшем!

За плечо её грубо дёрнул Тимошка Бурлаков, высокий ребенок в замызганной шубе. Он топнул ногой, как бы вызывая Настю в пляс.

— Оставь меня, не смейся людей,—тихо ответила Настя, подбирая под платок заиндевевшие волосы.

— Увидела марыкчанских парней и глаза выпучила? Своих ребят тебе теперь не надо?—не унимался Тимошка. Настя отошла в сторону, не отвечая на заигрывания Бурлакова.

«Значит, это ребята из Марыкчана,—думала про себя девушка,—те самые комсомольцы, большевики, о которых давно у нас говорят. С чем они сюда пришли для меня? Толкуют, что

комсомольцы помогают всем обиженным. А кто здесь больше всех обижен, как не я?...»

Молоденький якут в длинной кавалерийской шинели и высокой росомаховой шапке со звездой разъезжал по площади, отдавая приказания. Жёлтый кобур пистолета на широком ремне мелькал в толпе тут и там.

«Начальник какой-то, а ещё молоденький совсем»,—заприметила Настя.

— Товарищ комендант, куда разместить госпиталь?—окликнули девушки, проезжавшие в санях.

— Налево, за угол. В конце улицы вам отведён дом. Поезжайте туда, следом за ранеными,—громко ответил молоденький якут, улыбаясь девушкам, как хорошим знакомым. Закутанные в густые олени дохи девушки повернули коней и сейчас же остановились. К ним подъехал тоже молодой, но постарше, якут в короткой шубе, в узорчатых, натянутых до колен, унтах, с винтовкой за плечами.

— Коля,—обратилась к нему одна девушка,—ты не забывай нас, заходи проведать на новом месте.

— Зайду, Маруся, зайду,—ласково ответил всадник,—а где твой походный мешок?

— В обозе. Ты захвати его вечером, как пойдёшь к нам, не забудь!

— Не забуду!

Слушая этот разговор, Настя Аргунская пронизательно оглядывала молодых людей. Их весёлые улыбки, дружеская, приветливая речь, уверенность в себе и в своём деле, слышавшаяся в каждом слове, глубоко запали в душу девушки. «Если бы мне стать похожей на них,—подумала Настя и сама испугалась своей мысли.—Разве она сможет когда-нибудь стать такой? Нет! И никто ей не поможет. Никому нет дела до «гулящей Насти».

Короткий митинг кончился, площадь стала пустой. Партизанские части расходились по квартирам. Давно исчезли девушки, спрашивавшие о госпитале. Уехал молоденький кавалерист. Озябшая Настя пошла по соседям. Сегодня в слободе много желающих поговорить о долгожданном приходе марыкчанских партизан.

Звёзды, похожие на прозрачные, дрожащие капли, висели по всему небу, когда Настя вдоволь наговорила в семи сосед-

ских домах. Ей надо было зайти ещё в дом Бурлаковых. Тимошка задержал взятое у неё лото, а оно было чужое. В нерешительности Настя постояла на улице. Время позднее, после десяти часов ходить по слободе нельзя, об этом всем известно. За нарушение правил её уже водили к коменданту. Подумав о своей пустой, убогой конуре, Настя решила и зашла к Бурлаковым. Тимошка со своей одноглазой матерью распивали чай. Настю не пригласили и ей пришлось дожидаться конца чаепития. Потом она попросила Тимошку отдать чужое лото. Вместо ответа Бурлаков начал жаловаться. По наряду комендатуры утром ему предстояла поездка за сеном в окрестности слободы.

— А там бродят белые,—хныкал Тимошка,—ещё ухлопают за милую душу ни за что, ни про что...

— Чего ты хнычешь, ведь стогá отсюда видно, кто тебя ухлопает. Погляди-ка, марыкчанские ребята моложе тебя, а давно партизанят, никаких белых не боятся,—Настя с удовольствием подтрунивала над своим кавалером.

— Они партизаны! А я что, я не партизан. С вилами против винтовок и твои партизаны струсят,—раздражённо говорил Тимошка, со стуком отодвигая пустое блюдо на край стола.

— Говорят, у белых ходит сынок Черняева-купца, не этого ли урода ты испугался?—продолжала шутить Настя. За эту шутку ей пришлось жестоко поплатиться. Тимошка обиделся всерьёз.

— Что мне тычешь сыном Черняева. Ты от Соломошки Черняева забрюхатела, вся слобода знает. Нашлась скромница, других срамит, а сама...

— Ладно, не лайся. Отдай лото...

— Пропил я твоё лото.

Одноглазая старуха вмешалась в разговор.

— Лото пропил, ледорезный нож пропил, последнее из дома тащит.

— Замолчите вы обе со своим барахлом. Человек завтра, может, на смерть поедет, а они с попреками лезут,—жалобно захныкал Тимошка. Настя молча пошла из юрты. На дворе её нагнал Тимошка. Кое-как запахнувшись в грязный полушубок, он полез целоваться.

— Пойдём в сарай.

— Уйди, бесстыдник.

Но Тимошка Бурлаков был настойчив и не скоро отпустил Настю. Оскорблённая, униженная, уже совсем поздно, она крадучись бежала по узенькому проулку. За поворотом встретились трое патрульных.

— Стой! Кто идёт?

— Это я... Аргунская. Иду от соседей,—испуганно откликнулась Настя, с отчаянием проклиная свою беспечность.

— Опять ты!—послышался знакомый голос. Из морозного тумана выступила фигура патрульного. Старший патруля, бывший местный почтальон Федот, покачал головой в ответ на просьбу отпустить.

— Случайно опоздала, Федот, у соседей была.

— Хватит тебе гулять,—сурово отвечал партизан.—Сказано, после десяти часов без пропуска ходить нельзя и сиди дома. По каким соседям ты бегаешь, пусть новый комендант разбирает. Пойдём!

В комендатуре дежурил молоденький якут, одетый в кавалерийскую шинель и высокую росомаховую шапку. Два часа назад Настя Аргунская видела его, распорядившегося на площади во время митинга. Новый комендант был занят чтением какой-то бумаги.

— Товарищ Амурский, доставлена задержанная на улице гражданка Аргунская,—отрапортовал Федот. Комендант кивнул головой, продолжая читать бумагу.

— Докладываю, товарищ комендант: личность Аргунской подозрительна. Задерживается ночными патрулями в третий раз. Определённых занятий не имеет. Известна в посёлке под прозвищем «гулящая Настя». Была в связи с сыном купца Соломоном Черняевым, ныне белобандитом. В первый раз задержана на кладбище, второй раз—на пустом сеновале, сегодня—на улице. Присила отпустить по дороге...

Выпалив залпом сообщение Федот подтолкнул Настю к комендантскому столу. Комендант поднял голову и осмотрел Настю.

— Оставь её здесь. Продолжай обход. Ты, гражданка, садись.

Патрульные вышли. Комендант вновь погрузился в чтение бумаги. Испуганная Настя присела на скамье. Теперь, когда о её ночных хождениях доложено этому молодому якуту, коменданту, чувство стыда пересиливало страх. Пусть её арестовывают, но

зачем говорить об этой злосчастной истории с Соломоном Черняевым? Мало она, что ли, страдала от злых языков. Теперь этот чужой, незнакомый марыкчанский партизан узнал о ней даже то, о чём и знать не надо. И что он молчит, уткнувшись в свою бумагу? Отправлял бы скорее в арестный дом или ещё куда. «Пропала я, и пусть»,—думала Настя.

Комендант дочитал бумагу, сделал какие-то пометки, аккуратно перегнул несколько раз и положил в папку. Исподлобья Настя видела неторопливые уверенные руки коменданта. Он тщательно завязал тесёмочки папки.

— Ты будешь Анастасия Аргунская?

— Я.

Ты живёшь напротив штабного дома?

— Да,—тихо отвечала Настя, недоумевая, каким образом коменданту стало известно, где она живёт.

— Тебя трижды задерживали ночные патрули. Разве ты не знаешь,—в тревожное время без пропусков ходить по улицам ночью нельзя. Зачем ты так делаешь?

— Запаздываю, бывая у соседей,—Настя не решилась поднять глаза. Чувство стыда охватило её с небывалой силой, она сидела покрасневшая, с капельками пота на лбу. Костя Амурский с сожалением глядел на красивую девушку, о которой ему уже сообщили все печальные слухи. Смущение и подавленность Насти были очевидны и она не произвела впечатления «гулящей».

— Послушай, товарищ Аргунская,—снова заговорил молодой комендант,—подумай сама о своей жизни. Зачем это? Разве нет у тебя каких-нибудь друзей, которые помогли бы устроиться работать? Что ты думаешь о будущем? Погляди, сколько у нас молодёжи в партизанах. Все они делают большое дело, борются за своё будущее, за будущее всего народа. У нас много девушек. Тебе бы надо познакомиться с нашими комсомольцами, с Марусей Ордонской, с Дашей Дыгасовой, они могут тебе помочь начать новую жизнь. Хочешь, я тебя с ними познакомлю? Но ты должна дать обещание работать честно и старые привычки бросить.

Вместо ответа Настя Аргунская зарыдала. Никогда с нею так не говорили, никто не предлагал ей помощи, никто не интересовался её будущим. «Гулящая Настя» плакала, как ребёнок. Ей хотелось сказать, что она не совсем такая плохая, как о ней говорят, что она выросла в нужде и по нужде попала в положение

ние «гулящей». Многие хотели сказать Насте Аргунской, но она не умела говорить об этом, не знала таких слов. Она едва могла прошептать:

— Даю обещание, я исправлюсь. Помогите мне...

Не верилось этой девушке, что здесь, в партизанской комендатуре, где её должны бы арестовать и судить за нарушение военного приказа, здесь ей предлагают помощь.

— Я советую тебе поступить в наш госпиталь. Там нужны люди. Тебя оденут, дадут паёк, как положено сиделке. С работой ты, конечно, справишься. Маруся Ордонская, старшая медсестра, тебе поможет. Согласна?

— Да, согласна. И спасибо, спасибо вам, товарищ комендант. Я обещаю работать хорошо.

— Сейчас ступай домой, а утром явишься сюда. Я иду проверять патрули, пойдём вместе, нам по пути, а то тебя опять задержат.

Комендант оправил оружие, застегнул шинель и они вышли во двор, мимо часового. По дороге Амурский предупредил Настю, чтобы она ещё обдумала своё решение работать в госпитале.

— В госпитале нам нужны девушки дисциплинированные, исполнительные и политически грамотные. Ты должна будешь учиться. Всякий труд—дело чести! Если ты будешь хорошо работать, никто из нас не упрекнёт тебя за прошлое. Людей, исправляющих свои ошибки, мы, комсомольцы, всегда поддержим и в обиду не дадим,—говорил Костя Амурский, шагая рядом с окрылённой Настей. Она чувствовала себя по-настоящему счастливой, может быть, впервые в жизни. Партизан, комсомолец, красивый парень из Марыкчана идёт с нею, не гнушается беседовать, как со своим товарищем. Девичье сердце стучало неровно. Настя не чуяла под собою ног. Ей чудилось, она летит в каком-то светлом, радостном тумане.

Напротив штаба Амурский остановился.

— Завтра утром приходи в комендатуру, разыщи меня. Я отведу тебя в госпиталь, если не раздумаешь,—прощаясь, Амурский протянул руку, в которую Настя боязливо вложила свои холодные пальцы.

Утром Аргунская терпеливо дождалась в комендатуре, когда придёт задержавшийся где-то необыкновенный парень из Марыкчана. Костя Амурский повернул дело быстро. Тут же,

в комендатуре, он раздобыл ей пару женских валенок, новую телогрейку, овчинный полушубочек и отрез материи на два платья. Подобного добра ей было бы не заработать в батрачках за целый год. Не слушая благодарностей, Амурский связал узлом новые пожитки Насти и провёл её в госпиталь. Вид дома, где разместился партизанский лазарет, вызвал у Насти горькое воспоминание. Это был дом, где случилось несчастье, перевернувшее её молодую жизнь, старый дом купцов Черняевых. Опозоренной батрачкой уходила она оттуда совсем недавно, а сейчас... Как её встретят сейчас в этом доме?

В коридоре Амурский столкнулся с фельдшером Маханиным.

— Товарищ фельдшер, вот тебе новая сиделка, принимай на работу. Она будет делать всё, что сможет. Ты пристрой её куда-нибудь здесь с квартирой, а на паёк я устрою сам, договорюсь с начальником.

— Давай, давай! Не сыщешь ли ещё одну, мы тут с ног сбились,—ответил Маханин.

— Постараюсь отыскать, а пока товарищ Аргунская поработает за двоих,—весело шутил Амурский, здороваясь с Николаем Манасовым. Манасов пришёл проведать раненого Чинарина и не обратил внимания на неизвестную девушку с большим узлом в руках. А Настя смотрела на Манасова, как на знакомого. Это был тот молодой командир, беседовавший на площади со своими знакомыми девушками-партизанками из марьчанского отряда...

Вечером того же дня в Бояркинской слободе состоялось первое собрание молодёжи. Докладчиком выступал Манасов. Уставшие за день ребята и девушки сначала плохо слушали докладчика. Настя Аргунская, сидевшая в дальнем ряду, из первой половины доклада ничего не поняла. Бояркинская молодёжь, не привыкшая к серьёзным беседам, скучала. Манасов понял это и перевёл доклад на местные темы. Собрание сразу изменило свой облик. Настя заметила, как прекратились разговоры, затих шум, и лица собравшихся повернулись к докладчику. Николай Манасов говорил о том, что получают трудящиеся Бояркинской слободы после восстановления советской власти в Якутии. Сенокосы, рыбные ловли, охотничьи угодья купцов и тойонов (Манасов назвал всех их по фамилиям),—будут распределены между бедняками и батраками. Запасы продовольствия и фуража, остающиеся после богатеев, будут распреде-

ляться между неимущими. Власть в посёлке будет навсегда в руках самих бояркинцев.

Николай Манасов постарался заинтересовать самых равнодушных, рассказав о походе объединённых отрядов через тайгу. Призывая вступить в партизаны, комсомолец-агитатор закончил речь под единодушные рукоплескания. Манасов собрался было отвечать на вопросы, но к нему подошёл красноармеец и что-то прошептал на ухо. Манасов закрыл собрание неожиданно для присутствующих.

— Через два дня, товарищи, мы проведём ещё беседу.

— Сам придёшь или кто другой будет?—крикнули из толпы.

— Если не я, кто-нибудь другой найдётся. Теперь мы будем часто собирать молодёжь,—говорил Николай Манасов, проталкиваясь через толпу слушателей, выразивших недовольство незаконченной беседой.

— Сейчас, товарищи, меня вызывает штаб.

Сопровождаемый возгласами одобрения, Манасов вышел во двор, отвязал коня и поскакал к штабу. Настроение у него было чудесное. Первое молодёжное собрание в Бояркинской слободе, несомненно, удалось. Размышляя о планах будущей работы комсомольской ячейки, Манасов уже видел в мечтах школу ликбеза, кружки самообразования, кружки самодеятельности. «На зиму работы хватит, только бы актива побольше набрать»,—раздумывал Николай, подъезжая к штабу. Из соседней улицы выехал командир второй роты Велосов.

— И ты туда?—махнул он плёткой.

— Туда.

В штабе Искандеров и Бройдо, навалившись на стол, рассматривали большую карту. Манасов уселся на скамейке рядом с Велосовым. Скоро к ним присоединился Гусаров, отряд которого переформировался в третью роту. Немного погодя явились взводные командиры и пулемётчики. Искандеров оторвался от карты, оглядел людей и неторопливо сообщил о новом мероприятии штаба. Шайки белобандитов, засевшие в местности Кэрэхтэх, начинают беспокоить красное командование. Подвоз хлеба, сена и дров пока продолжается без особых помех, но от отдельных нападений бандиты могут перейти к более серьёзным, групповым налётам. Не исключена опасность уничтожения запасов фуража, бандиты сожгли кое-где стоги сена. Штаб решил очистить долину Кэрэхтэх и ближайшие окрестности. На прове-

дение операций посылаются вторая рота Велосова и третья рота Гусарова. После разгона бандитов вторая рота будет оставлена в Кэрэхтэхе как заградительный отряд, до тех пор, пока весь хлеб, дрова и фураж не будут вывезены в слободу.

Искандеров пригласил командиров к карте. Операция готовилась в полном секрете. Разведывательные данные показывали довольно точно район операции и расположение белобандитской шайки. Манасов, назначенный командиром взвода, с грехом пополам скопировал с карты участок местности, на котором ему назначено было выполнять боевое задание самостоятельно.

28

Маруся Ордонская вторые сутки не покидала комнаты тяжело раненых. В коридоре двое суток толпились марыкчанские партизаны. Одни приходили, другие уходили. В комнаты раненых никого не допускали, ответов на расспросы не давали, а всё же посланцы из отрядов шли вереницей днём и ночью. Они хотели знать, выживет ли Николай Манасов?

Вторые сутки Николай лежал без сознания. Маруся Ордонская видела, как изменялось его лицо. Бледность переходила в синеву, запекшиеся губы почернели, покрылись коростой. Свистящее бурное дыхание слабело. Мутно глядели зрачки полуоткрытых глаз. Двое суток раненый лежал не шелохнувшись.

С поникшими головами у дверей комнаты стояли марыкчанские комсомольцы. Часами они дожидались, пока откроется дверь и Маруся зачем-нибудь выйдет в коридор. На безмолвные вопросы она качала головой. Положение Николая Манасова считалось безнадежным.

Николая ранили в начале боя на Кэрэхтэхе. Белобандитов, очевидно, кто-то предупредил. Внезапное нападение партизан не удалось. Шайка успела окопаться в глубоком снегу и оказала яростное сопротивление. После неудачного налёта командиры решили штурмовать вражеское гнездо с двух сторон. Сорокаградусный мороз подгонял атакующих. Под прикрытием пулёмётного огня партизанам удалось добраться до снеговых окопов. Николай Манасов со своим взводом штурмовал левый фланг. По глубоким сугробам, перепрыгивая через упавших раненых и завязших в снегу, Николай бежал рядом с Сидором

Булукой. В темноте, озаряемой вспышками выстрелов, перед глазами Манасова завертелась спина Булуки в меховом блестящем пальто. Из окопа стреляли пачками. Манасов бросил гранату. Взлетевшая белая масса снега скрыла фигуру Булуки. Справа партизаны уже прыгали в окоп. Манасов бросил вторую гранату, но взрыва не услышал. Снег стал вдруг горячим и чёрным. В эту жаркую темень Николай Манасов погрузился на двое суток.

Вторая атака сломила сопротивление белобандитов. Снеговые окопы и валы, построенные из ледяных глыб, были очищены штыками и гранатами. На снежном поле валялись десятки тел, быстро леденевших в морозной темноте. Раненых партизан постыдно собрали в юрте: люди могли умереть от холода скорее, чем от ран. Наспех перевязанного Манасова отправили с первой подводой в слободу. Доктору Косонорову, принявшему на себя заведывание партизанским госпиталем, пришлось немало поработать в эту ночь. Освобождение долины Кэрэштэх стоило крови. Из тяжело раненых, состояние Николая Манасова врач считал наиболее безнадежным. Он не скрыл это и от Маруси Ордонской.

Маруся понимала и сама. С той минуты, когда вместе с Булукой она занесла носилки в палату и увидела похолодевшее, неподвижное лицо своего друга, Маруся знала, что надежд на его выздоровление нет. Она уже видела такие лица, с печатью смертельной слабости, с опущенными тяжёлыми веками.

И, странное дело, Маруся не верила в возможность смерти Манасова. Рана была у него страшная. Пуля пробила шею насквозь и вышла под плечевой костью. Видимо, выстрел пришёлся снизу в тот момент, когда Манасов, бросив гранату, прыгнул в окоп.

— Коля, правда, ты ведь не умрёшь?—несколько раз спрашивала Маруся, не произнося, однако, вслух ни слова.—Не может быть, чтобы ты умер. Я тебя так люблю, что ты не можешь умереть...

Наивные бессмысленные слова шептала себе Маруся Ордонская в долгие часы, сидя у постели безмолвного, неподвижного раненого. И Николай Манасов не умер. Утром, на третий день, он открыл глаза. Чёрная горячая мгла расступилась. Он почувствовал свою руку в чьих-то прохладных пальцах. Пальцы эти поглаживали его сухую ладонь.

— Маруся,—догадался Николай и от этой догадки окончательно пришёл в себя. Зрение и слух возвращались к нему постепенно. Сначала он увидел доски низкого потолка, потом часть стены и, наконец, всю комнату: кровати раненых, табурет возле своей постели и Марусю. Она, улыбаясь, шевелила губами. До слуха Николая стали доходить сначала обрывки слов.

— Вот тебе... говорила... ты... выздоровеешь...—удивляясь, слушал Манасов бессвязную, приглушённую речь Маруси. Потом Маруся сказала отчётливо и громко:

— Сейчас я позову врача. Ты лежи, не пытайся шевелиться.

Утраченные ощущения жизни вернулись к Николаю Манасову, поразили его своей остротой и он не выдержал. Врач застал его снова без сознания. Вспрыснули камфору. Косоноров прослушал пульс, дыхание, сердце и кивнул Марусе обнадеживающе:

— Ступай, выпипись. Ему лучше. Теперь, может быть...

Это «может быть» так обрадовало Марусю, что она покорно отправилась в свою комнату, где заснула, как только прикоснулась к подушке.

Вечером Даша Дыгасова разбудила Марусю радостной вестью. Во время её дежурства Манасов чувствовал себя настолько лучше, что немного поговорил с нею, несмотря на запрещение врача. Подруги от радости всплакнули. Маруся собралась пойти дежурить вне очереди, но Даша удержала её. Девушки решили поужинать. Тут только Маруся вспомнила: она два дня ничего не ела. В госпитальной кухне хозяйничала Настя Аргунская. Она взялась ставить самовар. Пока девушки мылись и прибирали в комнатке, к ним зашёл Костя Амурский. Узнав о здоровье Манасова, Костя обрадовался и, вопреки обыкновению, ответил согласием остаться чаевать. Настя принесла заботливо начищенный ею кипящий самовар. Сели за стол. Аргунская сначала отказывалась, но её усадили рядом с Амурским. Костя с удовлетворённым чувством человека, сделавшего доброе дело, смотрел на Настю. Трудно было назвать сейчас «гулящей девкой» чистенькую, одетую во всё новое, скромную госпитальную сиделку. Настя была неузнаваема.

— Как, товарищ Аргунская, работаешь? Привыкла?

— Привыкаю,—отвечала Настя, разливая чай и стараясь не глядеть на Амурского. Не легко ей привыкалось к новой жизни, а признаваться в этом она считала лишним.

— Работает хорошо. Доктор Павел Васильевич хвалил,— одобрительно сказала Маруся.

— Доктор наш за-зря не похвалит. Теперь, Настя, выдержку покажи. Маруся тебе поможет, комсомольцы помогут. Теперь ты не одна, в молодёжной семье—не пропадёшь.

— Коля тоже меня просил за Настю. Надо её грамоте обучить. Скоро мы этим займёмся. Только он бы поправился,—вырвалась у Маруси затаённая дума. После чая Амурский пошёл к врачу просить разрешения навестить Чинарина. Маруся вернулась на своё место в палату тяжело раненых. Николай Манасов не спал. Он попытался улыбнуться Марусе и у неё задрожало сердце, такая болезненная вышла эта улыбка.

— Иди сюда,—позвал свистящим шёпотом Манасов, видя что Маруся в нерешительности остановилась у дверей. Девушка подошла, удерживая слёзы. Серое, бескровное лицо Николая, показалось ей, растаяло за одну ночь, настолько утончились его черты.

— Не утомляй себя разговором, Коля.

— Мне легче сегодня. Давно меня ранили?

— Третьи сутки пошли. Но ты должен перестать разговаривать. Меня учил дисциплине, а здесь сам её нарушаешь,—пыталась пошутить Маруся.

— Одно скажи. Кэрэптэх в наших руках?

— В Кэрэптэхе стоит рота Велосова. Бандиты разгромлены. Ты лежи спокойно,—Маруся подняла руку раненого, свесившуюся с края кровати, и натянула одеяло.

— Пётр Васильевич говорил сегодня, что ранение у меня не опасное.

— Конечно, не опасное. Тяжёлое, но не опасное. А всё-таки покой нужен надолго,—овладев собой, сказала Маруся тоном опытной медсестры. «Не опасное, хорошо, если бы так»,—подумала она. Манасову хотелось узнать о судьбе своих друзей. Спина Булуки в меховой блестящей шубе, мелькнувшая в разгар боя, всплыла и сейчас перед его глазами. Комната стала кружиться.

— Привезли Булуку? Где он?—спросил Манасов, превозмогая головокружение.

— Сам приехал, зачем его привозить. Он не ранен. Он тебя привёз из Кэрэптэха.

Где Миша Аной?

— Миша легко ранен. Рядом в комнате лежит. Семёну Оноеву пуля срезала мизинец. Приходит каждый день на перевязку. Все марыкчанцы спрашивают о тебе подесяти раз в день. Павел Васильевич никого не велел пускать. Ну, лежи, лежи, больше ничего говорить не стану,—Манасов замолчал. Заметив что он дремлет, Маруся вышла в коридор. Навстречу, осторожно ступая, шёл Костя Амурский. Он искал госпитального врача.

— Павел Васильевич, вероятно, осматривает Чинарина.

Так оно и было. Из створчатых дверей отдельной палаты выходил русский, довольно грузный человек. Виски его были заметно тронуты сединой, а голубые глаза совсем по-молодому посверкивали сквозь пенсне. Лицо Павла Васильевича Косонорова не выразило приветливости при виде Амурского. Марыкчанские ребята в последние дни порядочно надоедали доктору.

— Что, и ты к Манасову? Нельзя. Не проси. Дайте ему в себя придти. Будет лучше, через месяц, пожалуй, заходи. Раньше—ни-ни...

Костя Амурский давно знал характер добрейшего доктора и, почтительно выслушав отповедь, протянул руку:

— Здорово живёшь, Павел Васильевич. Разрешите мне навестить товарища Чинарина,—и хотя доктор не уклонился от рукопожатия, что случилось, когда добряк по-настоящему сердился, тем не менее Амурский не очень рассчитывал на успех своей просьбы.

— К Чинарину? Он тоже ещё слаб. Волновать его не следует, это ты поймей в виду. Иди, но не надолго.

— Спасибо, Павел Васильевич.

Амурский обошёл доктора, стоявшего, словно идол, в середине коридора. Тот даже не пошевелился. Внимание Павла Васильевича было поглощено новым посетителем, с робостью шедшим от входа.

— Куда? К Манасову? Нельзя, нельзя. Уходи!—услышал за своей спиной Амурский. Докторский бас гудел негодуяще. Костя Амурский торопливо шмыгнул в палату. Чинарин полусидел, опираясь спиной на высокую подушку. Деревянная некрашенная кровать стояла между окон. В тускловатом свете зим-

него дня лицо учителя походило на маску, вырезанную из ма-
монтовой, пожелтевшей кости.

— Садись, друг. Возьми табуретку, подвигайся поближе.

— Давно не видел вас, Иван Иванович. Как поправляетесь?

Суровый доктор, оказалось, попросту обманул Костю, говоря
о слабости Чинарина.

— Был у меня сейчас Павел Васильевич,—отвечал Чинарин
на вопрос Кости о здоровье.—Обещал скоро выписать. Надоело,
брат, лежать. Пора за дело браться. Что в отряде нового, рас-
скажи...

Впервые за долгое время Костя Амурский мог поговорить
со своим учителем не спеша. Передав многочисленные приветия
марыкчанцев, Костя рассказал о последних боях около слободы
и о ранении Манасова. Для Чинарина это не было новостью,
а о состоянии Коли он знал от доктора больше, чем даже
Маруся.

— Косоноров сегодня сказал твёрдо—Манасов вне опасно-
сти. Лёгкие не задеты, он будет поправляться. А полежать ему
придётся долго, —сообщил Чинарин. Из местных новостей
учителя больше всего порадовала активность комсомольской
ячейки. Чинарин одобрял вечера с докладами для несоюзной
молодёжи, в этом он видел новую ещё для Якутии форму аги-
тации. Обругав марыкчанского отрядного политрука Чоргуева
за пренебрежение к комсомольской работе, Чинарин порекомен-
довал Косте заняться этим делом самому. Манасов из строя
выбыл, не успев даже познакомиться с новыми условиями ра-
боты. Чинарин был недоволен слабым ростом ячейки.

— Сколько молодых ребят влилось в отряд, сколько их
здесь в слободе,—с горечью отметил Иван Иванович,—а в ком-
сомол приём вы почти прекратили. Это ошибка. Не замыкаться
вам надо среди своих ребят, а вовлекать в ячейку всё новых и
новых парней и девушек. Сейчас, в трудностях вооружённой
борьбы, в боевых походах, молодёжь растёт быстро. Возглавить
этот рост, правильно им руководить,—ваше комсомольское дело...

Чинарин обещал по выходе из госпиталя помочь ячейке.
Пункт по ликвидации неграмотности Иван Иванович посовето-
вал открывать немедленно. В марыкчанском отряде были люди, по
мнению Чинарина, из его же учеников, вполне способные пре-
подавать начальную грамоту.

Так беседуя, они составили целый план агитационной и просветительной работы комсомола. Костя Амурский с благодарностью записал себе в памятку все советы и предложения Ивана Ивановича и, распрощавшись, пошёл в комендатуру. Теперь он знал, что болезнь Манасова не подорвёт дорогую его сердцу комсомольскую работу родной ячейки.

В комендатуре Костю ожидала пожилая, хорошо одетая якутка.

— Мне надо поговорить с вами по личному делу,—чинно поздоровавшись, заговорила неизвестная посетительница. Амурский не любил сладких речей подобных особ. Кривляющиеся барыньки из местной знати всегда вызывали у Кости пренебрежение. Обычно они приходили с жалобами на партизан и уходили от него не солоно хлебавши.

— Заходите сюда,—пробурчал Амурский, открывая дверь дежурной комнаты. Посетительница без приглашения уселась на стул.

— Голубчик мой, вы из Марыкчана?

— Оттуда. Что вам нужно?

— Ах, как я рада увидеть юношу из родного Марыкчана. Я там родилась и выросла. Но вы так молоды, и, понятно, не знаете меня. Как ваше имя, голубчик?

— Имя моё вам знать не интересно. Как ваша фамилия, кто ваши родные в Марыкчане?—теряя терпеливую комендантскую вежливость, повысил голос Амурский.

— Ах, я ваша землячка. Я дочь Ефима Будашевского.

— Это брата бывшего волостного головы Адама?

— Да, но мой отец бедняк по сравнению с дядей Адамом. Вы не подумайте, мы к белым повстанцам отношения не имели. Голубчик мой, скажите мне, есть здесь ещё марыкчане?

— Есть, много. Да вы говорите, что вам нужно? Я должен уходить.

Барынька вынула платочек и прижала к глазам.

— Я вдова, голубчик. Меня легко обидеть. Пришла к вам с просьбой. Меня обокрали. Меня обокрала девушка, здешняя воровка Настасья Аргунская. Недавно она нанималась мыть у меня полы, ночевала, пила-ела и стащила три серебряные ложки, две позолоченные серебряные рюмки и серебряную сахарницу. Голубчик мой, подумайте, полфунта серебра!

— Она созналась в воровстве?

— Что вы! Эта девушка никогда ни в чём не сознаётся. Она поступила к вам в больницу. Берегитесь, она и вас обокрадет...

— За нас вы не беспокойтесь.

— Кроме того, она вела лёгкий образ жизни, возилась с какими-то картёжниками и пьяницами. Просто неприличная, грязная девка. Как вы её допускаете ухаживать за ранеными? Выгоните её поскорее.

— Это не ваше дело. Какая вам польза, если мы её выгоним?

— Ах, не то, не то... Вы не хотите меня понять. Я желала только предупредить. Прикажете ей вернуть моё, украденное. Я буду очень, очень благодарна.

— Ладно. Я выясню ваше заявление. Где вы живёте, ваш адрес?

— Я живу в своём доме, около мельницы. Моя фамилия по мужу Антипова.

— Ступайте. Я извещу вас, когда надо.

С любезным жеманством барынька поклонилась и ушла. Об Антиповой в комендатуре были кое-какие данные. Амурский знал, что несколько дней назад мельница Антиповой остановила размол зерна, требуя оплаты помола мукой. Комендатура реквизировала мельницу и поставила там охранный пост. Но всё это не имело отношения к вопросу о виновности Насти Аргунской. Комендант не мог отмахнуться от заявления, хотя оно исходило от заведомо враждебной партизанам личности. Отправив в госпиталь рассыльного, Костя сел писать повестки—приглашения на второе собрание молодёжи. Настя явилась быстро. Вызов к коменданту её перепугал, и всю дорогу девушка колёбалась: не убежать ли ей куда-нибудь, пока не поздно.

— Садись, Настя,—пригласил Амурский, указывая на стул, на котором получасом ранее сидела Антипова. Настя присела на кончик стула. Румянец сбежал с её щёк от неприятного предчувствия. Амурский не стал подыскивать вступительных слов и поставил вопрос во всей его неприглядной жесткости:

— Ты украла серебро у Антиповой?

Настя вздрогнула. «Узнали, и это узнали, зачем я не сказала тогда,—молча размышляла девушка.—Теперь меня выгонят из госпиталя».

— Я спрашиваю, украла ты серебро или нет?

— Нет, я не крада.

— На тебя поступило заявление.

— Я не украла. Я спрятала серебро Антиповой. Спрятала его, на зло хозяйке. Она обсчитывала меня за мою работу. А куда мне с серебром...

— Где серебро?

— В сарае у Антиповой, в старом помойном ведре...

Амурский не удержался от усмешки. В самом деле, корысти в серебре для «гулящей Насти» быть не могло. Ни продать его, ни пользоваться им Настя, конечно, не могла. Поступок девушки был вызван желанием как-нибудь отомстить обидчице. Это было ясно.

— Ты поступила, по меньшей мере, глупо. За такие поступки у партизан отдают под суд. Хорошо, что ты не запиралась и прямо сознаёшься мне. Но это надо было сделать раньше. Сейчас дело сложнее...

Настя Аргунская сидела, потупив голову. Так она и знала: комендант арестует её, отдаст под суд и тогда...

Сейчас дело сложнее,—продолжал Костя Амурский,—тебе придётся пойти к Антиповой и рассказать, где находится серебро. Все вещи целы?

— Все.

— Ну, и пусть эта барынька забирает свои позолоченные бирюльки. А тебе должно быть стыдно. Взрослая девушка прячет чужие вещи, чтобы насолить хозяйке. Как это отличить от обыкновенного воровства?

Настя не нашла ответа. Готовая провалиться сквозь землю, она только кусала губы, чтобы не расплакаться. Тяжёлым наказанием была необходимость идти к Антиповой. Костя Аргунский догадывался о буре, происходившей в душе незадачливой девушки.

— Ничего, ничего. Сходи и скажи ей, где вещи. И знать никто не будет. А чтобы Антипова не болтала о тебе лишнего, об этом я позабочусь. Иди на работу. Надеюсь, больше ничего подобного с тобою не случится...

Настя судорожно вздохнула и перевела дух. Неужели её простили? Она подняла глаза: комендант всё ещё усмехался. Поступок Насти напомнил ему выходки Сени Оноева: предложения сжечь церковь, отравить поповскую собаку, сломать за-

бор у волостного правления. Глупое ребяческое бунтарство! Оно должно вырасти и выросло в разумную борьбу с ненавистными мироедами.

— Приходи сегодня на молодёжное собрание,—сказал Амурский,—а эти две повестки передашь в госпитале новым сиделкам...

Иван Иванович Чинарин наконец покинул надоевший ему госпиталь. Несколько дней из-за больших морозов ему всё же пришлось просидеть на новой квартире, в тихой юрте, отведённой штабом. Впрочем, тихая юрта с переездом Чинарина загудела голосами марыкчанских партизан, получивших возможность встречаться со своим командиром во всякое время. Лёжа в лазарете, Чинарин не отрывался от повседневной жизни отряда. Не будучи в состоянии лично руководить, он не вмешивался в распоряжения своих заместителей, не докучал им советами, не навязывал своих планов. А планы у Ивана Ивановича были. Положение объединённых отрядов в Бояркинской слободе, бесспорно, представлялось крепким. Значительные силы, собранные в этом месте, сами по себе сковывали белобандитские шайки, блокировали тракт. И всё же Чинарину хотелось более активных действий, нежели кратковременные налёты на бандитские гнёзда. Чинарин рассуждал здраво. Полный разгром белых силами партизан неосуществим. Преимущества пока на стороне противника. Перерезав тракт, объединённые отряды сами очутились в кольце. Всё это было учтено ещё в начале операций красных отрядов. Чинарин не мог примириться с другим обстоятельством: не было связи с Якутском. Военное командование Якутского ревкома должно было узнать о планах партизанских отрядов и высказать своё мнение. Может быть, целесообразнее перебросить любой ценой гарнизон Бояркинского отряда в Якутск? Может быть, действия партизан могут быть направлены к какой-то иной цели? Идут ли подкрепления с юга? Продвигается ли Қалаңдарашвили?

На эти вопросы, волновавшие всех партизан, ответ мог дать Якутский ревком. Чинарин ожидал: что в этом отношении предпримет Искандеров? Выздоровев, марыкчанский командир решил инициативу взять на себя.

На четвёртый день после выписки из госпиталя Чинарин с комендантом собрались к Искандерову. Костя Амурский старательно закутал своего учителя в собачью доху, помог подпоясаться и вывел к саням. Чинарина от слабости покачивало. Сани быстро заскользили по завьюженным улицам. Из-под нахлобученной шапки Чинарин глядел на партизанский посёлок. Всюду было оживлённо. Вероятно, никогда ещё в слободе не скапливалось такого количества людей. Хлопали двери, скрипели ворота, в освещённых окнах юрт и домов мелькали тени. Через площадь тянулся обоз с сеном, навстречу ему двигалась вереница пустых подвод. У гарнизонного штаба постукивали копытами разнузданные лошади.

Искандеров ласково встретил марыкчанского командира. Он усадил Чинарина в единственное плюшевое кресло, доставшееся партизанскому штабу по наследству от старого владельца дома. Командиры были мало знакомы. Искандеров повстречался с Чинариным мельком, проезжая Марыкчан. После этого Чинарина ранили, а зайти в госпиталь Искандеров так и не удосужился, занятый повседневными штабными делами. Из разговоров марыкчанцев Чинарин, пожалуй, знал о дабанском командире больше. Николай Манасов и Костя Амурский многое порассказали о волевом горячем характере Искандерова.

Сидя в сторонке, Амурский сравнивал сейчас этих двух вожakov красных отрядов, двух большевиков, столь не похожих друг на друга внешне. Разными они были и по своим биографиям. Но крепко связанные общими идеями, общими целями и общими делами борьбы, командиры, казалось Амурскому, дополняли один другого. Искандеров—тяжёлый на вид, но горячий, порывистый в движениях. Чинарин—сухощавый, всегда невозмутимый, ровный. Оба были настойчивы в своих суждениях, упрямы в достижении целей, но каждый по-своему. Один сквозь огни войны, от пылающих августовских лесов, через опалённые гражданскими межусобицами степи Приволжья прошагал до Восточной Сибири, не выпуская из рук винтовки. Красную звезду на остроконечный шлем Искандеров получил вместе с партийным билетом. Чинарин никогда не выезжал из Якутии, только в партизанах научился владеть оружием. Его политический уровень был выше. Юношей, познакомившись с ссыльным Серго Орджоникидзе, молодой Чинарин духовно вырос и окреп под обаянием этого замечательного человека. Вспоминая заве-

ты товарища Серго, Чинарин начинал борьбу за советскую власть с агитации. Развернувшаяся белогвардейская авантюра на Севере потребовала перехода от слов к делу. Чинарин принял на себя всю тяжесть командирской власти в марыкчанском отряде и справлялся с боевыми задачами не хуже Искандерова. В этом обоим им помогали и энтузиазм молодых большевиков, составивших основное ядро партизанской силы, и неистребимая народная вера в торжество правды. Последний бедняк делился с партизанами чем мог. Чинарин и Искандеров знали: если не каждый обездоленный якут решался вступать в отряд, то каждый втайне сочувствовал. У командиров не было сомнения: белобандитская агитация не имеет под собой почвы и обречена на провал. Вопрос решало время. А время требовало разносторонних действий.

— Товарищ Искандеров, наши завхозы говорят: мукá на исходе. Я проверил сегодня все отчёты. Не учитывая потребности населения, отрядам гарнизона надо не менее сорока пудов муки ежедневно. Местная мельница пропускает самое большее двадцать пудов в сутки. Мы не покрываем половины потребности гарнизона, и запасы муки тают. Ты знаешь об этом?

Искандеров торопливо стал свёртывать папиросу. Занимаясь боевыми делами, он давно позабыл все бытовые вопросы. Признаваться прямо в упущении дабанскому командиру не хотелось.

— Знать—знаю, да руки не дошли до снабженцев. Целый месяц вывозим из окрестностей зерно и сено. Каждый день стычки, всё берём с бою. Бандиты стали сжигать необмолоченный хлеб в скирдах, сено в зародах. Приходится вести непрерывную разведку, выдвигать отряды неожиданными вылазками. Держу оперативные группы в готовности. Признаюсь, о муке запамятовал...

Чинарин вялым голосом, как бы успокаивая Искандерова своим равнодушным отношением к вопросу, внёс предложение.

— В посёлке есть ещё одна мельница. Она немного подрублена. Я велел её осмотреть. После ремонта, довольно большого, правда, мельницу можно пустить в работу. Твоему завхозу одному с ремонтом не справиться. В отряде, и среди населения есть кузнецы и плотники. Надо их привлечь к ремонту.

— Это правильно. Я велю своему завхозу договориться с твоим. Пусть организуют ремонт совместно...

Докуривая цыгарку, Искандеров ожидал дальнейшего разговора. Хотя он мало знал Чинарина, но понимал: хозяйственный вопрос был лишь вступлением к чему-то более насущному. Вряд ли марыкчанский командир приехал для разговора только о пуске второй мельницы. Это понимал даже Костя Амурский, слушавший с интересом первую беседу двух командиров. Предположение Искандерова оправдалось. Чинарин хотел поделиться с товарищем своими мыслями по вопросу, весьма далёкому от производства муки.

Установить связь с Якутском, войти в постоянное сношение с областным ревкомом и партийными организациями! Вот с какими предложениями приехал Чинарин, Искандеров, считавший невозможным тратить силы на непосредственную помощь Якутску, не признавал нужным и организацию связи. Бояркинская слобода была окружена бандитскими шайками плотно. Об этом ежедневно говорили данные разведки. Кроме того, Искандеров был убеждён в малой заинтересованности Якутского ревкома положением восточных партизанских отрядов, поскольку последние не могли повлиять на военную обстановку вблизи областного центра. Точно также Якутск ничем не мог помочь партизанам до прибытия красных частей с юга.

«У Якутска много своих забот,—говорил не раз себе Искандеров.—Там не до нас. А мы, отвлекая значительные силы белых и разъединив их группировки, своё дело делаем». Свои мысли он не скрыл от Чинарина. Марыкчанский командир согласился во всём. В сущности, первичные цели, поставленные самим Чинариным в начале партизанских операций, были выполнены полностью. В начале операций они казались маловероятными. Сегодняшнее положение объединённой группы можно было считать победой.

— Связь установить не плохо,—медленно заговорил Искандеров,—да как это сделать? Я против похода к Якутску. Потеряв базу, мы будем уничтожены.

— Связь нам нужна не для простой информации. В Якутске о нашем положении нет сведений. Вероятно, до прибытия подкрепления с юга Якутск будет посылать сюда на помощь небольшие отряды, как случилось с конной частью Гусарова. Якутск знает о существовании партизан в восточных районах. Больших сил до лета не пошлют, а мелкие отрядики будут уничтожаться белобандитами. Их наверняка будут посылать в посёл-

ки, которые нами оставлены. О соединении наших отрядов Якутск не знает. Там могут ослабить себя и не помочь нам. Вот о чём я говорю...

— Хорошо. Кому поручить, как по-вашему, организовать связь? Считаю дело заранее обречённым на бесполезные жертвы.

Марыкчанский командир, вопреки Искандерову, не считал данные разведки вполне точными. Разведка говорила о значительных силах противника, хотя и разрознённых по округе, но якобы густо заполнивших тракт и подходы к нему. Чинарин с этим не соглашался. Возле Бояркинской слободы и около самого Якутска, разумеется, держатся наиболее значительные силы белобандитов. Это понятно, ибо это два основных узла. Между этими узлами и, стало быть, между двумя скоплениями блокирующих сил лежало огромное малолюдное пространство горно-таёжного тракта. Кордоны на тракту бандиты держат не по всему протяжению, на это потребовалась бы целая армия. Значит, основное протяжение тракта и притрактовой полосы более или менее свободно. Небольшой отряд конных на хороших лошадях сможет пройти до Якутска, частью по тракту, частью тайгой. Надо только суметь этому отрядику прорваться за кольцо окружения около слободы. Этого можно добиться демонстративной атакой белобандитов на западном направлении тракта. Втянув в бой на тракту более или менее значительные силы, противник навряд ли будет бдителен в околотрактовой полосе. Через неё-то и надо просочиться посылаемой группе партизан. Чинарин предложил ограничить состав экспедиционной группы тремя всадниками. Искандеров не стал спорить. Пожертвовать тремя бойцам для него было легче, нежели поссориться с марыкчанским командиром в самом начале совместной боевой работы, от которой зависели многие сотни жизней. Начальником экспедиции Искандеров выдвинул Иннокентия Харачаева. Марыкчанский командир не возражал. О Харачаеве ему наговорил много лестного Николай Манасов, а Николай умел разбираться в людях.

Костя Амурский вызвал Харачаева в штаб. Бывший председатель дабанского ревкома, старый следопыт, попыхивая трубочкой, выслушал предложение командиров. Он не сразу ответил, раздумывая и не спеша выпуская кольцами едкий махорочный дымок, будто взвешивая что-то в самом себе. Командиры терпеливо ждали. От решения старого охотника зависело многое;

лучше его никто, пожалуй, не знал мест, по которым следовало прорываться на запад. Докурив трубочку и насыпая вторую, Харачаев в скупых словах выразил согласие возглавить экспедицию. Он предупредил также, к удовлетворению Искандерова, что на успех не рассчитывает и не может обещать, что доберётся до Якутска.

— Если из всего гарнизона выбрали меня,—медленно цедил слова Харачаев,—отказываться не буду. Тайгу знаю лучше других, мне и пытаться счастья. Помогите семье, ежели не вернусь.

Единственным условием Харачаев поставил выбор спутников по своему усмотрению. В рискованную вылазку старик брал двух партизан из своего дабанского отряда: Хадаева и Баягирова. Искандеров согласился с оговоркой: выделить этих бойцов, если они сами добровольно согласятся поехать с Харачаевым. Чинарин обещал старику позаботиться о его семье.

Командиры и Харачаев говорили о возможной гибели, как о самой простой вещи. Костя Амурский, слушая этих людей, удержал в себе настойчивое желание попроситься в экспедицию. Выскакивать со своим геройством после согласия Харачаева Костя справедливо считал неуместным. Эта ночная беседа показала ему скромность и величие настоящих большевиков, у которых жизнь и смерть служат делу великой борьбы.

Вместе с Харачаевым командиры наметили план задуманной экспедиции. Атаку белых командиры решили поручить первой роте под командой Семигука. Семигук должен был завязать продолжительный бой у первой линии заграждений противника. Ложная атака с сильной перестрелкой намечалась по всему западному сектору партизанской обороны. В составе небольшой конной группы трое всадников, добравшись до тракта, оторвутся от отряда, незаметно пересекут его в удобном месте и пройдут в горные хребты для глубинного обхода. После этого конная группа Семигука вернётся на исходные позиции, продолжая бой до особого сигнала.

Зимние вечера стала светлее. Долго качались над горами розовые перья заката. Мягкая голубая волна сумерок медленно наплывала с запада. В такие часы Бояркинская слобода и её окрестности казались мирными захолустьями. Запахи дыма, уют жилья тянули на отдых, к тёплым камелькам, к топящимся печкам. Даже караулы в эти вечерние часы пользовались покоем, перекуривали и вели бесконечные разговоры.

Отряд конных партизан, собравшихся в ограде гарнизонного штаба, получил приказание спешиться. Лошадей велено было не разнуздывать. Бойцы зашли в большую юрту погреться. Один из партизан, стройный румяный парень лет двадцати, остался мёрзнуть во дворе. Скоро из сеней пекарни к нему выскользнула тоненькая девичья фигурка. Молодые люди укрылись от ветра возле дверей. Партизан комсомолец Ибрагим Хадаев прощался со своей подругой Зоей Аягузовой. Они давно дали слово друг другу и собирались пожениться. Обстоятельства мешали их любви. Хотя, какие обстоятельства могут помешать любить молодым сердцам? Редкие встречи между боями, случайно проведённый вместе вечер на собрании ячейки,—это было и много и мало. Но у тех, кто любит—будущее! Оно всегда прекрасно, всегда обнадеживающе. Даже, когда надежду заслоняет чёрная тень опасности.

— Увижу ли я тебя, Ибрагим?—спрашивала девушка. Пальцы её скручивали и раскручивали концы шарфа, наглухо затянутого на шее Хадаева.

— Не знаю. Сказали нам, что дело очень рискованное: хочешь—поезжай, хочешь—откажись. Разве можно отказаться? Харачаев едет, Баягиров едет. Любой комсомолец из отряда поехал бы, а выбрали нас. Что гадать, Зоя, надо—значит надо. И ты не убивайся. Я убеждён, что всё пройдёт хорошо, только—ты жди.

Так они стояли, обнявшись, не чувствуя морозного ветра, струившегося с гор. Суровая якутская земля была им обоим родиной. История старика Аягузова читателю известна. Остаётся сказать, что дочь бывшего каторжанина и ссыльного, Зоя, полюбила человека той же судьбы. Ибрагим Хадаев—сын ссыльного черкеса. Ребёнком, как и его невеста, он приехал в студёную тайгу, вырос здесь и после смерти спившегося отца батрачил на якутских кулаков до установления советской власти. В дабанском ревкоме, где председательствовал Харачаев, Ибрагим устроился работать сторожем. Вместе со своим председателем он вступил в партизаны и ныне пользовался известностью бесстрашного разведчика. Таков был избранник сердца Зои Аягузовой, сестры дабанского командира.

Прощание было недолгим. Бойцы, выходявшие из юрты, уже отвязывали коней. Из дверей штаба вышел Харачаев. Ибрагим поцеловал девушку в последний раз и, не оглядываясь, по-

шёл к отряду. Зоя тихонько шагала следом. Одна оборванная кисточка ибрагимовского шарфа всё ещё крутилась между девичьих пальцев.

Все командиры гарнизонного штаба вышли провожать Харачаева. Около сотни коней, стоявших на огромном дворе, грызли заледенелые мундштуки. Семигук отдал приказ садиться. Хадаев помахал Зое шапкой. Стукнули по утопанному насту копыта. Густеющие сумерки поглотили отряд за последними юртами Бояркинской слободы.

Проехав поселковые пустыри, три всадника отделились от отряда, свернули с тракта на целину и стали подниматься по хребту. Когда силуэты их исчезли за щетиной седых от инея лиственниц, Семигук приказал прибавить шаг.

Иннокентий Харачаев со своими спутниками пробирался напролом к горному перевалу. Мёрзлые ленты ручьёв поднимались вверх, как белые полотенца. Сухие сугробы с хрустом осыпались с каменных глыб. Колючая пороша заиндевелых низкоствольных лиственниц запудрила лошадей и бойцов, превратив их в движущиеся белые статуи. Не доехав до вершины первого распадка, Харачаев услышал глухие выстрелы. Отряд Семигука начал своё дело.

Трое всадников остановились.

— Начали там во-время. Надо нам не задерживаться: пока перевалим к тракту, пока найдём место, где на него выехать, совсем стемнеет.

Харачаев приказал очистить коням ноздри. В большие морозы дыхание животных наращивает ледяные сосульки, от которых животные сами не могут освободиться. Заботливые наездники время от времени вынимают из конских ноздрей смёрзшиеся пластинки льда. Отфыркавшиеся лошади повеселели. Несмотря на глубокий снег, подымавшийся иногда выше колен, всадники быстро спускались с перевала. Сучья деревьев ломались, словно стеклянные. Промороженные узловатые лесины громоздились бесконечными рядами. Стрельба за горами усилилась. Эхо доносило раскатистые залпы и одиночную дробь пулемёта. Проехав ещё около двух вёрст, Харачаев повернул на тракт.

— Измотаем в сугробах коней, тогда ночь пропала, да и мы пропасть можем,—сказал Харачаев бойцам. Миновав несколько распадков, узеньким руслом какого-то ручья Харачаев

вывел своих смельчаков на тракт. Ледяная, укатанная, наезженная дорога была пустынна. В стороне, откуда они приехали, непрерывно хлестали залпы.

Три всадника дали передохнуть коням. Потом Харачаев скомандовал «не отставать» и ударил своего буланого жеребца. Мятущиеся конские крупы распластались над гладью трактовой дороги. Замелькали утёсы, деревья, кусты. Ночные белые тени летели следом. Харачаев очень гордился своим буланым жеребцом, нарочно для этой поездки отобранным из стоголового табуна. После часовой скачки Харачаев обернулся. Он подумал, что товарищи, у которых лошади были послабее его скакуна, отстали. Нет, Хадаев и Баягиров шли плотной цепочкой. Рыжая кобылица Хадаева фыркала на заиндеветый круп харачаевского коня. Харачаев тронул поводья, и цепочка всадников вновь полетела по тракту, оставляя за собой струю замёрзшего в снег дыхания. Безликие тёмные долинки перемежались с ущельями, чахлые березники чередовались с лиственничными зарослями; грохотали под копытами ледяные мостики ручьёв, пересекавших дорогу. Места были глухие. Юрты-летники одиноко, одна от другой в трёх-четырёх верстах, изредка маячили около речушек. Становые хребты обтекали тракт справа и слева. Харачаев вёл своих бойцов всю ночь. С появлением первых утренних звёзд решили отдохнуть и выкормить коней. Харачаев выбрал неширокую падь и свернул с тракта вдоль засугробленного берега горного ключа.

— Не наскочим здесь мы на кого из бандитов?—спросил Баягиров, вплотную подвигаясь к Харачаеву. Тот указал плетью на сугробы.

— За всю зиму здесь никто не проезжал. Если увидят наши следы, не страшно, примут за бандитов: мы у них глубоко в тылу. А коней надо кормить.

Поездив между зарослей, путники натолкнулись на небольшую полянку; в самом центре её виднелся круглый нетронутый стог сена. Место было укромное, между двумя мысами, заслонявшими полянку от ветров.

— Местечко ладное, спокойное. Хорошо ли сено, вдруг осока?—обтирая иней с бровей, выразил сомнение Хадаев.

— Гляди, сколько заячьих следов! Заяц не стал бы ходить на кормёжку к плохому сену. На этой речке есть, наверное, и ещё покосы.

Харачаев слез с коня. Его примеру последовали оба партизана. Коней подвели к изгороди. Ровным кругом городьба охватывала стог плотно уложенного, осыпанного снежком сена.

Хадаев вырвал кол из городьбы, зашёл внутрь и разворочил стог. Лошади зафыркали, ловя знакомый запах душистой сухой травы. Харачаев послал Баягирова в овраг разводить костёр. Взмахнув на плечи мешок с провизией, захватив чайник и топор, Баягиров убродом стал спускаться в овражек, а Харачаев с Хадаевым, натеребив корму, решили осмотреть местность. Хадаев пошёл к южному мысу, Харачаев—в противоположную сторону. Разведчикам было хорошо слышно, как пофыркивают кормящиеся лошади, трещат в овраге сучья под топором Баягирова. Скоро густой дымок пополз по сугробам, запахло смолой. Баягиров разжёл костёр. Запах дыма напомнил Хадаеву о покинутом уюте слободских домов, об оставленных, далёких теперь товарищах, о Зое.

«Она сейчас спит ещё,—лезли в голову Хадаева непрошенные мысли,—пусть спит. Пусть ей не придётся горевать». О своей судьбе партизан Хадаев не задумывался. Он выполнял комсомольский долг и был этим доволен. Мысль о возможной гибели, появлявшаяся перед отъездом в экспедицию, связывалась у него с другой мыслью: он не увидит Зою. Теперь эта мысль не появлялась. Конечно, он увидит Зою. Конечно, они будут очень счастливы. Поход шёл до сих пор успешно. Вражеское окружение Бояркинской слободы миновали благополучно. Часть местности в тылу противника пройдена беспрепятственно.

Дойдя до мыса, Хадаев обернулся. Баягиров, сняв рукавицы, махал ему—возвращайся! Сгорбленная фигура Харачаева уже спускалась к оврагу. У костра партизаны закусили. Каждый получил порцию варёного подогретого мяса и лепёшку. Плоские лепёшки, изукрашенные дырочками, снова напомнили Хадаеву о Зое. Очень возможно, что это она пекла хлеб по татарскому образцу. Русских хлебопёков в слободе всё ещё хватало. Впрочем, в дороге лепёшки удобнее, их легче отогреть, чем толстокорую мёрзлую ковригу. Лепёшки запивали тепловатой водой. Баягиров дважды набивал снегом медный чайник. Закусывали стоя. От костра тянуло дымным теплом, потрескивали сучья. Проголодавшимся людям и лепёшки, и мутноватая тёплая вода казались лакомством. Хорошо бы заварить щепотку чая, но чая у партизан давно не было ни в одном отряде.

Допивая последние кружки, партизаны услышали отдалённый лай собаки. Харачаев выплеснул остатки кипятку. Собака лаяла нудно и беспрестанно. Не могло быть, чтобы пёс зачуял партизан.

— Может, учуяла дым? Но откуда в безлюдном месте взяться собаке?—не обращаясь ни к кому, спросил Харачаев.

— А если нас открыли бандиты, если погоня?—предполагал Хадаев.

Костёр закидали снегом, провизию убрали в мешок, поднялись на полянку к изгороди. Лошади продолжали жевать, по временам вслушиваясь в собачий лай.

— Надо ехать, оставаться опасно. Скоро будет светать,—сказал Харачаев, и, бросив кость, которую доглядывал по дороге, стал засёдлывать жеребца. Баягиров, навьючивая мешок, советовал ехать около тракта, по хребтам. Харачаев не согласился. Езда по бездорожью быстро утомляла лошадей, а впереди предстоял большой дневной переход. Пока, пользуясь утренним сумраком, Харачаев решил двигаться трактом.

Отдохнувшие кони быстро добрались до дороги, и снова началась скачка. Вёрсты летели незаметно. На восточном краю неба поднялась блестящая, как лезвие, полоса зари. Проехали через озерко с прорубью, служившей водопоем. По всей видимости, безлюдный участок тракта остался позади. За озером пошли большие поляны, от которых к тракту тянулись узкие тропинки: по ним возили сено с дальних покосов. Харачаев колебался, свернуть обходом и двигаться таёжными хребтами ему не хотелось. В этих местах он бывал редко и боялся проплутать в тайге лишнее время. По его расчётам, до ближайшего жилья оставалось ещё десять—пятнадцать вёрст. Однако они не проехали и пяти. Из-за крутого поворота, у самого тракта, показалась большая юрта. Густой столб дыма и привязанные у изгороди лошади говорили, что юрта обитаема, а её расположение на извороте тракта само по себе было угрожающе. Именно в таких местах белобандиты ставили кордоны. Но теперь поздно сворачивать в сторону. Поворачивать назад тоже не имело смысла. Харачаев решил, что они замечены и велел ехать вперёд. Проезжая около юрты, партизаны встретили двух человек с винтовками. Люди поджидали партизан, принимая, видно, за своих. Харачаев ударил жеребца плетью и вихрем промчался мимо юрты. Позади его раздались крики:

Остановись! Стой! Кто такие?..
Жеребец, подгоняемый плёткой, поскакал галопом. В ушах Харачаева засвистел ветер. Но Харачаев, не оборачиваясь, гнал и гнал коня. Громко и предостерегающе загревели выстрелы. Проскакав более получасу, партизан свернул на боковую тропинку. Рядом с ним захрапела другая лошадь. Это оказался Хадаев.

— Где Баягиров?—не останавливаясь, через плечо прокричал Харачаев.

— Баягиров упал с конём. Убит!—во весь голос ответил Хадаев, перегнувшись в седле в сторону Харачаева. Кони мчались голова в голову, потом Хадаев поехал вслед своему начальнику. Тропинка путалась в подлеске, кружилась между стволов. Спустя некоторое время партизаны попали на широкую луговину, где паслись на подножном корму несколько лошадей. Снег здесь был взрыт и истоптан, партизаны могли скрыть следы своих коней. Проехав через зимнее пастбище, Харачаев выбрал наугад тропинку и скоро они снова увидели тракт. Солнце уже взошло. Дремотная тишина лежала над хмурой тайгой. Словно и не было недавних выстрелов у придорожной юрты и многовёрстной скачки под страхом погони. А погони и в самом деле не было.

— Хорошо, если Баягиров не попался в руки бандитов живым,—сурово проговорил Харачаев, осаживая жеребца. Запыхавшиеся кони пошли шагом.

— Живым он не дастся. Баягиров—комсомолец и знает, что его ждёт у беляков. Но мне показалось, что он убит в седле, а коня свалили потом,—отвечал Хадаев. Больше они не сказали друг другу ни одного слова за весь день.

Харачаев ехал теперь с большой осторожностью. Завидя даже безлюдные юрты, партизаны объезжали их, сворачивая с тракта. У поворотов просматривали тракт, спешиваясь с коней. Так благополучно двигались до заката. Солнце садилось, когда они встретили на тракту одинокого старика верхом на быке. Небольшой воз сена плыл на санях; тощий, заморённый бык едва передвигал ноги. Старик сначала упирался, не желая отвечать на расспросы партизан. Потом, выкурив несколько трубок самосадки, под большим секретом поведал самую большую местную новость. Двое суток назад на погост Анды откуда-то прибыл отряд красных. Этому сообщению партизаны не поверили. Они

не выдавали себя ни за белых, ни за красных, а старик держался тоже двусмысленно.

— Далеко ли до этой Анды и сколько там понаехало красных чертей?—допытывался Харачаев.

О числе красных старик будто бы не знал, а до Анды считывал двадцать вёрст. Партизаны простились со стариком, не спрашивая о дороге. Харачаев решил никому не доверяться. Населённые места приближались с каждым часом пути: вместе с ними приближались и неведомые опасности.

В сумерках партизаны стали встречать пустующие летние юрты почти на каждой версте. Потом на дороге, возле безымянного ручья, натолкнулись на женщину. Она быстро шла по обочине тракта, сторонясь от неизвестных людей.

— Здравствуй, хозяйка! Что тебя гонит в такое время?—обратился Харачаев. Путница была одета кое-как и, видимо, чем-то встревожена.

— Здравствуйте,—женщина попятилась от подъехавших партизан.

— Не встречала случайно двух вооружённых конников впереди нас?

— Нет, слава богу, не встречала,—более доверчиво ответила на этот вопрос женщина, замедлив шаг. На лице её показалось подобие улыбки.

— Разговор о них идёт в юртах, будто красные это... Тревожно везде. Бегу к соседу, на случай спрятаться, если большевики сюда нагрянут. А то я одна осталась...

Ты чья будешь?

— Я местная. Мужа у меня вчера забрали красные. С Анды приехали, человек тридцать... Вы, наверное, слышали?..

Харачаев понял, что женщина далеко не обрадуется, узнав в них партизан, и решил разыграть роль белого разведчика.

— Мы тракт объезжаем. За весь день одного старика с сеном на быке видели. От него и узнали о двух красных, тут где-то прячущихся. Ну-ка, расскажи, откуда здесь красные взялись?

— Ой, да вы и впрямь ничего не знаете,—затараторила женщина, окончательно убедившись, что перед нею белый разъезд.

— С утра ещё в юртах разговор был, с востока ночью троё верховых ехало. На речке Хатынахе одного подстрелили, а двое ускакали...

Таёжная жизнь имеет свои особенности. В глухих местностях житель юрты, увидев неизвестного проезжего, не поленится вскочить на коня в ночь и за-полночь, поскачет к соседу—поделиться новостью, что-нибудь разузнать. Сосед известит соседа. Таким образом в прошлое время без всяких почт и телефонов интересный слух передавался в окрестностях за сотни вёрст. Любая новость распространялась по округе в тот же день, а затем перекочёвывала в другой район, украшенная всяческими досужими вымыслами и добавлениями.

Весть об убийстве Баягирова дошла к этой женщине раньше, чем она повстречалась с партизанами. Недаром разносчики новостей в Якутии не признают дорог, а мчатся напрямки к соседу.

— Как же вам старик не рассказал,—продолжала тараторить женщина.—Ведь те, трое, стрельбу по тракту затеяли. Возле юрты Багыная дело-то вышло.. Красный что наделал: упал с коня, наши к нему. Думали, убит. А он за револьвер, парня нашего, Мячина, загубил. Сейчас Сергешин спятью верховыми проехал, искал тех, двоих, да они как сквозь землю провалились. Из Боярки, говорят, едут...

— Где мы найдём Сергешина?—спросил Харачаев, не подавая вида, что впервые слышит эту фамилию. Женщина охотно показала на тракт.

— Прямо езжайте. За леском будут юрты. Сергешин там, а ежели уехал, жители скажут, куда...

Хадаеву хотелось узнать, далеко ли до Анды и сколько там красных, но Харачаев не спрашивал, и он не решился ввязаться в беседу. Женщина ушла. Проехав с полверсты, Харачаев остановился, поглядел кругом, повернул на окольную дорожку, шедшую повыше большого тракта. На свежей пороше, устилавшей дорожную гладь, пестрели многочисленные следы копыт. Некоторое время партизаны надеялись и на этот раз сбить теперь уже неизбежную погоню. Надежда не оправдалась. У переезда через новую речку двое верховых выскочили из кустов навстречу.

— Не зевай!—скомандовал Харачаев.—Пока они не отрезали нас от речки, гони коня! Может, успеем проскочить на тот берег. Держи туда, на пригорок, где могильники...

Он не успел договорить. Кони, подхлётнутые одновременно, перемахнули через реку. И в тот же момент с вершины пригорка.

от старых могильников, за которыми хотели укрыться партизаны, редко-редко защёлкали ружья. Жеребец под Харачаевым заржал и, покачавшись, упал. Конь и всадник поднялись. Передняя нога лошади была перебита ниже колена. Хадаев, так и не поднявшись на пригорок, пропал в прибрежных кустах. На хромом коне Харачаев поехал к лесу. В спину ударило ещё несколько выстрелов. Загнав жеребца в чащу возле реки, Харачаев сыркнул с седла и стал осматривать конскую ногу. Густая кровь быстро замерзала на перебитой голени. Жеребец стоял понуро. За спиной Харачаева захрустели ветки. Обернувшись, он увидел морду лошади, поднимавшейся от берега. Это был конь Хадаева. Оборванные скровавленные поводья болтались на снегу. Харачаев привязал своего раненого жеребца к дереву и сел на хадаевскую лошадь. Трона, пробитая многими копытами, шла вглубь леса. Харачаев поскакал по ней, пока не застрял в гуще обгорелого, перепутанного бурелома. Со стороны, где он привязал раненого жеребца, слышались крики:

— Здесь он! Сдавайся!

Потом стали стрелять. Враги, очевидно, решили, что он спрятался около раненого коня и обшаривали бурелом, боясь нарваться на сопротивление. Харачаев, проехав бурелом, углубился в горы. Спасительные сумерки с густым туманом скрыли его следы.

Сделав большой крюк, он снова повернул к тракту. Изредка до него доносился один-другой выстрел. Там, за горой, его всё ещё искали.

Потеряв двух спутников, Иннокентий Харачаев решил не беречь себя. Добравшись снова, в который раз, до большого тракта, он зарысил, думая только о том: правда ли, что в Анде красные? Рассказы прохожих старика и женщины в этом отношении сходились. Если же красных в Анде нет, его положение становилось безвыходным. Провизия и заряды пропали вместе с Баягировым. Заезжать к жителям на риск или умирать с голоду,—иных планов не оставалось. До Якутска ещё несколько дней пути. Письма, доверенные штабом, жгли грудь старого партизана. Сможет ли он доставить их?

— Стой!—из оврага на тракт выбежали четверо с винтовками на перевес.—Стой, бандит, руки вверх!

Грубый окрик прозвучал для Харачаева, как самое желанное приветствие. Он с готовностью поднял руки над головой.

Поводья коня подхватили чьи-то рукавицы. Слово «бандит» от радно звучало в ушах.

— Свой, товарищи, свой! Из Бояркинской слободы! Проводите меня к вашему командиру,—спокойно говорил Харачаев, не отворачиваясь от дула винтовки, протянувшегося к его лицу. Харачаева ссадили с коня, обмотали арканом руки и повели по тракту. Итти пришлось далеко. Провожатые сосредоточенно шагали, по временам легонько пихая прикладом в спину. Но и это радовало Харачаева. Ясно, он попал в руки красных. Бандиты бы не стали возиться с пленным, а уж избили бы во всяком случае тут же, на тракту.

В посёлке, спрятавшемся между двух гор, Харачаев, несмотря на темень, узнал Анды. Однажды ему пришлось здесь побывать в молодости. Погост не изменился. Низенькие, плоские юрты стояли в один ряд. У коновязи в тумане темнели конские крупы. Рассказы старика и женщины оказались правдой. Красный отряд в сотню сабель стоял в Анды третьи сутки.

Харачаева привели к командиру. Проверив партизанское удостоверение, командир отрекомендовался:

— Моя фамилия Кожухов. Садись, товарищ Харачаев, рассказывай, как дела в слободе?

Вместо рассказа Харачаев распорол полу грязной оленьей дохи, достал связанные пакеты и вручил их Кожухову. Тот долго сверял шифр, потом прочитал и, пожимая руку Харачаева, поблагодарил от имени Якутского красного штаба.

— Ты сделал большое дело,—сказал Кожухов довольному похвалой Харачаеву,—теперь мы знаем, что надо для нашего продвижения в будущем. Военное командование получило драгоценные сведения. Ты и твои погибшие товарищи совершили подвиг.

Уставший Харачаев хотел спать, но Кожухов заставил его поужинать и попутно рассказать все подробности необычайного путешествия по белобандитским тылам.

Палящий июльский зной веял над тайгой. Нещадно калило высокое северное солнце. Прозрачная бледность неба, словно выгоревшая парусина, не темнела, хотя по часам был уже вечер.

Люди ждали привала, а команды не было. Стремительным маршем комбат вёл свою часть через тайгу не первые сутки и красноармейцы, понимая значение похода, шли вперёд без жалоб и сетований. Тяжелы в тайге летние дороги. Комары, мошки, слепни густыми тучами вились над колонной. Потные кони бешено крутили головами, защищаясь от летучих мучителей. Пыль столбом висела над грузовыми телегами. Уставшим людям тайга давно опротивела. Они не замечали цветущих полей, покрытых ярчайшими цветами. Живые ковры трепетали в каждой долинке, у каждого ручья, на каждом пригорке. Шёлковая бахрома лиственниц переливалась всеми оттенками зелени, от тёмного изумруда до нежной голубизны сапфира. Широкие хребты тянулись вдоль дороги, украшенные мягкими березняками и густой хвоей сосён. Птицы якутского леса—кукушки—залвливались повсюду. Рослая, пышная трава стояла в рост человека. Не переставая, с зари до зари, пели северные жаворонки. Частенько из-под самых ног людей вспархивали дрозды. Яркое, шумное, горячее—цвело якутское лето.

Впереди походной колонны ехали партизанские разведчики. За ними шагал взвод питерцев, бывших красногвардейцев. Питерцы шли, не теряя строя, по четыре человека в ряд. В интервале между питерцами, бок о бок, ехали командир и комиссар. Комиссар был известный читателю марыкчанский учитель Иван Иванович Чинарин. Командир батальона Атамалов-Катунский приехал в Якутию недавно.

Кадровый командир Красной Армии, комбат был ещё совсем молодым человеком. Родился он в Западной Сибири, в семье обских рыбаков и сам работал засольщиком. В 1914 году Атамалов попал на западный фронт. После Октября с эшелонами демобилизованных Атамалов вернулся в Сибирь большевиком. И когда контрреволюция подняла белые знамёна Колчака, Атамалов организовал один из первых партизанских отрядов на Алтае. Его отряд действовал в районе реки Катунь, с тех пор к фамилии Атамалова пристала партизанская кличка—Катунский.

Комбат прорвался в Якутию ещё по зимнему пути. Областной ревком послал его на выручку Бояркинской слободы. Решительными ударами Атамалов разбил несколько крупных бандитских шаек, освободил значительную часть тракта и соединился с Бояркинским партизанским гарнизоном. Теперь соединённые

силы красноармейцев и партизан двигались на последний оплот белобандитов, на Марыкчан.

Позади подтянутых, идущих строем питерцев, беспорядочно двигались остальные взводы и партизанские группы. Герои многомесячных таёжных боёв выглядели неприглядно. Износившаяся, латанная-перелатанная одежда, разбитая обувь, разнокалиберное оружие резко отличали партизан от кадровых красноармейцев. Многие партизаны-якуты, за отсутствием ремней, подвязали ружья волосяными верёвками. Скрывая истлевшие рубахи, некоторые шли в совершенно облезлых дохах. Фуражек не было почти ни у кого. Одни обливались потом в меховых шапках, другие шли с непокрытыми головами, несмотря на страшный солнцепёк. Дранные унты, сапоги без подошв, войлочные туфли, стоптанные валенки заменяли партизанам обувь. Несколько парней обернули ноги кусками невыделанных бычьих шкур, нарезав их широкими лентами.

Но убогая одежда не смущала никого. Люди эти привыкли к нищете и бедствиям, закалились в суровой батрацкой жизни. Ненависть к вековым угнетателям горела в их крови пламеннее июльского зноя. Теперь, когда близилась окончательная победа, партизаны испытывали небывалый подъём. Старики и молодые держались в походе испытанными бойцами, для которых нет ничего, что могло бы помешать выполнению боевого долга. Удушьящая жара, тучи комаров, голод и жажда, которые было некогда утолить, суточный непрерывный марш по глухому тракту— всё это переносилось, как привычное, с беспримерным терпением. Молодёжь даже подшучивала:

— Эй, парень, причеши волосы, в Марыкчане шанку получишь!

— Не потеряй доху, последние волоски летят!

— Кто подошву потерял?

Комиссар и комбат с улыбками слушали хлётские шутки неунывающих бойцов. Хорошее настроение во время трудного похода—отрадный знак. Кто может веселиться в таком походе, тот не осрамится и в бою. .

Возле телег с имуществом госпиталя, аптечными ящиками, тюфяками в мешковинных чехлах и складными кроватями шла группа девушек. Все они были вооружены короткоствольными кавалерийскими карабинами. Здесь тоже сыпались шутки, и по временам вспыхивала задорная песня. Маруся Ордонская, Даша

Дыгасова, Настя Аргунская пересмеивались с пулемётчиками. Бравые ребята приглашали девушек садиться, подъехать на пулемётных двуколках, а девушки предлагали пулемётчикам пожалеть коней, размять ноги хорошей перебежкой.

Замыкая колонну, ехала телега госпитального повара корейца Чи-Дуаня. Опустив на глаза белые поля широкой войлочной шляпы, Чи-Дуань подрёмывал, отмахиваясь от комаров. Когда-то Чи-Дуань партизанил у себя на родине, сражался с японцами возле отцовской деревни. Японское нашествие в Корею заставило Чи-Дуаня бежать из родной стороны. Захватив щепотку земли с могилы предков, Чи-Дуань ушёл в Китай, а оттуда перебрался в Россию. Много лет он искал золото на северных приисках, мечтал разбогатеть, вернуться домой зажиточным человеком. Богатства Чи-Дуань не нашёл, здоровье и силу потерял. Когда якутский народ поднялся против белогвардейских последышей колчаковщины и своих поработителей тойонов, Чу-Дуань вступил в партизанский отряд. Враги якутского народа были его врагами. Чи-Дуань знал,—японские хищники поддерживают белобандитов с гой стороны Охотского моря. Этого было достаточно, чтобы забыть старость. Чи-Дуань не мог воевать, но мог поддерживать воюющих друзей: он был хорошим поваром.

В отдалённейших местах России, на затерянном в якутской тайге тракту двигалась колонна с красным знаменем. В рядах этих борцов за всенародное дело социалистической революции были русские, якуты, эвенки, украинцы, белоруссы, татары, черкесы, грузины, литовцы, китайцы и кореец Чи-Дуань. Вихри борьбы сплотили их здесь для последнего наступления на общих врагов.

Николай Манасов, ехавший среди конных разведчиков, несколько раз останавливался, пропуская мимо себя колонну, и снова возвращался в головной отряд. Зрелище таёжной армии, растянувшейся почти на километр, особенно волновало сердце комсомольца. Ведь вся эта грозная лавина двигалась освободить его родной Марыкчан.

Больше двух месяцев пробыл Николай Манасов в госпитале. Искусство доктора Косонорова и любовный уход Маруси Ордонской спасли ему жизнь.

Николай Манасов вернулся к отряду в трудное время. Запасы продовольствия в слободе кончились. Белобандиты стали налетать на заставы по два, по три раза в день. Сено и зерно из района добывались в кровавых боях. Партизаны перешли на го-

лодный паёк. Нехватало патронов, и конным группам приходилось всё чаще и чаще отбивать врагов холодным оружием. Стрелки надели штыки на винтовки. В начале весны в слободе кончились запасы топлива. Юрты стали отапливать щепой и сухими жердями из изгородей. В это время Манасов стал развёртывать комсомольскую работу среди бояркинской молодёжи. Юноши и девушки потянулись на собрания. В холодных юртах занимались кружки ликбеза. Комсомольская ячейка утроила свои ряды. После большой подготовительной работы Николаю Манасову удалось организовать отдельный комсомольский взвод. Политическая учёба слилась с боевой. Командование взводом штаб поручил Манасову. Пригодился его агитаторский опыт. Ликбез, политзанятия, учебные стрельбы, изучение устава РККА и устава комсомола,— всё проходило одновременно. Марыкчанские комсомольцы стали застрельщиками в культурной и в боевой работе. С собраний комсомольцы шли в дозоры. С вечеров самостоятельности выезжали на боевые операции, из которых многие не возвращались.

Белые старались подорвать окружённый партизанский гарнизон и «психическими» налётами. Николай Манасов помнит одно предвесеннее утро. Со стороны белых по тракту примчалась лошадь, запряжённая в лёгкие сани. Дозорные перехватили коня у самой околицы. В санях нашли деревянный ящичек, перевязанный бечевой. Манасов распорядился доставить загадочную посылку в штаб. Ящичек вскрыли. Там было два шарфа, кожаная сумка с оторванным ремнем и пакет с бумагами. Первые три предмета партизанские командиры узнали сразу. Шарфы принадлежали Баягирову и Хадаеву. Сумка с порванным ремнём тоже была хорошо известна: с нею уехал Харачаев. В пакете находились некоторые секретные документы штаба Каландарашвили. Это было свидетельством провала связной группы, посланной из слободы в Якутск, и ещё более страшным доказательством гибели полка Каландарашвили, на прибытие которого так надеялись во всей Якутии. В ящичке нашли и письмо бандитов. Там обстоятельно рассказывалось о добровольной сдаче в плен Харачаева и его товарищей, о разгроме полка Каландарашвили и о том, что Якутск не сегодня-завтра капитулирует. Это же предлагалось сделать гарнизону Бояркинской слободы.

Партизанские командиры написали белым ответ в выражениях настолько ярких, насколько и убедительных. По части

крепких словечек партизан учить было не надо. Ответ запаковали в тот же ящичек. Ящичек положили в сани, нахлестали коня и тот умчался в расположение бандитских постов. С этого дня белые стали обстреливать слободу не реже трёх раз в сутки.

Командиры, конечно, не поверили в предательство Харачаева и решили, что все трое разведчиков убиты в пути. Как мы знаем, предположение это было частично правильно. Документы, да ещё секретные, из штаба Каландарашвили были более тревожным знаком. Что-то неладное случилось, если не со всем красным полком, шедшим с юга, то, во всяком случае, с его штабом. И это предположение партизан было правильно. Как выяснилось после, Нестор Каландарашвили двигался впереди своих частей и уже вблизи Якутска был завлечён предателями в засаду. Легендарный сибирский партизан-большевик, «дедушка» Каландарашвили не отступил и в жесточайшей схватке погиб вместе со своими ближайшими соратниками. Смерть Каландарашвили заставила ускорить продвижение всех красноармейских частей, двинутых из Иркутска. Советская власть в Сибири уже окрепла. В это верили командиры Бояркинского красного гарнизона. И вера эта оправдалась. В апреле, в одно солнечное тихое утро, на западном направлении тракта весело проревела пушка. Батальон Атамалова-Катунского быстро разгромил кольцо окружения и освободил Бояркинскую слободу.

Многомесячная осада кончилась в один час. Разбитые белобандитские шайки бежали в тайгу, бросая награбленные у населения запасы продовольствия и фуража. Уничтожая вражеские заставы, партизанские группы вместе с батальоном Атамалова прошли до Якутска. Красная столица Якутии, перенесшая трудную зиму, готовилась к встрече пароходов с юга. На них прибывали всё новые и новые вестники солнца — краснозвёздные отряды. Предстояло военное лето 1922 года. Самые захолустные уголки огромной территории Якутии надлежало окончательно очистить от белогвардейского отребья и разгромленных националистических шаяк. Бояркинскую партизанскую группу возглавил батальон Атамалова, усиленный рогой питерцев. Освобождение Марыкчана было поставлено целью последнего похода.

Николай Манасов, как и все марыкчанские парни и девушки, шёл в этот поход, словно на праздник. Приближались знакомые с детства места. Перевалили высокий хребет. Долина, густо зарос-

шая лесом, открывалась необозримая, украшенная озёрами, блестящая синевой лиственных рощ и щетинистыми шеренгами хвойника. Разведка поехала быстрее. Николай Манасов рассыпал своих разведчиков редкой цепочкой: надо было обследовать местность впереди, вёрст на десяток.

Сам Манасов поехал руслом почти пересохшего ручья. По берегам пышно кудрявились кустарники. Птицы перепархивали через узкую полоску воды. В привычном шуме летней тайги внимание Манасова привлекло громкое чириканье дроздов. Осторожные птицы о чём-то предупреждали свои выводки. Птенцы, отчаянно верещавшие, неожиданно замолкли. Это показалось Николаю подозрительным. Тщательно осматривая лесную заросль, Манасов подъехал к груде валежника. Конь встал на дыбы. Трое людей, щёлкая затворами японских карабинов, выскочили из-за гнилой колодины. Николай повернул лошадь, не слушая окриков, и поскакал обратно. Вступать в схватку с засадой бандитов бессмысленно. Но бежать оказалось поздно. За спиной дважды хлопнули карабины. С перебитыми задними ногами конь опрокинулся, Манасов вылетел из седла. Ударившись затылком о камень, он не успел притти в себя, как его окутала волосяная верёвка. Бандиты обезоружили Николая и потащили в кусты.

— Сволочь, почему не сдавался? Шум поднять заставил,— ругался бандит в синей гимнастёрке из китайской дабы, шитой белыми нитками. Этот человек был удивительно похож на тойона Хараханова, расстрелянного год назад на Охотском тракту. Только приглядевшись, Манасов понял, что бандит значительно моложе, в остальном же расстрелянный и живой бандиты были как две капли воды. «Сынок, наверное»,—подумал Манасов.

— Тойон Хараханов,—раздался голос четвёртого бандита, появившегося откуда-то из кустов с седлом и уздечкой,—я снял это с лошади, ремень пригодится взнудать большевика...

Бандиты захохотали. Волосяную верёвку заменили уздечкой, туго перетянув за спиной Манасова кисти рук. Со стороны ручья внезапно началась стрельба. «Значит, разведчики поняли, что тут творится неладное,—порадовался Манасов.—Теперь колонна не нарвётся на засаду».

— Как твоя фамилия?—спросил бандит, связывавший Манасову руки.

— Я большевик, как ты сам сказал. Только взнудать меня вам не придётся,—отвечал Манасов, уверенный, что его сейчас

пристрелят или заколют. Но этого не случилось. Навстречу им из подлеска двигалось ещё несколько бандитов. В середине их шагала мясистый плосколицый якут. Этот был одет в новенькую жёлтую гимнастёрку с кантами японского образца.

— Тойон Сагыдаев, вот захваченный в плен большевик. Что прикажешь с ним делать?—угодливо доложил Хараханов.

— Хвастун! Не могли вчетвером одного без шума взять.— презрительно крикнул мясистый бандит, державший себя поначальнически.—Теперь вся засада провалена, ротозей! Убирайтесь отсюда, пока красные всех вас не похватали.

— А что с пленным? Может, прикажете кончить тут?

— Сдать его Согуйскому, там нужен язык. Убирайтесь с ним скорее,—с досадой поглядев на Манасова, распорядился Сагыдаев. Сопровождавшие его люди внезапно подняли винтовки и дали залп по кустарникам. Оттуда отвечали редким огнём. Манасова погнало в лес. Обернувшись на мгновение, он увидел знакомую рубаху Сидора Булуки. Высунувшись из-за куста, Булука целился в конвойных. Пули защёлкали совсем рядом. С шелестом упала подрезанная свинцом ветка лиственницы.

— Гоните пленного,—закричал Сагыдаев,—к чёрту, к чёрту, скорее! Мы не задержим красных, придётся вам бежать!

Схватив Манасова под руки, двое бандитов побежали к лесу, третий подталкивал сзади. Николай вынужден был бежать от своих. Конечно, можно было упасть на землю и принять быструю смерть. Тогда бандиты не стали бы с ним церемониться. Но мысль о лёгкой смерти Манасов отогнал, как проявление грусти. Могут подумать, он испугался допроса и той неизбежной, мучительной гибели, которая ждёт его в лапах Согуйского. Нет, он,—комсомолец, должен показать пример стойкости, жить до крайней возможности. Умирать со связанными руками Манасов не хотел. И всё же, выбрав момент, Николай остановился. Острие штыка упёрлось в спину.

— Иди, собака, не кривляйся,—прохрипел над ухом голос Хараханова. Тяжело отдуваясь, конвоиры остановились.

— Прикончить его, а то сами попадёмся,—сказал один.

— Тащите его, чёрта, тащите, в штаб надо доставить,—рачительный Хараханов, получив нахлобучку, не решался убить пленного.

Манасов усмехнулся про себя.

Развяжите руки, комары заели.

— Иди, а то на штыке донесу!

Манасов, не дожидаясь, пока его снова уколут штыком, зашагал, стараясь дыханием сдуть комаров, облепивших лицо. Пройдя небольшую рожицу, конвоиры со своим пленником очутились на поляне. Несколькo летних юрт сходились полукругом. У изгороди отмахивались хвостами от мошки несколько осёдланных лошадей. Во дворах юрт сновали вооружённые люди. Навстречу конвоирам Манасова подошли несколько якутов в новеньких гимнастёрках, похоже только сегодня надетых.

— А, братья, и вы взялись за оружие,—обратился Хараханов к подошедшим якутам. Обращение «братья» пустили в оборот среди бандитов Севера пепеляевские офицеры. Слово «господин» они считали неуместным, обращение «гражданин» звучало для них слишком «революционно».

— Давно пора, братья, помочь в святом деле. Мы сегодня уже успели потрепать большевиков. Вот и пленного привели с заставы. Поглядите, какие у вас враги...

Якуты в новых гимнастёрках, «новорубашечники», как про себя назвал их Манасов, молча окружили конвой и пленника.

— Пить хочу. Пойдём, выпьем хоть чашку чая,—предложил один из конвоиров Хараханову. Тот охотно согласился.

— Чаю выпить не мешает. Новые братья, вы постерегите большевика. Да смотрите, не прокараульте, он, кажется, не плохой бегун.

— От нас не уйдёт, сами мы бегуны,—развязно ответил один из «новорубашечников». Конвоиры ушли в ближайшую юрту, а Хараханов завернул в тележный сарай. Манасов с усмешкой обратился к новой страже:

— Сегодня рубахи надели? Чем ещё вас обещают наградить за измену народу?

«Новорубашечники» лереглянулись, ничего не ответили. Из-за леса донеслась волна ружейной перестрелки, в которую по временам вступал пулемёт.

— Послушайте, послушайте, как разговаривают большевики. Попробуйте защитить от них ваших хозяев. Мало вас тойоны били, теперь под пули стали толкать,—заговорил Манасов, понимая волнение молодых «новорубашечников», не свыхшихся со своими солдатскими обязанностями. По лицам этих ребят было видно, что они больше всего боялись за свои шкуры.

— А что нам делать?—спросил какой-то вислоухий «новорубашечник».—Если не пойдём за тойонами, всех нас поубивают. А так хоть кто-нибудь да уцелеет.

— Это вам тойоны о большевиках нагали. Вас бы большевики не тронули, а вашим хозяевам от них всё-равно не сдобровать. Тойоны наговорили вам, что красные везде разгромлены, а красные очистили Якутск и не нынче-завтра наведут порядок по всему Охотскому тракту...

«Новорубашечники» слушали с интересом. Николай Манасов решил не упускать случай. Быть может, он выступает как агитатор в последний раз. Не жалея красок, Манасов рассказал «новорубашечникам» о партизанах и красных армейских частях, соединившихся в Якутске. Он заговорил о советской национальной политике и распределении земельных угодий среди бедноты. Тут «новорубашечники» попросили его повторить сказанное. Манасов забыл своё пленение. Перед ним стояли явно обманутые тойонами батраки. Простые слова правды были для них откровением. Увлечшись, ни Манасов, ни новые конвоиры не заметили, как Хараханов вышел из тележного сарая, помахивая шомполом.

— Так вот, товарищи,—торопился Николай высказаться поубедительнее,—вы исправляйте поскорее ошибку. Переходите к красным. Захватывайте своих начальников и сдавайтесь. Вам бояться нечего...

Хараханов с размаху ударил Николая шомполом по лицу. «Новорубашечники» рассыпались в стороны.

— Если вы боитесь схватить тойонов, расходитесь по домам,—успел ещё крикнуть Манасов. Второй удар по голове заставил его зашататься.

— Агитируешь, сволочь красная!—с визгом закричал Хараханов.

— Видите, как они поступают с пленными? Не верьте тойонам. Побоями и расстрелами правду не скрывать...

На помощь Хараханову выскочили из юрты конвоиры. Манасов отбивался, пока его не распластали на земле. Озлобленные голоса гудели, как осы:

— Кончайте его здесь, довольно возиться!

— В штаб велено доставить живым.

— Вы, расходитесь! Заслушались большевистского агитатора!—орал Хараханов на боязливо глядевших поодаль «ново-

рубашечников». Из обозного сарая выехала телега. Несколько бандитов сели верхами. Манасова взвалили на телегу, конвоиры погнались вперёд. Колёса затарахтели по тряской, ухабистой дороге. Перестрелка грохотала близко, потом стала удаляться. Телегу перестало раскачивать. Выехали на главный тракт. Возница ударил вожжами, всадники дёрнули поводья и вся процессия быстро покатила по просторной, залитой солнцем равнине.

Под вечер добрались до жилья. Николай лежал в телеге лицом вниз и ничего не видел. Его стащили на землю во дворе какого-то большого дома. Первое лицо, которое Манасов увидел, был колчаковский милиционер Менягин. Узнав Николая, Менягин выскочил из дверей навстречу.

— Где этого зверя поймали?

— А что, хорош? На заставе Орто-Обо захватили. Здесь ли тойон Согуйский?

— Тойон Согуйский здесь. А этого парня мы давно поджидаем. Вд-время попался. Постой с ним минуту, я доложу.

Вместо минуты милиционер задержался у тойона почти полчаса. Потом он вышел, ухмыляясь на Николая, и сказал Хараханову:

— Веди!

За столом, покрытым зелёным сукном, сидел пожилой человек с гладко подстриженными волосами, тонкими усиками и острыми, как шилья, глазами. Поверх простой рубахи через плечо тойона на тонком ремешке висел браунинг. Это был известный всей Якутии бандитский главарь—националист Согуйский. Он казался совсем добродушным человеком в тихой комнате, с зеркалом посредине, со шторами на окнах и голубыми цветами на обоях.

— Брат Согуйский, в твоё распоряжение привёз захваченного на заставе Орто-Обо. Фамилию назвать большевик отказался,—отрапортовал Хараханов.

— Расскажи, брат, поподробнее, как и где задержали этого юношу,—звучно и напыщенно провозгласил Согуйский, не глядя на Манасова. Хараханов, потерявший в этой комнате свой начальнический облик, сбивчиво доложил что требовалось.

— Хорошо, брат Хараханов. Развяжи юноше руки и можешь идти.

Хараханов послушно развязал ремень, снял с шеи Манасова волосную верёвку и вышел из комнаты.

— Брат Манасов, садись на стул, ты устал с дороги. Не хочешь ли выпить чаю или закусить?—вкрадчивым дружеским тоном предложил Согуйский.

О Согуйском ходило много страшных рассказов, и приветливость бандитского главаря ничего доброго не обещала.

— Я знавал твоего бедного отца, это был достойный человек. Ты можешь рассчитывать на мое сочувствие и помощь. Покажи себя истым якутом, что тебе русские большевики? Расскажи мне правдиво: каков состав красного отряда?

Согуйский наклонился над столом, как будто рассматривая на нём невидимую интересную картину. Манасов в упор глядел на Согуйского, но тот сидел, не подымая глаз.

— Тойон Согуйский, я истый якут, как вы сказали, но раньше всего я—истый комсомолец, большевик. А вы уже знаете, что значит уговаривать большевика...

Согуйский рывком поднял голову. Судорога дёрнула правую щеку тойона, он поморщился, но сдержал приступ ярости.

— Прекословить мне бесполезное дело. Скажи: сколько приблизительно человек в вашем отряде?

— Ровно столько, чтобы завтра разгромить твою шайку.

— Это, значит, сколько же по-твоему будет?

— Это значит—столько и будет.

Манасов решил, что после таких дерзких ответов начнутся избиения. Но Согуйский сидел, как ни в чём не бывало. Он даже улыбнулся сквозь зубы.

— А сколько пулемётов в отряде?

— Десять.

— Зачем ты лжёшь?

— А вы проверьте сами. Не верите мне, так зачем спрашивать?

— Оставим в стороне пулемёты. У нас свои есть. Скажи мне, брат Манасов, по сколько примерно—точно мне не надо—по сколько бойцов в отрядах красных, идущих южными трактами?

— По три, по четыре человека.

— Ну, так мы с тобой не договоримся. И ты напрасно меня думаешь раздражить такими ответами. Если потребуются, я мог бы тебя заставить говорить повежливее. Побеседуем о другом,—

тойон Согуйский подпёр голову руками и уже без актёрской ласковости, по-серьёзному, спросил:

— Тебя знают, как хорошего агитатора. Я люблю хороших ораторов. Попробуй, сагитируй меня. Вразуми, объясни: во что ты веришь, за что ты борешься? На что надеетесь вы, комсомольцы?

Николай Манасов ждал всего, только не такого поворота беседы. Однако тойон Согуйский, белогвардейский офицер из якутов, вдохновитель последнего кровавого мятежа, не шутил. Он хотел услышать правду от молодого якута и знал, что эта правда будет жестока.

Один из идейных вождей контрреволюционного якутского национализма Согуйский пожелал узнать о другой духовной силе, попытался её понять.

Замешательство Манасова, доставившее явное удовольствие тойону Согуйскому, длилось недолго. Николай без запинки прочитал тойону полную лекцию политграмоты. На лбу тойона налилась синяя жила, щёки дёргались, словно их прижигали углями. Услышав имена Ленина—Сталина, тойон совершенно перекоксился. Не отрываясь, теперь он глядел на Манасова.

Беседу оборвала суматоха во дворе. Согуйский, опрокинув чернильницу, резко поднялся из-за стола и подбежал к окну. За спиной Николая скрипнула дверь. Без всякого доклада в комнату вбежал Менягин. Глаза у милиционера остеклянели, форменная фуражка съехала на ухо.

— Красные опрокинули все заставы на западном тракту. У нас убиты все командиры. Убит и тойон Сагыдаев. Партизаны подходят сюда.

— Тихо, тихо! Без паники!—рявкнул Согуйский,—позвать сюда Хараханова.

Хараханов с винтовкой вскочил в комнату, как угорелый.

— Возьми этого,—показал Согуйский на пленного комсомольца.—Я ещё не кончил с ним разговаривать. Здесь его держать нельзя. Отвезите в Марыкчан, в наш штаб. Пусть его держат до моего приезда..

Манасову снова связали за спиной руки, вывели во двор и посадили на телегу. Мимо проскакала большая толпа верховых бандитов. Издалека ударом грома рванула трёхдюймовка. Столб чёрного дыма поднялся совсем близко. Беспорядочно, придерживая дрожащими руками ружья, пробежали «новорубашечники».

— Давай жару! Молодцы!—не выдержав, закричал Николай.

Удар приклада по спине немного охладил преждевременную радость Манасова. Тряская телега с дребезгом покатилась под гору. Возница, привстав на колени, хлестал и хлестал одуревших коней.

31

Тёплым светлым утром телега, везущая пленного, вкатилась в марыкчанскую околицу. После долгой разлуки родной посёлок не порадовал сердце Николая. Марыкчан выглядел обветшалым, постаревшим. Проехали буерак с застоявшейся, грязной водой. Резкое зловоние и тучи комаров отравляли воздух. Запустением повеяло от кирпичного сарая. А старая тесная избёнка, в которой родился Манасов, показалась ему совсем мёртвой. Опалённые временем брёвна уныло темнели в ярком свете зари. На дряхлой крыше сиротливо сохли бурые стебли осоки. Когда телега обогнула отцовскую избушку, Николай повернул голову и с удивлением заметил дымокур, разложенный возле дверей. Кто же мог жить в этом домишке? Отец давно убит, это Манасов знал достоверно. Мать? Разве она в состоянии перенести долгие месяцы заключения? Мать умерла в сельской тюрьме—такие были слухи. И всё-таки несбыточные надежды увидеть родителей вызвал этот серый дымок, чуть струившийся возле глухо закрытых дверей.

Подъезжая к зданию инородческой управы, в котором когда-то был волостной ревком, а потом штаб марыкчанских партизан, возница стал усердно погонять. Чёрная пыль клубами полетела из-под лошадиных копыт. Конвоиры, опередив телегу, въехали во двор. Хараханов, усмехаясь, глядел на Манасова, который, не дожидаясь, пока ему помогут, сам перевалился через край телеги, не удержался и упал на колени. Несколько местных бандитов перекинулись словами с Харахановым. Тщеславный Хараханов почувствовал себя героем. Небрежно отвечая на вопросы часовых, Хараханов повёл пленного прямо в дом. В знакомых Николаю коридорах было душно и пыльно. Давно немытые полы пестрели окурками, клочьями сена и обрывками бумаги. Хараханов отворил дверь, за которой Николай увидел

Зосиму Абыланова, постилавшего постель на канцелярском столе.

— Погляди за ним,—бросил Хараханов караульному, ходившему по коридору. Манасов встал у приоткрытой двери.

— Здорово, Зосима Наумович,—гудел хриповатый голос Хараханова.

— Здорово. Что нового привёз?—равнодушно ответил басок Абыланова. Послышалось шелестение рвущейся бумаги—бандиты собирались курить. Голос Хараханова быстро рассказывал о засаде в Орто-Обо и поимке Манасова.

— Собачий сын, попался таки,—улышал Николай удивлённое восклицание Абыланова. Потом заговорили тише, но Манасов всё же различал почти каждое слово:

— На Согуйского теперь вся надежда,—говорил Абыланов, громко слёвывая сквозь зубы,—у него собрались лучшие силы. В Дабане дело проиграно, я только сегодня оттуда. Красные прорвались и идут сюда. Корнет Коробейников перебрросил для подкрепления нам отряд Луганова, вернувшийся из Бодайбо. У них семьдесят бойцов, отдадим их Согуйскому. Ты не горопись. Вечером соберёмся, надо обсудить положение. Иди, отдыхай, а этого парня сдай начальнику тюрьмы Смиглову. Впрочем нет, в тюрьму не надо, там народу много. Передай его начальнику охраны штаба. Дарахин вернее уберезёт, у него свободно арестантское помещение. С Манасова я сам буду драть шкуру, он у меня заговорит. За Майдархан и за Дабан у меня с ним счёты есть. Ступай! Я не спал ночь, вздремну немного...

Манасов отшатнулся от двери. Хараханов вышел, стуча сапогами. Мимо сонного караульного, через пустующие сени пленного провели в комнату сторожа. Здесь располагался Дарахин, носивший гордое звание «начальника охраны главного штаба». Начальник охраны переобувал грязные ноги. Кожаные мягкие сапоги стояли на кровати.

— Брат Дарахин, прими арестованного.

Дарахин не спеша надел чулки, зевнул и натянул сапоги. Потом, порывшись в столике, достал грязную бумагу и стал спрашивать имя и фамилию арестанта. Манасов молчал, за него отвечал Хараханов. Записав сведения, Дарахин выдал Хараханову расписку в приёме пленника и лениво повёл Манасова в арестантские чуланы. По дороге Николаю встретилась Анна, дочь Глухого Павлика, того самого Павлика, который заставил

его когда-то ехать на одной лошади с пленным красноармейцем. Анна сделала вид, что не узнала Манасова и юркнула в сарай. «Бойтся показать, что знает меня»,—с горечью подумал Николай.

Арестантские чуланы были пристроены к задней стене юрты, служившей казармой для охранников бандитского штаба. Манасова обыскали, сняли путы и втокнули в прохладную узкую сараюшку. Дарахин что-то объяснял караульному, запиравшему дверь. Ключ звякнул, и Манасов остался один.

Разминая затёкшие руки, Николай подошёл к дощатой наре. Голые пыльные доски мало годились для отдыха, но выбирать было не из чего. Избитый, истомлённый дорогой и бессонной ночью, Николай с удовольствием растянулся на шероховатых тесинах. Всё тело разламывала усталость. Ныли кисти рук, отёкшие от ремённых пут, ныла спина, исколотая штыком, ныла голова от ударов шомпола. Всего болезненнее было сознание беспомощности.

Близилось время победы, близились завершающие схватки с врагами, загнанными в железный круг. А ему... не видеть победного дня, не участвовать в последнем бою за родной Марыкчан.

Николай жестоко осуждал своё непростительное легкомыслие. Как это пришла в голову нелепая мысль раздробить разведку, потерять близкое соприкосновение? Ведь он нарушил известное ему правило,—разведчики, идущие группой, не должны терять друг друга из вида. Самоуспокоенность, опьянение успехами последних месяцев! Только это и ничто иное предало его в руки врагов. Живым ему не выпутаться. Абыланов сдержит своё слово и сдерёт с него шкуру. Безусловно, он ничего не выдаст, ничего не скажет, у него хватит мужества не отягощать своё позорное разгильдяйство предательством. А всё же как невесело умирать накануне победы. Размышляя так, Николай Манасов вслушивался в звуки жизни, доносившиеся из-за стен арестантского чулана.

Кукование кукушек и пение жаворонка извещали, что утро в разгаре. Сквозь выемку в брёвнах, прорезанную вместо окна почти под потолком, лился золотой поток света. Слышались разговоры бандитов, возвращавшихся из ночных дозоров. Анна, дочь Глухого Павлика, видимо была во дворе. Люди, грузно шагающие мимо чулана, здоровались с нею, называя по имени.

Анна хихикала. В казарме охраны бандиты завтракали и громко ругались друг с другом. Нары, где лежал Манасов, стояли возле стены казарменной юрты и волей-неволей, почти два часа, пока бандиты штабной охраны пили и ели, Николаю пришлось слушать их гнусные речи. Не видя этих людей, можно было ясно представить, какая человеческая грязь собралась в националистических шайках. Речи этих подонков наверняка соответствовали их внешности.

После дележа какой-то добычи и горячего спора—сколько жиру имеет жеребец, назначенный сегодня к забою для котла,—кто-то из бандитов предложил пойти играть в городки.

— Через два—три часа, как Абыланов выспится, дело будет. Далеко не уходите,—предупредил голос Дарахина.

— Мы за оврагом поиграем! Шкуру драть с этого все придём!—раздались в ответ крики бандитов.

— Потихе, вы! Он тут, рядом,—снова сказал голос Дарахина.

— Пусть слышит, авось, не сдохнет со страха...

Бандиты, похохатывая, затопали ногами. В казарме стало тихо. Потом послышалось гнусавое пенье Анны, убиравшей посуду. Звякали жестяные котелки, стукнула о столешню медная кружка. Николай перевернулся на другой бок.

«Драть шкуру»,—это говорили о нём так же грубо, как о жеребце, которого заколют к обеду. Под нарами зашуршала мышь. Манасов поскрёб рукой по доске и мышь утихла. Потом шуршанье раздалось почти у потолка. Манасов стал дремать. Вдруг полоса света, падавшая из прорези, заменявшей окно, погасла. Неясная тень мелькнула, скрылась и снова мелькнула. Манасов приподнялся. Это было похоже на сон. Тонкая рука, просунувшись в прорезь под потолком, покачалась, блестя серебряным колечком на одном пальце. Потом пальцы разжались. Белый пакетик упал напротив нар. Николай бесшумно, на носках, подбежал и схватил мятую бумажку. Поднимая голову, он заметил, как в прорези потолка мелькнули пушистые рыжеватые волосы. Свет вверху снова потемнел. Тонкие пальцы с серебряным колечком на мизинце протянули вниз маленький браунинг. Николай вскочил на нары и принял оружие. Оконце в потолке опустело. Светлый квадрат солнечных лучей свободно вливался в тёмный чулан. Николай переждал несколько минут. В оконце никто более не появлялся.

Осмотрев браунинг и убедившись, что он заряжен, Манасов сунул револьвер за пазуху. Волна бодрости закипела в сердце. Усталость, боль, сон,—сняло, как рукой. Прислушавшись у дверей и у стены, выходящей к казарме, Манасов успокоился. Караульный ходил возле запертой двери. Анна бубнила в казарме гнусавую песню. В пение вплетался залиvistый храп какого-то спавшего бандита. Манасов развернул бумажку и, подойдя к ручейку света, струившемуся из-под потолка, прочитал следующее:

«Коля! Утром узнала, что тебя привезли сюда. Всех привозимых пленных Абыланов расстреливает и пытается. Твоя жизнь в опасности. Беги, как только выберешь время. Может быть, сегодня после обеда будет поздно. Не медли ни часа».

Письмо не имело подписи. Ничего нового оно не сказало. Тем не менее кусочек бумажки показался Николаю Манасову драгоценным. Он не один! У него за стеною есть друзья, они знают о нём и, конечно, помогут, если он убежит.

О бегстве Манасов думал и сам. Но как бежать? А бежать надо немедленно.

Пусть его убьют во время бегства. Теперь он без борьбы не умрёт. Отыскав мышиную норку под нарами, Николай засунул туда письмо, изорвав его в клочья мелко-намелко. О письме неизвестного друга враги знать не должны. Затем Николай пересчитал заряды. Шесть патронов—целое богатство для человека, у которого собирались содрать с живого шкуру. За свою жизнь он возьмёт, во всяком случае, одну вражескую.

«Вот я и снова вооружён. Значит, в Марыкчане есть люди, не испугавшиеся бандитского засилья,—думал Николай.—Кто бы они не были, они наши. За такой подарок я должен буду поблагодарить храбреца по-комсомольски».

Из всех предположений, теснившихся в мыслях, Манасов не мог выбрать ничего разумного. Оконце было высоко, да в него прошла бы разве только голова. Подрывать под стену требовалось много времени, и куда он вылезет? Оставалось действовать напролом. Прежде всего следовало выйти из арестной конуры. Манасов застучал в дощатую дверь.

— Мне на двор надо!

Караульный, выругавшись, стал открывать дверь.

— Ходил бы под себя, красный чёрт. Возись с тобой!

Не переставая ворчать, караульный встал около порога,

пропуская Манасова. Испитое, жёлтозелёное лицо караульного, отвисшие губы и тупые, свинцовые глаза показались Николаю лишёнными человечности. Это животное, одно из тех, с помощью которых Абыланов сдирал кожу со своих пленных, ткнуло штыком по направлению уборной. Шурясь от света, Николай тихонько зашагал, нарочно хромя и волоча ногу.

Уборная помещалась довольно далеко от казармы, в углу двора. По пути Манасов прикидывал, куда удобнее бежать. Свободной от всяких препятствий была тропинка к мысу, где виднелся памятник на одинокой могиле у заимки Будашевского.

В уборной Николай охал и стонал, как подобает при расстройстве желудка. Караульный терпеливо ждал. Повернув у браунинга предохранитель, Манасов решительно распахнул дверь. Караульный стоял, с интересом вглядываясь, как на площадке перед церковью товарищи его играют в городки. Добрых пятьсот шагов отделяли играющих от караульного.

Манасов, не колеблясь, спустил курок прежде, чем бандит успел повернуться. Выстрел маленького браунинга играющие не услышали. Манасов вытащил из рук убитого винтовку, отстегнул патронташ и побежал к далёкой заимке.

Николай был хорошим бегуном, но в этот раз он бежал, как никогда в жизни. Удача окрыляла, хотя, не пробежав и ста сажен, он понял, что бегство обнаружено. Часовой, стоявший на колокольне, видел убийство караульного и побег пленного. Набатный звук колокола разнёсся над Марыкчаном. Играющие в городки кинулись к убитому. Манасов, передохнув мгновение, побежал быстрее. Тропинка петляла бесконечно. Подбегая к мысу, Николай услышал выстрелы на Марыкчанском погосте. Почему и в кого стреляли бандиты? Думать об этом не приходилось. Навстречу Николаю мчались несколько всадников. Припав на колени, беглец разрядил по ним обойму. Всадники на полном скаку завернули коней обратно. Очевидно, они не отличались храбростью. Путь к тайге был свободен. Перекинув винтовку за плечи, Николай снова побежал через заросли сосняка в густую чащу лиственниц. Летом в этих местах часто укрывался от зноя марыкчанский скот. Сотни тропок переплетались между стволов. Манасов сообразил, что здесь легко запутать следы. Обойдя озеро около памятной «Духоборки», приуставший беглец поднялся на перевал и углубился

в хребтовую тайгу. Разыскать его теперь было трудно самым опытным следопытам.

Забравшись в густую чащу, Манасов выбрал уголок, покрытый прошлогодней хвоей, словно ковром, лёг и сразу уснул. Проснулся он около полудня. Солнце стояло высоко. Тайга дышала горячими смолистыми испарениями. Отдых не принёс облегчения. Болезненно зудили рубцы от ударов шомполом, кисти рук распухли, сосало под ложечкой. Николай почувствовал голод: он не ел почти двое суток. Перебрав в памяти всех окрестных жителей, кто мог бы ему помочь на первое время, Манасов остановился на Бóлоте. Старик Бóлот, родной дядя Николая, в летнее время выезжал на сенокосы возле безымянной речки в этих местах. Летняя юрта Бóлота должна быть поблизости. Но и к закату солнца Манасов не мог отыскать дядино сенокоса. Только в сумерках беглец добрался до оврага. Знакомый ручеёк журчал среди гладких пёстрых камней. Манасов напился родниковой вкусной воды и стал ждать, пока стемнеет. Летнее солнце медлило спускаться за горы. Осматривая местность, известную с мальчишеских лет, Николай увидел на пустынном мысу два бугорка с деревянными крестами. Дерево не успело ещё потемнеть, янтарные капли смолы сочились по грубо obtёсаным перекладам. Кто лёг сюда, под неуклюжие крестовины? Чья дорога оборвалась в ямах под невысокими холмиками? Манасов постоял в раздумьи, слушая непонятные шёпоты вечного покоя, и побрёл по оврагу на север. Густели поросли ивняков, булькала вода в ручье. Тропинка, нивесть кем проложенная, крутилась около оврага без начала, без конца. В вечерней тишине насвистывали неугомонные птицы. Похрустывание валежника заставило Николая насторожиться. Впереди между деревьями светлела лужайка. Манасов притаился за узловатым стволом вывороченной бурей лиственницы. Со стороны лужайки медленно шла женщина. Прячась за кустами, она продвигалась, не торопясь, словно прислушиваясь к лесным шорохам. В ясном отсвете заката блеснули рыжеватые волосы. Лицо мелькнуло совсем близко. Николай узнал таёжную путницу. Это была Ира, дочь марыкчанского кузнеца Акима.

Манасов постучал прикладом в ствол лиственницы. Ира остановилась, прислушиваясь.

— Ира, это я, Манасов, не бойся!

— Ой, как ты меня напугал!—вздрогнула Ира, оборачи-

ваясь к Манасову, вышедшему из своей засады. Девушка не выражала удивления, встретив Николая, как будто именно он, а никто иной, мог повстречаться в таком глухом месте.

— А я-то думала, куда ты побежишь, где будешь прятаться,—говорила Ира, вытирая платком вспотевшее лицо.

— Ты, значит, знала, что меня привезли в Марыкчан и что я успел убежать?

— Я же бросила тебе письмо в арестантскую и передала револьвер. Ты меня не разглядел, что ли?

Манасову оставалось только удивляться неожиданной встрече с человеком, помогшим ему бежать из вражеского застенка. Десятки вопросов хотелось ему задать этой девушке, неизвестно почему очутившейся вместе с ним среди тайги. Но первый вопрос он задал о родителях. Ире не очень хотелось сообщать Манасову горькую весть в первую минуту встречи, но делать было нечего.

— Твой отец убит.

Николай низко опустил голову. Слухи оправдывались, значит, он—сирота. Кто же живёт в их старой хибарке?

— Мать жива,—осторожно подбирая слова, продолжала Ира.—Её долго держали в арестном доме... допрашивали... мучили... Недавно её выпустили. Теперь она поселилась вместе со стариками Оноевыми в вашем доме.

— Я думал, что и мать умерла,—вздыхнул Манасов.

— Она очень больна, но жива,—повторила Ира.—Твоя мать уверена, что тебя давно нет в живых. Это для неё тяжелее всего...

Удручённый словами Иры, молодой партизан забыл поблагодарить её за отважный поступок. Забыл он и своё недавнее удивление неожиданной встречей с Ирой. На несколько минут Манасов забыл даже, что он беглец, для которого и здесь, в тайге, опасен каждый шаг. Голос Иры вывел его из тяжкого раздумья.

— Мы случайно узнали, что тебя привезли. Батрачка отца Герасима, Елечка, услышала об этом от Анны, дочери Глухого Павлика, помнишь? Анна работает уборщицей в абылановском штабе. Она первая увидела тебя... Елечка пришла ко мне в слезах... Анна сказала ей, что тебя сегодня убьют. Поплакали мы вместе. Потом Елечка вынимает револьвер и говорит: «Если Коле передать, может, пригодилось бы...» Револьвер Елечка хра-

нила давно. У отца Герасима как-то были гости. Перепившись, стали стрелять в потолок; в стены. Подрались между собою. Утром Елечка убирала в столовой, нашла револьвер под стулом и спрятала. Вот он и пригодился. Решили мы тебе помочь. Елечка написала записку. С запиской и револьвером пошла к штабу я. Елечку бы часовые не пустили, а у меня дело. Отец по приказу штаба заряжает патроны. Сто штук в день должен зарядить. Патроны каждое утро мне приходится носить, сдавать. Так мы с Елечкой и решили помочь тебе. Елечка показала мне чулан, в котором тебя заперли, ей Анна рассказала. Я пошла, сдала патроны, замешкалась нарочно возле штаба, поднялась на завалинку, бросила тебе елечкино письмо, а потом и револьвер сунула... Пришла домой,—Елечки нет. Слышу—на колокольне набат, потом—выстрелы. Побежала к штабу, а оттуда верховой скачет, кричит: «Убит арестант!» Я подумала, что тебя убили. В штабе началась суматоха. Бандиты не сразу поняли, в чём дело. Решили, что часовой тебя убил. Караульный с колокольни стал кричать, тогда только всё выяснилось. Тут и убили Елечку...

Ира заплакала. Елечку убили у неё на глазах. Храбрая Елечка, послав с Ирой письмо и револьвер, не выдержала ожидания и через пролом в изгороди пробралась к абылановскому штабу. Елечке пришла в голову мысль, что Ире трудно будет передать оружие и она решила отвлечь внимание часового, помочь Ире. Но оружие было уже передано, часовой лежал мёртвым, арестант бежал. Пролезая через изгородь, Елечка натолкнулась на рассвирепевшего начальника бандитской охраны. Дарахин сразу понял, что девушка имеет какое-то отношение к бегству пленного и убийству часового. Ира, вернувшись к этому времени в поисках подруги к ограде штаба, видела, как Елечка бежала вдоль изгороди, спасаясь от бандита, пока несколько пуль не опрокинули её на землю. Домой Ира не вернулась. За неосторожность Елечка заплатила своей жизнью. А если бандиты заподозрили Елечку в помощи бегству Манасова, то доберутся и до Иры. Дружба девушек известна всему Марыкчану.

— Оставаться в посёлке мне нельзя. Абыланов всех поставит на ноги, только бы поймать тебя, пока не пришли красные. Теперь я и за отца буду бояться. Ах, Елечка, Елечка...

Николай погладил рыжие волосы плачущей девушки. Во время рассказа Иры он снова пережил все события сегодняш-

него утра. Так вот какой ценой заплачено за его освобождение. Убита Елечка! Тихая, застенчивая Елечка, батрачившая чуть не с семилетнего возраста на попадью Дорофею.

— Не надо плакать, Ира. Недолго осталось ждать. Абылановские убийцы сполна заплатят нам и за Елечку, и за моего отца, за все наши жертвы...

Взгляд Николая остановился на далёких крестах новых могил.

— Ира, кого похоронили на мысу у оврага?

— Кешу Тускаева и Елисея Бурского. Обоих убили по приказу Абыланова, ещё зимой. Тела выбросили в овраг и не велели хоронить. Потом старики, Бóлот и отец Елисея, Сардархан, вымолили позволение закопать в могилы и поставить кресты...

В белом сумраке северной ночи кресты словно тянули деревянные руки, призывая к мести. Николай Манасов вынул из кармана елечкин браунинг и протянул Ире.

— Возьми, научись стрелять!

— А я умею. У отца были такие револьверы в ремонте, я научилась собирать и разбирать. Этот браунинг будет мне памятью об Елечке...

Ира отвернулась в сторону и спрятала револьвер на груди, в платье у неё не было карманов. Манасов с нежностью смотрел на полудетскую стыдливость Иры. По случайности судьбы встретились они в тайге и теперь Николай чувствовал себя старшим братом этой девушки. От него зависела не только его собственная жизнь, но и жизнь Иры. Прежде всего надо было уйти подальше от Марыкчана. Брезжащий свет летнего вечера не скрывал тропинки, по которой Николай собирался дойти до жилья старика Бóлота. Беглецы двинулись сквозь заросли. Через час они вышли к большой прогалине, круто опускавшейся к ручью. Николай, шагавший впереди, остановился. Навстречу ему по тропинке поднималась старуха.

— Не бойся, это жена Бóлота,—шёпотом сказала Ира.

Старуха, подпоясанная поверх изорванного сарафана волосяной верёвкой, шла навстречу без боязни.

— Здорово, бабуся!

— Здорово, здорово!—отозвалась старуха, чуть не наткнувшись на Николая и заслоняя один глаз ладонью. Манасов вспомнил, что жена Бóлота плохо видит. Старуха, несмотря на плохое зрение, узнала его.

— Пропавшая душа! Тебя похоронили, а ты жив-здоров, оказывается,—громко говорила бабушка Болот, не зная, конечно, причины появления Николая в такую пору среди тайги.

Не дожидаясь вопросов, старуха принялась рассказывать Николаю о своём горе. Кешу Тускаева убили с согласия отца. Князец Евграф Тускаев выгнал стариков Болотов, когда они пришли просить за своего воспитанника. Князец Евграф не только отказался помочь кровному сыну, но ещё пригрозил арестом старикам. Тщетно они ходили и к Абыланову. После расстрела Кеша Тускаева с трудом получили даже разрешение похоронить его тело. Зосима Абыланов позволил копать могилы для большевиков не ближе десяти вёрст от Марыкчана. Вот почему две одинокие могилы появились на мысу возле ручья в глухой чашобе. Старик, отец Елисея Бурского, сумел всё-таки добиться разрешения похоронить своего сына рядом с Кешей Тускаевым.

...Предутренний ветер мягко раскачивал вершины деревьев. Бессонные кукушки перекликались друг с другом. Наши беглецы—Николай Манасов и его спасительница Ира—лежали на высоком обрыве, нависшем над поворотом Охотского тракта. Ночью они плохо спали. Тучи комаров и мошек кишели в воздухе. Только утром свежий ветерок рассеял докучливых насекомых, дышать стало легче. Вчера бабушка Болот накормила беглецов и дала кое-что из немудрёной снеди на дорогу. Наскоро перекусив, Николай стал собираться. Он решил оставить Иру на сенокосе Болотов, где девушка могла прожить несколько дней, прячась в копнах сена. Старуха сумела бы прокормить её несколько дней. А через несколько дней—Николай Манасов был уверен—колонна Атамалова-Катунского дойдёт до Марыкчана и тогда...

Ира наотрез отказалась оставаться. Она пойдёт навстречу партизанам! Если Манасов считает её ни к чему не способной девчонкой, она пойдёт одна. Отсиживаться в копнах, как трусливая мышь, она не будет. Манасову пришлось уступить.

Прежде чем двинуться навстречу партизанам, нашим беглецам пришлось выдержать ещё одно испытание. Перед тем как спуститься с обрыва в придорожную низину, Манасов решил осмотреть тракт. Предосторожность оказалась не лишней. Пять или шесть верховых ехали с востока, приближаясь к месту, где ночевали беглецы. Это не была погоня. Верховые ехали с другой

стороны. Не могли это быть и красные: в восточной части тракта их больше не было. Манасов ломал голову, пока не вспомнил разговоры, подслушанные в штабе Абыланова. Конечно, это был отряд Луганова, выбитого из Бодайбо. Луганов шёл в Марыкчан, где его поджидали, как желанную подмогу. Пять—шесть верховых были, вероятно, разведкой. «Не плохо бы задержать их, или, по крайней мере, напугать»,—подумал Манасов и немедленно принял дерзкое решение. Встретить остатки разбитых в Бодайбо белобандитов огнём здесь, на подходе к Марыкчану,—это обещало приятную возможность внести смятение в ряды врагов. Ведь они не ожидают здесь какого-либо препятствия.

Ира чуть не запрыгала, услышав предложение Николая. Забыв свою обычную стыдливость, она сунула руку за пазуху и вытащила спрятанный браунинг. Николай залёг в груде валежника на самом конце обрыва. Тёплое плечо Иры легло рядом. Манасов, не отрывая глаз от дороги, прошептал: «Лежи, не двигайся без команды».

Верховые подъезжали к обрыву. Впереди ехал невооружённый старый проводник-якут. Манасов узнал лицо кулака, содержателя почтовой станции Мурунаева. Предатель спокойно проехал мимо обрыва. Следом за Мурунаевым, развалившись в сёдлах, ехали белобандиты. Винтовки у них беспечно висели за плечами. Манасов, лёжа, навёл прицел. Стрелять ему пришлось сверху вниз почти в упор. Двумя выстрелами Николай убил двух бандитов наповал. Трое, ехавшие поодаль, ускакали, не оборачиваясь, нещадно избивая перепуганных лошадей. Мурунаев после первого выстрела тоже повернул лошадь и помчался назад. Манасов выстрелил. Мурунаев грузно повалился на дорогу. Конь ускакал.

— Лежи, не шевелись,—крикнул Ире Манасов и, положив винтовку, побежал вниз. Тела бандитов, с черепами, пробитыми почти сквозь темя, валялись в пыли, взбитой копытами ускакавших лошадей. Манасов поднял винтовки и стал отцеплять подсумки, до отказа набитые патронами. За спиной у него щёлкнул револьверный выстрел. Повернувшись, Манасов увидел корчащееся тело Мурунаева. Раненый предатель притворился мёртвым и, решив, что Манасов действует один, собирался застрелить его в спину. Скрюченные пальцы Мурунаева сжимали рукоятку маленького револьвера. Ира выстрелом с обрыва перебила бандиту позвоночник. Поспешно собрав оружие и под-

сумки в охапку, Николай одним духом вбежал на обрыв. Ира встретила его с трясущимися руками. Тонкие пальчики тряслись, поблескивая серебряным колечком, и едва удерживали браунинг. Девушка впервые стреляла и убила.

— Ну, ну! Успокойся! Держи подсумки! Я понесу винтовки. Надо бежать, пока разведчики не вернулись с отрядом...

Ира сунула револьвер в распахнутый ворот кофточки, подхватила тяжёлые подсумки. Николай взвалил на плечо винтовки, и оба побежали с обрыва в глухую низину, перепрыгивая через мелкий валежник и обегая тугие стволы сверкавших под солнцем листовенниц. Со стороны Охотского тракта стучали гулкие, частые удары винтовок. Бандиты обстреливали пустой обрыв.

32

Бывший колчаковский офицер, тойон Согуйский, один из немногих якутов, добившийся благодаря богатству и знатности офицерского звания ещё при царизме, приехал в Марыкчан темнее тучи. После провала засады у Орто-Обо четверо суток он пытался остановить продвижение войсковой группы Атамалова. Не жалея людей, подгоняя их пулемётами, самолично расстреливая отступавших, Согуйский вёл своих «новорубашечников» под губительный огонь.

Пока в дело не вступала красноармейская горная трёхдюймовка, белобандиты пытались отбиваться. Несколько пушечных выстрелов взламывали оборону, опрокидывали конницу, заставляли белобандитов отступить без оглядки. Согуйский проклинал судьбу.

Во всей Якутии у белых не было ни одной пушчонки. Националистическая авантюра не устояла перед красноармейской шрапнелью. Согуйский пришёл к выводу, что защита Марыкчана обречена на провал и искал случая спасти самого себя. Об этом же думал и Зосима Абыланов, заседавший в «главном штабе» повстанцев в Марыкчане.

Пока Согуйский был со своими бандами, Абыланов ещё надеялся,—не на победу, нет,—на задержку красных. Как ни слаба была бандитская разведка, Абыланов точно знал: численность всех партизан и красноармейцев по крайней мере в два раза меньше общих сил белобандитов. Вооружения и боеприпасов у

красных было не больше. Американских винчестеров и японских карабинов с патронами, доставленных из-за границы, у бандитов было с избытком. Красные имели преимущество в пулемётах, пушку и... ещё что-то такое, отчего таяли с каждым днём ряды контрреволюционных банд. Большевицкая агитация делала своё дело. Силой и обманом завербованная якутская беднота уходила в тайгу, сдавалась партизанским разведчикам. Потери от дезертирства, по подсчётам Абыланова, превосходили боевые потери в несколько раз.

Узнав о приезде Согуйского, «начальник главного штаба» Зосима Абыланов побагровел. Войска остались без руководства, этого ещё Согуйский никогда не допускал. Писарь Багыр, игравший роль личного секретаря, сообщив новость, трусливо выскочил из кабинета. Согуйский, оставив своих сопровождающих у коменданта Дарахина, медленно прошёл по коридору мимо оцепеневшего Багыра. С треском захлопнулась дверь. Багыр, преодолев оцепенение, кинулся подслушивать. Бандитские вожаки, обменявшись приветствиями, враждебно смотрели друг на друга. Каждый знал, что игре приходит конец и каждый винил в провале этой игры другого.

— Брат Согуйский,—вкрадчиво заговорил Абыланов,—неужели у вас нехватило сил, если не разбить, то задержать красных?

— Повидимому, так,—сдержанно ответил Согуйский, усаживаясь в кресло у стола, за которым заседал «начальник главного штаба».

— Значит, мы не справились с задачей, не задержали красных у Орто-Обо, как было намечено планом. Мало того, ваши бездарные командиры вчера оставили Дабан...

Этого Согуйский ещё не знал.

— Когда же это случилось? Позавчера было сообщение: вблизи Дабана красных отрядов даже не появлялось.

— Позавчера не появлялось, а вчера в полдень Дабан взят. Наше сопротивление было преступно слабо. Не выдержав первой перестрелки, отряды ушли, точнее сказать, убежали за реку Аар. К востоку.

— Почему же там отступили к востоку, а не сюда, не к главным силам?

— Этого я не знаю.

— Это дело рук Коробейникова. Сволочной корнетишка бежит спасаться. Хорошо, если бы его где-нибудь схватили и расстреляли партизаны,—со злостью сказал Согуйский, презиравший всех русских участников восстания.

— Возможно, так и будет. Партизаны появились рядом с нами, господин Согуйский. Вчера возле Марыкчана обстреляли отряд Лагунова. Мне пришлось задержать эвакуацию наших жён. Вы понимаете, до чего дошло?

— Откуда взялись красные здесь, в Марыкчане? Ведь вы, господин Абыланов, истребили их всех. Так, кажется, говорили вы недавно?—ехидно уколол вопросом Согуйский.

— С вашей лёгкой руки партизаны снова завелись в Марыкчане,—в свою очередь съязвил Абыланов.

— Брат Абыланов, прошу вас говорить яснее...

Согуйский сорвался с кресла, словно готовясь броситься на Абыланова. Тот насмешливо стал сворачивать самокрутку.

— Брат Согуйский, не горячитесь, вы всегда были рассудительным человеком. Что с вами случилось? Не хочу говорить неприятное, но вы совершаете ошибку за ошибкой. Зачем вы послали сюда Николая Манасова? Время ли цацкаться с такими опасными людьми? Прихлопнули бы его в Орто-Обо, и дело с концом. С моей стороны тоже ошибка. Приехав с дабанского участка, я отложил на пару часов встречу с этим головорезом и он сбежал, убив караульного.

— Где он взял оружие?—удивлённо спросил Согуйский.— Что вы смотрели?

— Это у вас плохо смотрели, брат Согуйский. Но не будем ссориться. Манасов сбежал. Я провёл расследование, тут пахнет подпольной работой большевиков. Исчезла ещё одна девчонка, дочь кузнеца. Манасов орудует на тракту с группой неизвестных партизан. Они организовали налёт на отряд Логунова, убили двух солдат и проводника. Это было два дня назад. Сегодня группа Манасова освободила нескольких арестованных по дороге с заимки Мыраны. Конвойные перебиты. Но довольно об этом... С Манасовым я расправлюсь сам. В Марыкчане надо кое-кого ликвидировать, и это я беру на себя. Ваше дело защищать посёлок с запада...

Бандитские главари совещались недолго. Согуйский видел безвыходность положения, как и Абыланов. Однако он не отказался принять все резервы, бывшие в Марыкчане. Прикрыть

на некоторое время бегущих с семьями князьцов-тойонов, завязать большой бой, оставить шайки на произвол судьбы и бежать самим на восток, к морю,—таковы были истинные цели «главного» белобандитского штаба. Но, как два хороших актёра, Согуйский и Абыланов называли предстоящее дело—решительным сражением за Марыкчанский плацдарм. В этом духе были составлены и подписаны приказы. Белобандитские главы простились почти дружески. Согуйский поспешил распорядиться об эвакуации семьи. Отборные кони, верховые и вьючные, были Согуйским заготовлены. Осталось только погрузить награбленные ценности и назначить людей для охраны семьи и имущества. Согуйский всё предусмотрел заранее.

Зосима Абыланов, свалив заботу о предстоящем кровопролитии на плечи Согуйского, вздохнул спокойнее. Об эвакуации семьи Зосиме Наумовичу беспокоиться не приходилось: вся родня, а, самое главное, всё ценное имущество Абыланова давно уже было в безопасном месте, на пути в некую заморскую державу. Зосима Абыланов здраво рассудил, что налегке, один, он успеет скрыться в любое время.

Проводив Согуйского, начальник бандитского штаба отдал распоряжение об аресте родителей Манасова, Оноева, Бурского, воспитателя Кеши Тускаева старика Сардархана и кузнеца Акима.

Исполнительный Дарахин поехал выполнять приказание и вернулся ни с чем. Квартiry родителей партизан пустовали вторые сутки.

...Люди, которых Зосима Абыланов перед своим бегством решил уничтожить, находились в это время верстах в пяти от Марыкчана. Кузнец Аким после исчезновения Иры понял, что ему не сдобровать. В посёлке ходили слухи об эвакуации князецких семейств, о вывозе имущества марыкчанскими богатеями, о предстоящем сожжении Марыкчана. Бандиты из абылановского штаба не особенно скрывали планы своих начальников. Нашлись даже и такие, что предупредили родителей партизан: бегите, куда ни на есть, подобру-поздорову.

После бегства Иры кузнец Аким обошёл стариков и уговорил их уйти из посёлка, пока не поздно. Старики послушались. Две ночи провели они на ближних покосах, переходя из одной юрты в другую. На третий день стало невтерпёж. Кончилась пища, захваченная из дому. Старухи затосковали по своим юртам.

Кузнецу Акиму пришлось выслушать немало попреков: зачем вытаскивал в тайгу? Умирать, так дома!

Тихим безветренным вечером, в тот самый час, когда бандитский охранник Дарахин докладывал князюцу Зосиме о неудачных поисках партизанских родственников, в тайге возле Марыкчана двигалось странное шествие.

Пять стариков, шатающихся от усталости, медленно брели по тропинке. Впереди грузно шёл кузнец Аким. Он был здоровее всех и мог бы давно быть дома. Но остальные его спутники с трудом передвигали ноги, и кузнец часто останавливался, поджидал. К тому же ему совсем не хотелось возвращаться в посёлок до прибытия красных отрядов. Но старухи поставили на своём, старики подчинились старухам, и Акиму пришлось поневоле следовать со всеми.

Екатерина Манасова, согнувшись в три погибели, хромала между кочек. Впереди её лениво шла старая собака Эксюю. Екатерина, дёргая волосяную верёвку, заменявшую поводок, всю дорогу разговаривала с собакой. Когда-то Эксюю была заставой маленького Коли, и старуха берегла дряхлое животное, напоминавшее о сыне.

— Иди, иди, Эксюю.

Молчаливый старик Оноев поддерживал под руку жену. Слепая, ощупывая палкой кусты, говорила за двоих.

— Ближние покосы для меня далеки стали. Раньше-то, бывало, по четыре раза на день сюда бегала коров доить, а теперь... Да иди ты как следует! Куда меня на кусты тащишь!— сердилась слепая старуха.—Пропал мой Сеничка, некому теперь матери помочь...

Зимой в Марыкчане разнёсся слух, что Семён Оноев убит в бою на реке Аар, и слепая мать не переставала оплакивать сына.

— И зачем мы по тайге шатаемся? Сыновей убили, пусть и нас убивают. Какая нам теперь жизнь,—оборачиваясь к слепой, отзывалась Екатерина Манасова.

Дряхлый Сардархан, слушая оханья старух, вспоминал Кешу Тускаева. И у него на старости лет не было поддержки. К чему это кузнец вздумал таскать их по сенокосам, зачем уходить от смерти, когда впереди только одинокая старость? Впрочем, у Акима дочь ещё жива, ему можно на что-то надеяться.

Так, занятые своими тяжёлыми думами, шли по тайге пя-

теро стариков и одряхлевшая собака. Через каждые сто шагов присаживались отдыхать. Женщины однообразно сетовали на жизнь, проклинали бандитов. Мужчины перекуривали. Эксюкю после передышек упирался, не хотел итти. Терпеливая Екатерина уговаривала собаку:

— Иди, Эксюкю, иди...

Под вечер старики добрались до заимки Будашевского. Отсюда слышались звуки близкого боя. Непрерывные раскаты перестрелки гремели около Марыкчана. Изредка доносились крики «ура». Слепая старуха перекрестилась:

— Дай бог удачи красному воинству!

На лугу перед заимкой отдыхали особенно долго. Сардырхан поругался с кузнецом, упрекая Акима в помощи белым.

— За дочку тебе бояться нечего, за себя тоже. Сколько патронов ты приготовил для Абыланова? Слышишь, как стреляют бандиты? Твоими патронами...

Кузнец Аким сконфуженно оправдывался. Готовить патроны его заставили силой. Не ему, так другому пришлось бы делать. Но в разговор вступили женщины, и кузнец замолчал. В глубине души он чувствовал себя преступником. Справедливо упрекали его эти несчастные старые женщины. Может быть, патроны, заряженные им по приказу бандитского штаба, несут сейчас смерть десяткам партизан и красноармейцев. Может быть, пули, забитые им в медные гильзы, в прошлом году оборвали жизни Манасова и Оноева. Старухи вправе называть его пособником убийц. Ира, наверное, сейчас с партизанами. А если патрон, изготовленный его руками, принесёт смерть и ей? Запоздалое сознание тяжёлой вины охватило Акима. Придут красные, он искупит свою вину, пойдёт и расскажет сам о своём преступлении.

Грохот орудийного выстрела потряс тайгу. Грозное эхо сотней залпов откликнулось в горах.

— Вот большевики и пришли в Марыкчан. Теперь каждый это слышит,—сказала сама себе Екатерина. Оглохший Эксюкю поднял поникшие уши. Пушка продолжала греметь. Над Марыкчаном поднялся столб чёрного дыма.

— Абыланов жжёт посёлок,—закричала Екатерина Манасова.

В самом деле, багряные языки пламени взвились в том месте, где стояла Марыкчанская школа. Второй столб дымного

пламени поднимался над зданием больницы. Орудийная стрельба смолкла. Расплывчатые звуки боя слились в один ровный, грозовой гул. Красные начали штурм Марыкчана.

— Пойдёмте!—поднялась слепая Оноева.—Пойдёмте, пока доплетёшься, белых выметут. Пойдёмте встречать наших спасителей!

На этот раз старики двигались быстрее. Три огненных костра, полыхавших над посёлком, освещали окрестность. Старики напряжённо вглядывались, ожидая,—вот-вот вспыхнут десятки домов, как угрожали абылановцы. Но пожаров больше не было.

Слепая старуха оказалась права: белобандитов вывели из Марыкчана. Раздавленные артиллерийским налётом, белобандиты, не дожидаясь штурма, стали отступать. Отступление превратилось в бегство при первых выстрелах, неизвестно откуда загрепевших в тылу отступавших. Бандитский комендант Дарахин, которому был дан приказ поджечь ряд домов, успел подпалить только оба здания школы и больницу со своими же ранеными. Разнёсшийся слух о внезапном исчезновении Согуевского и Абыланова заставил поджигателей бросить всё и, очертя голову, бежать за своими начальниками.

Красные флаги развевались на многих юртах, когда старики подошли к околице Марыкчана. На дороге повсюду валялись трупы, брошенное оружие, опрокинутые телеги. Слепая Оноева, услышав, что на улицах вывешены флаги и пожаров больше нет, стала молиться богу. Екатерина Манасова, подходя к своей избёнке, заметила открытую дверь.

— Замок сломали. Унесли, наверное, последнюю муку, злодеи абылановские...

Екатерина берегла несколько фунтов муки, последнее своё достояние.

Оноев издали заметил человека, выбежавшего из екатерининой избёнки с ведром в руках. Человек быстро пошёл к ручью, где всегда брали воду. Оноеву почудилось, что это погибший сын.

— Похож на нашего Сеню, жаль, что ты не видишь,—сказал Оноев жене.

— Не тревожь сердце. Мало ли похожих людей,—оборвала мужа слепая.

За изгородью Екатерина обратила внимание на раскрытый

амбарчик. Старики гурьбой зашли в тесную клетушку. К удивлению Екатерины, мука лежала нетронутая. Весь скорб был на своём месте, не хватало только самовара.

— Один самовар мой успели унести,—объявила Екатерина, и все пошли в избу.

Открыв дверь, Екатерина застыла на пороге. В переднем углу сидел Костя Амурский. Напротив его, на боковых нарах, улыбалась незнакомая красивая девушка. Пропавший самовар стоял у печки.

— Костя! Хоть тебя живого увидела!—кинулась обнимать нежданного гостя Екатерина.

— Я жив, как видишь, бабушка Екатерина, и умирать не собирался. И ты жива, а мне говорили,—в застенке у Абыланова померла.

Девушка, сидевшая на нарах, встала и поздоровалась с Екатериной. Старуха обняла гостью, не спрашивая, против обычая, ни имени, ни кто она такая. Сардархан и Оноевы уселись отдыхать. Старухи засыпали Костю вопросами. Слепая чуть не обезумела от радости, узнав, что её Сеня цел и невредим. Зато Костя приуныл, когда Екатерина Манасова рассказала о бегстве Николая из тюрьмы и безвестной пропаже Иры. Екатерине не пришлось повидать арестованного сына. Она так часто привыкла терять и находить его следы, что в последний раз твёрдо поверила слухам о гибели Николая при стычке с бодайбинскими бандитами.

Старик Оноев терпеливо сидел, дожидаясь Сени. Узнав от Кости, что сын жив, Оноев ничего больше не спрашивал и только улыбался счастливой, тихой улыбкой. У него хватило бы терпения ждать Сеню целую вечность. Но Сеня не замедлил явиться.

Девушка, впервые очутившаяся среди марькчанцев, Настя Аргунская, соскочив с нар, приняла из рук Сени Оноева ведро с водой, и он поспешил обнять слепую мать. Отец ожидал своей очереди, не переставая улыбаться.

Екатерина Манасова со слезами глядела на радостную встречу семьи Оноевых. Они снова вместе, у них будет счастливая старость. Костя Амурский видно подружился с этой красивой скромной девушкой; может быть, они поженятся и тоже найдут своё счастье. А ей, Екатерине, потерявшей мужа и сына, ей осталось только плакать. «Никто не вспомнит даже о Ни-

колае Манасове»,—с обидой подумала несчастная вдова. Но это было не так. Все помнили Колю, Николая Манасова, организатора марыкчанской молодёжи. Помнили и остерегались произносить его имя, чтобы не расстраивать несчастную мать. Слухи, пущенные абылановцами, стали известны повсюду: Николай Манасов застрелен в стычке с бодайбинским отрядом Луганова.

Екатерина вытерла слёзы.

— Давайте, на радостях, угощать гостей. Мука есть, будем лепёшки печь.

Слепая отправила старика за дровами. Костя Амурский, Семён Оноев и Настя легли подремать. В последние четыре дня им почти не пришлось спать. Семён Оноев после пленения Николая командовал разведкой; Костя Амурский сражался в ударной группе авангарда; Анастасия Аргунская ухаживала за ранеными. Сегодня все трое получили отпуск для отдыха и устройства личных дел, как говорилось в увольнительных записках, выданных по распоряжению заботливого комиссара Ивана Ивановича Чинарина.

33

Госпитальные палатки разместили на поляне, поросшей мягкой травой. В Марыкчане не было зданий, подготовленных для раненых, а больницу бандиты сожгли. Со всех сторон к полевому лазарету несли и везли раненых. Маруся Ордонская вглядывалась в каждые носилки, в каждую телегу. Слухам о гибели Николая Маруся не хотела верить. Ей казалось, так же, как в Бояркинской слободе, сейчас подъедет подвода, поднесут носилки, а там лежит Николай. Много было знакомых и незнакомых лиц, но Манасова среди раненых не было.

Поздним вечером, закончив размещение раненых по палаткам, проверив, везде ли на месте дежурные санитарки, Ордонская пошла в штаб. Подходящий дом под госпиталь надо было просить в комендатуре безотлагательно.

Пожары потухали, но едкий запах гари плыл вместе с сильным дымком по улицам и переулкам. Красная полоска поздней зари тлела над горами. В окрестных лесах и на лугах, где расположились на отдых красноармейские части и отряды партизан, было тихо. Изредка перекликались часовые.

Во дворе штаба было многолюдно. Здесь никто не думал об отдыхе. Маруся окликнула Чи-Дуаня, госпитального повара, не видел ли он Чинарина? Нет, Чи-Дуань комиссара не видел. Повар куда-то спешил и Маруся не стала его задерживать.

Военный комендант Марыкчана, Костя Амурский, которого хотела повидать Маруся, отсутствовал. Дежурный по комендатуре паренёк не знал, какие дома штаб выделит для госпиталя. Расстроенная Маруся Ордонская решила отложить дело до утра. Понурив голову, она вышла со двора на тёмную улицу и остановилась. По узенькой просеке, из тайги к посёлку, двигались пылающие факелы. Из-за поворота в улицу выскочил всадник, за ним—другой, третий, четвёртый... Освещённые факелами всадники вылетали из тёмного леса цепочкой, один за другим, и, казалось, им не будет конца. Вот передовой подскакал, круто завернул во двор штаба. Маруся с криком бросилась к лошади. Это был Николай Манасов. За его спиной сидела вооружённая девушка с рассыпавшимися по плечам, огненными в свете факела, волосами. Манасов остановил коня. Вооружённая девушка в разорванном платье, перепоясанная пулемётной лентой, как белка, спрыгнула на землю. Рядом с Николаем вырос второй всадник. Маруся узнала загорелое смеющееся лицо Сидора Булуки. Николай сунул поводья своего коня Булуке.

— Маруся! Вот так встреча!—не стесняясь присутствием посторонних, Манасов обнял и звонко расцеловал девушку. Маруся не находила слов. На мгновение её кольнуло в сердце. Кто эта красивая рыжеволосая девочка, приехавшая в седле Николая?

— Знакомся, Маруся! Это Ира, спасающая мою жизнь! Пусть она будет нашей сестрой. Поручаю её твоим заботам. Одень её получше, а то она и тебя сконфузит. Потом мы расскажем тебе обо всём...

Маруся порывисто обняла юную партизанку. Ира доверчиво прижалась к груди Маруси. Японский карабин, покачиваясь, сполз с иринога плеча. Девушка подхватила оружие и Ордонская увидела, как на запачканных, обожжённых порохом пальчиках сверкнуло тоненькое серебряное колечко.

— Пойдём, сестрёночка!

— Обожди, Маруся, погляди, какого зверя мы захватили.

К штабу подъехала широкая телега. На ней, раненый в обе ноги, лежал Зосима Абыланов. Девушки с отвращением по-

глядели на его багровое плоское лицо. Абыланов упорно прятал глаза.

— Он гнал уже по главному тракту на восток, но мои парни не дремали. Полюбуйтесь, тот самый, что собирался содрать с меня шкуру...

Зосиму Абыланова сняли с телеги. Булука повернул его лицом к партизанам. Бандит отворачивался. Он ждал, что сейчас его начнут пытаться.

— Главного полководца привезли?—раздался голос командующего красными частями Атамалова. Дымя новой берёзовой трубочкой, Атамалов спускался с крыльца.

— Его бандитскую светлость,—доложил Сидор Булука.

— Хорош кабан,—осмотрев Абыланова, заключил красный командир.—Пока с ним заниматься некогда. Вызовите фельдшера, пусть его осмотрит и перевяжет в комендантской, а в госпиталь не отправлять. Посадите в чулан, где сидел Манасов. У нас он не убежит.

— Да, жelaющих помочь ему в Марыкчане не найдётся!

Хромающего бандита увели. Атамалов-Катунский пригласил Манасова к себе. По знакомым коридорам Николай прошёл в кабинет, где несколько часов назад царствовал князец Зосима. Полы были подметены, мебель аккуратно расставлена по местам.

— Закуривай, товарищ Манасов, и докладывай, что ты делал эти дни, где пропадал?—с дружеской усмешкой обратился Атамалов.

Николай поставил винтовку к стене, уселся напротив командира и, хотя прежде никогда не курил, взял предложенную папироску.

— Ты настоящий большевик!—сказал Атамалов, выслушав обстоятельный рассказ Николая.—Настоящий большевик! Я давно к тебе присматриваюсь, да поговорить всё не доводилось. У нас с тобой общие приятели есть. Один из них тебя расхваливал так, что, признаться, мне не особенно и верилось.

— Кто мог вам обо мне рассказывать, товарищ Атамалов? Вы в Якутии недавно, какие у нас могут быть общие приятели?

— Есть, есть такие. С одним я в Иркутске повстречался. Вячеслава Щербаня знаешь?

— Вячку?—воскликнул поражённый Николай.

— Не знаю, как тут ты его называл, Одним словом, Вяче-

слав Щербань. Перед отъездом в Якутск он мне много полезных советов надавал, много порассказал. И тебя всячески восхвалял. Мне уже сообщили, что ты во-время пустил в ход прокламации и оружие. Молодец! Вячеслав Щербань не ошибся, доверив тебе...

С товарищеской радостью Николай узнал судьбу Вячки. Пленные красноармейцы были отправлены в Якутск. Там Щербаня посадили в концлагерь. Из концлагеря Вячке удалось бежать. Через полгода он добрался до Иркутска. В этом году Вячка пошёл учиться в совпартшколу.

— Твой Вячка награждён, брат, орденом Боевого Красного Знамени, и, я думаю, ты тоже не останешься без награды,— закончил удивительную повесть Атамалов.

Пока командир беседовал со своим счастливо вернувшимся разведчиком-партизаном, в штаб приехал Чинарин. Услышав, что нашёлся Манасов, комиссар не замедлил повидаться со своим учеником.

— Дай-ка его мне, товарищ командующий! Ты наговорился, теперь моя очередь. Парень, как-никак, мой ученик! Надо с него и мне отчёт спросить: где был, что делал?

Атамалов подписал приказ о пятидневном отпуске и протянул Чинарину.

— Одобряешь, товарищ комиссар? Дадим ему пять суток на женитьбу? Пусть в гости зовёт!..

— Подожди, товарищ командующий, тогда познакомься с невестой. Она в коридоре с подружкой, жениха ожидает...

Чинарин вышел и вернулся с Марусей Ордонской и Ирой.

Маруся успела переодеть названную сестрёнку в старенькое, но чистое платье. Непокорные рыжие волосы Ира спрятала под марлевую повязку. Вместо истасканных, порванных полушапожек, Маруся обула девушку в свои любимые ровдужные торбоза с яркой вышивкой.

— Вот, товарищ командующий, девушка, которая спасла Манасова. А это... это вы знаете, что за девушка,— Чинарин, улыбаясь, подвёл за руки покрасневших Марусю и Иру к столу Атамалова.

Красный командир приветливо пожал руки обеим девушкам. Чинарин от имени командования объявил Ире благодарность за самоотверженный поступок.

— Ты поступила, как советская патриотка, спасла жизнь

товарища, не побоявшись за свою жизнь. Ты хотела вступить в комсомол? По возрасту тебе ещё нельзя, года нехватает. Но мы посоветуем ячейке сделать для тебя исключение.

— Спасибо, товарищи командиры,—застенчиво сказала Ира.

— А тебе, начальник разведки,—обратился к Николаю Чинарин,—сверх отпуска вот, получи паёк за те дни, пока был в отлучке. Так и быть, пусть твоё не пропадает... Товарищ Ордонская, на сегодня ты свободна, с госпиталем я займусь сам... Идите.

...Повар Чи-Дуань, получавший у завхоза продукты для госпитального котла, несмотря на тусклый свет керосинового фонаря, едва освещавшего амбар, узнал Манасова ещё в дверях.

— Э, Никола Манаси, нашёлся. Здоров, друг, здоров! Зачем амбара ходил?..

Узнав, что Манасов пришёл за пайком, кореец обрадовался.

— Тебе многа кушать нада. Тебе женить нада. Маруся ждала. Я ждала. Все девки ждала. Все парни ждала. Зачем долго пропадала...

Завхоз с помощью Чи-Дуаня отвесил и отмерил полагающиеся продукты, и Николай, взвалив на плечи мешок, догнал девушек около убогого, низенького, но милого отцовского дома. Дымок, выходящий из трубы, низко стлался по крохотному, бедно-огороженному дворику. Подслеповатое оконце, вросшее в завалинку, было освещено. Хибарка дышала давно забытым уютом.

— Любуйся, Маруся, на наш дворец. Тут нам с тобой и жить не тужить,—весело показал Манасов на убогий домик.

— Мне с тобой везде хорошо будет, Коля.—серьёзно ответила Маруся.

Николай открыл дверь. Старая Екатерина выронила из рук самоварную трубу. Настя Аргунская, Оноевы, Костя Амурский вскочили с мест. Николай нежно поцеловал мать. Старуха от радости тряслась и долго не могла выпустить из рук голову склонившего сына. Закалённый в боях разведчик-комсомолец едва удерживал счастливые слёзы.

— Мама, поздоровайся с Марусей и обними Иру. У тебя теперь будет сын и две дочери...

Ничего не спрашивая, Екатерина обняла вдруг ослабевшими

руками обеих девушек. По якутскому обычаю она понюхала их в лицо и потом поцеловала.

— Лепёшки пригорели,—неожиданно заговорила слепая Оноева,—а всё я виновата. Жду, покудова Коля со мной здороваться станет...

Настя Аргунская кинулась к камельку—лепёшки и в самом деле начали пригорать. Манасов обнял слепую мать своего приятеля и стал переходить из объятий в объятия.

Время побежало незаметно. Старик Оноев водрузил на стол самовар. Екатерина расставила все чашки и блюда, какие только нашлись в скудном хозяйстве. Слепая не могла успокоиться, сетовала на пригоревшие лепёшки.

— Испортила у Екатерины последнюю муку.

Хозяйственная Настя напомнила о мешке, принесённом Николаем. Нет ли там чего-нибудь получше лепёшек?..

На столе появились консервы, колбаса, масло, пшеничный хлеб, сахар,—никогда не виданные в этой избёнке лакомства.

Ужин прошёл, как самый большой праздник. Простые люди, собравшиеся в семейном кругу после многих лет унижений и бедствий, свободно говорили о будущем. Старики толковали об ожидаемых внуках и внучках. Они должны родиться в счастливые годы.

Молодёжь мечтала сразу обо всем: о работе, об учёбе, о любви...

...Спустя много времени, марыкчанские комсомольцы, вспоминая этот день, называли его самым замечательным в своей жизни. И, правда, этот день, отмеченный летописями Советской Якутии, стал первым днём новой истории посёлка Марыкчан.

ЭРИЛИК ЭРИСТИН И ЕГО РОМАН

Недавно умерший якутский писатель Эрилик Эристин (Яковлев Семён Степанович) родился в 1889 году. Детство и юношество Эристина прошли в тяжёлой обстановке бездомного батрачества, в кабале у князьцов-тойонов, национальных феодалов, державших в дореволюционной Якутии в своих руках жизнь и смерть тысяч обездоленных единоплеменников. Обстановка потрясающей якутской нищеты хорошо известна русским читателям по произведениям В. Г. Короленко и других литераторов, побывавших в ссылке в этой отдалённой окраине. Эристин батрачил, работал на лесозаготовках, искал золото на таёжных приисках.

Драгоценного самородка старатель-золотничник не нашёл, но после Октябрьской революции обнаружил самородок в самом себе. Эристин стал первым якутским писателем-беллетристом.

Эрилик Эристин—выходец из полуграмотных батраков, писатель-самоучка,—заслуженно пользуется именем зачинателя якутской художественной прозы, одного из крупнейших литераторов Советской Якутии.

Талантливый самоучка с первых дней установления Советской власти связал свою судьбу с большевистской партией. С оружием в руках он провёл все годы гражданской войны. Огромный материал по истории партизанского движения на Дальнем Севере, по организации комсомола и работе первых большевистских организаций в Якутии послужил Эристину основным источником широких творческих замыслов.

Последние годы жизни, почти лишившись зрения, Эрилик Эристин работал и как писатель, и как общественник, поистине не покладая рук. Повести «Волнение», «Сыновья Революции», роман «Марыкчанские парни» и десятки рассказов, написанные Эристином, пользуются большой любовью у якутских читателей.

«Основная заслуга Эристина заключается в том, что в своих произведениях он старался разрешить главную проблему

советской литературы—показать рождение и формирование нового человека...»¹

Такова характеристика, данная творчеству Эристина якутскими литературоведами.

«Марыкчанские парни», одно из наиболее значительных произведений Эристина, опубликовано на якутском языке в 1942 году. Влияние таких образцов классической советской литературы о гражданской войне, как романы Н. Островского, на наш взгляд, очевидно. Эристин любил русскую литературу и на ней учился. Личные впечатления участника гражданской войны, молодого большевика-партизана позволили автору создать своеобразное повествование, в основе которого лежит показ огромной роли якутского комсомола, родившегося в годы борьбы с последышами колчаковщины и интервенции. Подлинные исторические события и живые прототипы описаны в «Марыкчанских парнях».

После февраля 1917 года, когда большинство активных революционеров-большевиков, проживавших в ссылке, выехали из Якутии в центры, на окраинах России осталась накипь давно отошедших от всякой революционной деятельности меньшевиков и эсеров. Эсеришки, меньшевики и прочие разновидности политических банкротов с помощью местных «великоякутских» националистов захватили власть в свои руки. Октябрь ударил по всем этим обломкам грозным предупреждением. Но колчаковско-интервентский переворот в Сибири отбросил Якутию в то же положение, при котором она была в годы царской власти.

Неокрепшие большевистские организации Якутии, отрезанные от России, ушли в подполье. Колчак и интервенты заигрывали с националистами. Кулаки-тойоны, князьцы подняли голову. Но не надолго. Классовая борьба в Якутии шла тайно и явно. Националист Никифоров, ездивший летом 1919 года в Омск на колчаковское экономическое совещание, докладывал: «Большинство крестьян тяготеет к большевизму... Лично убедился и слышал разговоры с выражением неудовольствия на существующий порядок управления и надежды на скорое возвращение большевиков...»²

Надежды трудящихся северных окраин оправдались. Колчак и интервенты были изгнаны из Сибири. Восставшие в

¹ Сборник «25 лет Якутской АССР», 1948, Якутск, Якутгосиздат.

² ЦГА ЯАССР. фонд Яозу. д. 27, л. 31

Якутске 15 декабря 1919 года рабочие, крестьяне и интеллигенция разгромили колчаковских наместников и восстановили власть Советов. Борьба на этом не кончилась. Разбитая контрреволюция организовывала одно за другим кулацко-тойонские мятежи на окраинах, а временами грозила и республиканскому центру. Якутский народ дал отпор внутренним врагам. Красные партизаны повели кропотливую войну с белобандитами. На разных участках огромной территории Крайнего Северо-Востока РСФСР создались своеобразные «фронты» гражданской войны.

8 февраля 1921 года Коллегия Народного Комиссариата по делам Национальностей под председательством И. В. Сталина рассмотрела вопрос о положении в Якутии. Прямым следствием внимания тов. Сталина явился декрет об организации Якутской Автономной Советской Социалистической Республики, принятый ВЦИК 22 апреля 1922 года.

Ленин, отвечая на приветственную телеграмму конференции якутской бедноты, писал: «Освобождающиеся от кабалы тойонов, якутские трудящиеся массы пробудятся и с помощью русских рабочих и крестьян выйдут на путь полного укрепления власти самих трудящихся...»¹

Мероприятия партии большевиков и советского правительства по освобождению Якутии и помощи якутскому народу воодушевили трудящихся на новые подвиги.

Временные неудачи не ослабили народной борьбы. Не поколебала веры в победу большевизма и трагическая гибель Нестора Александровича Каландарашвили. Посланный в Якутию с группой войск, Каландарашвили был предательски завлечён в засаду и погиб героем. Красные части неуклонно двигались по Якутии, совместно с партизанами уничтожая белобандитские гнезда.

Напрасно американско-английские и японские капиталисты из фирм «Гудзон Бей и К^о», «Олаф Свенсон и К^о», «Арай Гуми» и другие вооружали белобандитов. Напрасно генерал Пепеляев собирался «оторвать якутских братьев» от Советской России с помощью заграничных денег, горсточку офицерья и бандитских шаек. Летом 1923 года последняя банда была загнана в безлюдную тайгу Аяна и разгромлена. Сам Пепеляев сдался в плен. Уцелевшие националисты бесславно сложили оружие. Та-

¹ «Ленинский сборник», т. XX, стр. 327

кова краткая историческая схема, на материале которой Эрилик Эристин написал свою книгу «Марыкчанские парни».

Подобно романам «Как закалялась сталь» Н. Островского и «Молодой Гвардии» А. Фадеева, повесть якутского писателя, также посвящённая нашей коммунистической молодёжи, не может не волновать сердца новых поколений победоносного советского народа. Скромный художественный документ великой темы борьбы за свободу и независимость своего народа Эрилик Эристин закончил незадолго до смерти, в первый год Отечественной войны.

Ныне книга Эристина стала широко известной, любимой книгой якутской молодёжи.

Перевод «Марыкчанских парней» на русский язык сделан с незначительными сокращениями и несколькими пояснительными вставками, введёнными переводчиком непосредственно в текст повествования.

Общая редакция «Марыкчанских парней» осуществлена при помощи старейшего литератора Якутии М. Н. Тимофеева-Терёшкина.

Анатолий Ольхон

1948 г. Осень

Восточная Сибирь